

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ АССОЦИАЦИИ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

РУССКОЕ ПОЛЕ №1(11)

2014
ВЫХОДИТ С 2010 ГОДА

ЖУРНАЛ ВЫПУСКАЕТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФО - поле
АРП РМ

«Русский дом» Валентина Рыбицкого 3

Поле
притяжения

Наталья Стеничева. Московские ангелы 8

Пушкинская
горка

Наталья Унгард. Кофейные зёрна..... 12

Роман Кожухаров. Дубово 52

Поле
Победители
славы

Валерий Бакшеев. Из дневника династии Цинь 21

Валерий Купершмидт.

Жизнь, достойная памяти потомков 28

Воскресение

Наталья Лясковская.

Глава из книги «Матрона Московская» 39

Ближние
зарубежья

Грузия. **Паола Урушадзе, Шалва Бакурадзе, Анна Лобова-Кубецова, Тариэл Цхварадзе, Шота Иаташвили, Тамри Пхакадзе** 67

Поли-ART

Лариса Хромова. Его последний спектакль.

Илья Тодоров 84

Зерна
и плевелы

Сергей Казначеев.

«Но, может быть, бессмертье...» 89

Пётр Шорников. Подполье в действии..... 95

Артём Белянский. Мой прадед Николай..... 121

**Леонид Поторак, Игорь Корнилов, Павел Полищук,
Марина Шупак**..... 124

Николай Костыркин. Молодёжь Молдовы:
разобщение, как следствие неумения мечтать..... 152

Ольга Сизых. Белый кот 156

Учредитель и главный редактор: *Олеся Рудягина*
Редколлегия: *Сергей Пагын, Виктория Алесенкова, Татьяна Орлова,
Виктория Чембарцева, Михаил Поторак, Наталья Новохатняя*

Лит. редактор и корректор: *Нелли Торня*
Художник: *Сергей Сулин*
Вёрстка: *Людмила Ильина*

E-mail: russkoe-pole-md@mail.ru
ISSN 1857-1301

Отпечатано в типографии SRL "Metrompas"
г. Кишинёв, ул. Фердеулуй, 4

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции журнала «Русское поле».

«РУССКИЙ ДОМ» ВАЛЕНТИНА РЫБИЦКОГО

11 апреля исполняется 5 лет Российскому центру науки и культуры в Республике Молдова. Уже пять лет? Не верится! Время летит, когда оно насыщено интересными важными событиями. РЦНК – добрый друг Ассоциации русских писателей Республики Молдова. Не было случая, чтобы мы, обратившись в Центр с какой-либо творческой конструктивной инициативой, не получили поддержку. «Русское поле» – единственный в Молдове толстый литературно-художественный и публицистический журнал – выпускается при всемерном содействии Центра. Республиканский литературный конкурс «Шерпенский плацдарм», посвящённый 65-летию Великой Победы, и Республиканский литературный конкурс для молодёжи «Взлётная полоса», который мы провели уже в третий раз, смогли состояться и достойно прозвучать исключительно благодаря поддержке Российского центра науки и культуры. Первый в Молдове Независимый литературный фонд «Белый Арап», благодаря поддержке Центра, дважды выпускал итоговые сборники короткой прозы конкурса «Серебряная подкова». Своеобразная творческая мастерская «Литературное воскресенье», которое Ассоциация проводила каждое первое воскресенье месяца в библиотеке им. М.В. Ломоносова в течение 8 лет, с прошлого года «прописалось» в стенах Центра. А ещё – множество литературных встреч, вечеров, чтений! И это только то, что на поверхности. А были ещё и встречи под девизом «Два берега одной реки» и спортивные соревнования – «Спартакиада поколений», «Рыбницкая регата», «Русский жим», и очень тёплый праздник ко Дню любви, семьи и верности, и Дни российского кино, и многое-многое другое...

Каждодневная кропотливая и вдумчивая работа Центра направлена на защиту и укрепление русского языка в республике, развитие добрых традиций русского мира – одной из составляющих нашей полиэтнической страны!

Сердце этого необыкновенного Дома – конечно, его директор, руководитель Представительства Россотрудничества в Молдове **Валентин Евгеньевич РЫБИЦКИЙ**, с которым читатели впервые встретились на страницах нашего журнала в ноябре 2010 года.

– Чтобы не казалось всё таким парадно-безоблачным, Валентин Евгеньевич, расскажите, пожалуйста, в нашем втором интервью сначала о том, что не получилось. Были в работе Центра неосуществлённые проекты?

– Нет. Дело в том, что, даже если что-то не получается с ходу (я ведь по знаку Зодиака Овен – огонь, по году рождения – Лошадь), задуманное доведу до конца позднее!

Важно в работе опираться на профессионалов, соотечественников-единомышленников, соратников, друзей.

– А что Вы считаете своей безусловной победой?

– Первое – это, конечно, приезд к нам Михаила Казиника. Помнится, пришла Наташа Барбанщикова с идеей. Я тогда только приступил к своим обязанностям, ещё ничего здесь не знал, денег не было, мы «сбрасывались» личными деньгами,

я ездил за ним в Киев. Незабываемый, уникальный концерт мирового уровня состоялся в Кишинёве, – филармония давно не знала такого аншлага! Потом Казиник приезжал ещё раз и снова – огромный успех.

Затем – «Крылатые качели» – фестиваль песен нашего детства на стихи Юрия Энтина. Наверное, трудно представить, сколько приходится по ходу подготовки решать самых неожиданных проблем! Например, я встретил поэта в аэропорту страшно расстроенного – у него накануне сильно расшатался передний зуб, вот-вот выпадет, а впереди пресс-конференция... Как только въехали в город, я остановил машину у первой попавшейся стоматологии. Спрашиваю врача: «Вам надо представлять этого человека?» «Нет, говорит, не надо, это – Энтин!» Вот что значит народная любовь: за полчаса доктор снял проблему и даже денег не взял. И сам праздник удался на славу и, уезжая, поэт признался, что лучше, чем в Молдавии, в последние годы ему нигде не было.

Проект «Светлый автобус». Помнится, во время прошлого интервью он только-только созрел. Теперь о нём знают в стране, нас ждут, просят: «Пришлите Светлый автобус!» И мы присылаем. А это учебники, методические пособия, художественная литература, семинары для учителей, презентации российских вузов, выставки, концерты, кинопоказы, спектакли...

Или вот еще проект «Стройотряд». Очень нелегко продвигался. Но нашлись в России люди, которые поддержали нас, помогли. Прежде всего – глава города Кострома Юрий Валерьевич Журин. В результате прошлым летом молдавские студенты из строительного колледжа города Хынчешты работали в Костроме на строительстве жилого комплекса, участвовали в реконструкции знаменитого Ипатьевского монастыря, приобщались к духовным русским началам. Причём жили не так, как обычно гастарбайтеры живут, а в прекрасных условиях – в студенческом общежитии, у них были и выходные, и экскурсии. Вернулись в Молдову довольные: с деньгами – хорошо заработали, язык лучше узнали, с людьми русскими, своими сверстниками, познакомились.

– В чём Молдова оказалась не такой, какой была в вашем воображении? Что огорчило?

– Первым шоком для меня был тот факт, что в Молдавии нет больше тех прекрасных вкуснейших помидоров, которыми я буквально объедался в молодые годы, живя в Минске, а затем в Москве. И Кишинев представлялся мне совсем таким, как в знаменитой песне:

«Мой белый город, ты цветок из камня...». И люди были не такими жизнерадостными, как во время моей командировки в Молдавию в 80-е годы уже прошлого века. Было разочарование и в некоторых соотечественниках, которые открытость принимали как сигнал сесть на шею.

– Нашли ли Вы в Молдове «свой» любимое пространство?

– Любимые места? Парк возле Кафедрального собора, улочки старого Кишинева и, конечно, – Старый Орхей. Это что-то запредельно космическое! Когда стоишь возле каменного Креста на этой круче, смотришь вниз, а там – почти вертикальный обрыв, и пасущееся стадо внизу, и излучина реки... Поднимаешь взгляд – впереди церковь, под которой вырубленные в скале кельи... Невероятной энергетики место.»

– Мы в прошлом интервью говорили с Вами о журналистике, так как изначально журналистика – Ваша профессия. Кто из «коллег» в Молдове соответствует предназначению этой профессии в Вашем понимании?

– Например, Дмитрий Чубашенко. Очень интересный человек, прекрасный журналист. Такой, вроде, спокойный, а там, в тихом омуте... такие черти! Константин Старыш – великолепен! Светлана Деревщикова, Наталья Узун, Станислав Выжга, Николай Костыркин... Знаете, я последнее время отношусь к журналистике не как человек, вовлеченный в процесс, а как сторонний наблюдатель. Меня смущает, когда один и тот же журналист сегодня служит одним, а завтра – другим. Сегодня он горячо выступает в прессе за одну партию, завтра – зная все внутренние дела, подноготную этой партии, – под псевдонимом, – охаивает её и своих бывших товарищей. «Ничего личного – только бизнес!» – такая позиция убивает. Это не мой стиль.

– А каков стиль Валентина Рыбицкого?

– Мне повезло с работой – ничего не нужно было в себе преодолевать, ломать. Темперамент, опыт, личные качества накладываются на твою работу и ты полностью – в гармонии с собой. Потому и ритм такой интенсивный можешь выдержать.

И здесь важно, кто рядом с тобой, какой сформировался коллектив. Люди же разные. Были и такие – в прежнем составе, которых в первую очередь интере-

совала личная выгода. «Ну, мы же приехали сюда зарабатывать!» Нет! Мы сюда не зарабатывать приехали, а заниматься важным государственным делом, и труд наш достойно оплачивается. Тут каждый должен отдавать себя полностью. И нужно непременно уходить от чиновничьего формализма, вредящего делу. К примеру, та же Барабанщикова пришла впервые на приём в шортах. Я даже внимания не обратил, но нашлись блюстители «регламента», зашептали: «Как можно, что за манеры?! И вообще руководителю РЦНК необходимо установить строгие часы приёма посетителей, что это за неурочные набеги!» Ерунда! Руководитель Российского центра науки и культуры должен быть доступен и открыт для любой доброй инициативы жителей Молдовы в любое время дня!

А нынешний коллектив РЦНК мне по душе. Более всего нравится, когда наши сотрудники гордятся тем, что мы делаем, когда радуются нашим общим достижениям! Фирменная такая гордость – не самодовольство.

– Не устали от чужбины?

– Социологи заметили, что энтузиазм первооткрывателей – бамовцев, целинников, строителей новых городов иссякал через 7 лет. У меня в запасе ещё есть время (*смеётся*). Я и не стремлюсь уезжать из Молдавии. Сердцем прирос. Мы вот с Тamarой (супруга В.Рыбицкого) на новогодние праздники устроили себе путешествие в Италию, так через несколько дней я уже почувствовал: всё, надоело, хочу домой! И, что самое удивительное, это подсознательное «домой» оказалось – Молдавия! Я заскучал по разбитым нашим узким дорогам, по суете, по нашим прекрасным девушкам и женщинам, по смешанной этой речи! Да, за границей спокойно, красиво, чисто, ухоженно, размеренно и уютно, но здесь – твое!

– Что Вы сегодня читаете? Какая книга ждёт на тумбочке у кровати?

– Ион Друцэ «Одиночество духа» – эссе, рассказы, повести великого мастера. Я давно знаком с творчеством Друцэ. Читал «Белую церковь», в Минске видел спектакль «Каса маре». А эта книга просто поразила меня – я могу не соглашаться с какими-то идеологическими посылами, но – какой слог, какая образная речь! Мы планируем пригласить писателя в Молдавию, подготовить презентацию его книги. Дай ему Бог здоровья!

– Кто для вас настоящий герой нашего времени?

– Человек нашего времени – это для меня тот, кто желает добра своей стране, государственный, который честно делает своё дело. Он не «рубит бабки» – он честно работает на своём месте. Пашет!

В этом плане меня во многом поражает наш посол Фарит Мубаракшевич Мухаметшин. Настоящий трудоголик! Работать. Работать. Работать. Системно. Умно. Требовать от себя и от подчинённых – самых высоких результатов. Такие люди сейчас очень нужны!

– Юбилей. Что он значит – лично для вас?

– Пять лет центру! Вы помните, где мы начинали? И посмотрите, какое здание у нас сейчас. «Построили» новый дом – выстроили работу. Первая пятилетка завершилась. И, я надеюсь, мы её выполнили.

Самый главный результат, что в этом доме не только наши сотрудники обитают – ежедневно в нем бывают сотни людей! Здесь всегда горит огонёк и на него

приходят люди. Примечательный эпизод: как-то, прервав мои разъяснения, где находится РЦНК, один мой собеседник сказал: «Знаю-знаю, это тот дом, который выше «Эвереста»*?!

– А как сегодня складываются отношения с молдавскими чиновниками? Можно ли говорить о каком-то сотрудничестве?

– Безусловно! Министр культуры Моника Бабук – образованная, деятельная, симпатичная. Мы с послом

с ней недавно встречались. Она была хорошо подготовлена по всем обсуждаемым вопросам, можно уже было что-то сразу решать. Я с таким раньше здесь не сталкивался. Вот, например, впервые за долгие годы в государственном издательстве запланирован выход двух книг на русском языке – прозы и поэзии. Решили вместе помочь русскому драмтеатру им. А.П. Чехова – грядёт его 80-летие. Похоже, наконец, продолжится строительство здания для «Театра с улицы Роз» Юрия Хармелина.

Пре красивые отношения у нас сложились с руководителем кишиневского департамента образования Татьяной Нагнибеда-Твердохлеб, с директором филармонии Светланой Бивол, с директором Органного зала Ларисой Зубку. Налаживаются конструктивные отношения с Министерством просвещения.

Видите, посольство сегодня строит свою работу не на отрицании, не на противостоянии, а на позитиве, исходит из доброго посыла. Это побуждает к шагам навстречу, к хорошим делам.

– Сейчас модно слово «месседж». Вот какой «месседж», Валентин Евгеньевич, вы передали бы современникам?

– Жизнь лучше, чем нам её преподносят!

Интервью подготовила Олеся РУДЯГИНА

*новый магазин рядом с РЦНК.

ИНФО - поле АРП РМ

МОСКОВСКИЕ АНГЕЛЫ

Литераторы Первопрестольной подарили кишиневской библиотеке 2200 книг.

Печатная книга в век информационных технологий кажется анахронизмом. Но многие люди по-прежнему любят её как живое, родное существо, которое можно прижать к груди, положить под подушку. Можно ласково, до бесконечности касаться пальцами атласных страниц и напиваться льющей с них спрессованной мудростью человечества...

УТОЛИТЬ ДУХОВНЫЙ ГОЛОД

Ф. Мухаметшин, Чрезвычайный
и Полномочный Посол РФ в РМ

Увы, из-за безденежья книжные фонды молдавских библиотек от года к году всё более ветшают, а новые поступают только на румынском языке. Соответственно, читатели выражают недовольство. Вот почему каждый приток новинок воспринимается книголюбями как большой праздник! И именно такой счастливый день выдался для кишиневской библиотеки им. Ломоносова в первый месяц весны. Автобус российского посольства доставил сюда 42 тяжелых коробки с 2200 фолиантами – коллективным даром московских литераторов и книгоиздателей, и 28 марта состоялась церемония их передачи «Ломоносовке».

На первом плане – Т. Млечко,
ректор Славянского университета

Порадоваться акту дарения пришли дипломаты, представители Министерства культуры РМ, журналисты, писатели. Как водится, было сказано много проникновенных речей. Так, директор библиотеки Маргарита Щелчкова, поблагодарив дарителей за душевный порыв, сообщила, что, хотя фонд насчитывает 112 тысяч книг, проблема в их низкой обновляемости. Так что москвичи вовремя прислали свой бесценный подарок. Это художественная литература разных

жанров, книги по истории, философии, психологии, политика, фантастика, мистика. Это серии: «Острый сюжет», «Гриф секретности снят», «Государство и

власть», «Военные приключения», «Сделано в СССР», «Сто великих» и многие другие.

Особая радость – книги с автографами современных авторов, адресованные специально «Ломоносовке»! Особое место занимает коллекция книг известного литературоведа, основателя лучшего в России издательства интеллектуальной литературы Станислава Лесневского. Книги были его миссией сохранения русской литературы. Увы, в январе подвижник ушёл из жизни. «Будем знакомить читателей с книжными новинками и утолять их духовно-интеллектуальный голод, устраивая презентации, выставки, дни информации. Благодарю россиян и российское посольство за прекрасный дар», – заключила Маргарита Юрьевна.

Посол РФ в РМ Фарит Мухаметшин в своем выступлении сказал: «Мы встречались с министрами просвещения и культуры Молдовы г-ми Санду и Бабу, обсуждали многие вопросы, в том числе и поддержку русского языка, русских школ и библиотек. В итоге будет подписана 3-годовая программа между нашими правительствами о гуманитарном сотрудничестве. Я давно обещал посетить эту библиотеку, но неудобно было приходиться без подарка. Огромное спасибо вам, что проводите так много интересных мероприятий. Сегодня я передаю вам реестр книг. Этот дар был организован при поддержке Министерства регионального развития РФ и лично министра Игоря Николаевича Слюняева. Он пообещал помочь и другим библиотекам Молдовы. А мы подсобим с проведением читательских конференций, встреч с писателями, чтобы вовлечь в эту орбиту заинтересованную часть интеллигенции России. Ведь известно, что Кишинев в свое время был одним из центров книгоиздания».

Российский полпред сообщил также, что в этом году пройдет акция, во время которой каждой русской и русско-молдавской школе будет подарено по 38 томов русской и зарубежной классики и по 20 томов детской литературы.

В ДОЛНУ – СО ВСЕЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ БРАТИЕЙ

Взявший слово руководитель РЦНК Валентин Рыбицкий поблагодарил председателя Ассоциации русских писателей РМ, поэтессу Олесю Рудягину, «застрельщицу» события, за то, что «подняла своих друзей в России. Получился симбиоз частной и государственной инициатив. Так и надо строить нашу работу».

В Рыбицкий, директор РЦНК

Слева – В.Шейкану, советник
Министерства культуры РМ

М.Желчкова, директор библиот. им.
М.В.Ломоносова и В.Чеколтан, автор
программы «Art-Club» (TV «Moldova-1»)

Сама Олеся эмоционально посвятила собравшихся в необыкновенные подробности случившегося. «Вначале было слово. Однажды Нина Орлова-Маркграф выложила в ФБ информацию, что одной из библиотек в России ею были подарены детские православные книги. На мою реплику: «Ой, как здорово! Вот бы такое и для наших деток, в библиотеку им. Ломоносова!», моментально на почту пришло сообщение: «Пишите адрес». Через неделю посылка с её книгами была уже в Кишинёве. Следом написала подруга Нины Любовь Грязнова: «Я тоже хочу поучаствовать». (Нужно сказать, что всё это – круг замечательной московской украинки – писательницы и поэтессы Натальи Лясковской). Любовь и ее супруг Александр Константинович Грязнов, как я узнала позднее, – советник Министерства регионального развития РФ, стали передавать по цепочке, что русской библиотеке в Кишиневе нужны книги. И люди стали приносить, дарить из личных коллекций. Потом была переписка и своего рода «военные» сводки: вчера собрали столько-то, сегодня – столько-то; откликнулся этот писатель, этот поэт! Станислав Лесневский, можно сказать, перед самой смертью отдал распоряжение: отошлите вот эти книги. Откликнулись известные литераторы и издательства. Россия в очередной раз доказала, что является литературоцентричной страной. А «переброской книг» в Кишинев уже занялось посольство».

Затем слово вновь взял посол России Мухаметшин, пообещав привезти кишиневцам Православную библиотеку и уникальный сборник Иона Друцэ «Единство духа». А празднуемый уже третий год в РФ День русского языка 6 июня предложил отметить в филиале Пушкинского музея в Долне по аналогии с Есенинскими чтениями на Рязанщине. «Пригласим из Союза писателей литераторов, писателей, поэтов, позовём молодёжь. Для всех желающих будут автобусы».

(Ассоциация русских писателей РМ давно мечтает приурочить к традиционным пушкинским дням в Молдове Поэтический фестиваль, уже и название придумано – «Пушкинская горка». Если прозвучавшее предложение осуществится, это станет замечательной кульминационной точкой праздника поэзии! (ред.).

Ректор Славянского университета Татьяна Млечко назвала книжный дар спасательным кругом, сказав, что ради сохранения русского языка в Молдове как языка науки, хорошо было бы пополнить и университетские библиотеки.

В финале церемонии передачи книг Олеся Рудягина набрала московский телефон Любови Грязновой и сказала в трубку: «Читальный зал русской библиотеки в Кишинёве вам аплодирует!» И все дружно в адрес замечательной москвички зарукоплескали.

«А что она ответила?» – спросил кто-то из корреспондентов у Олеси. «Ее слова были: мы с Сашей слушали и радовались до слез», – ответила поэтесса. И затем поделилась: «Я часто говорю своим знакомым в Златоглавой: что же вы, россияне, так часто сами на себя наговариваете? Да нет на свете людей открытее, щедрее и роднее! Я их называю «московскими ангелами». Знаете, коробки эти собирались прямо в кабинете Александра Грязнова, а помогали их грузить перед отправкой – молдаване, работающие в министерстве. Мне потом написали и другие писатели, которые об акции узнали позже, они тоже хотят отправить книги, даже целые библиотеки. А Елена Данченко вдогонку уже послала свои поэтические сборники почтой.

Хотелось бы поблагодарить за добрые движения души дарителей Владимира Личутина, Владимира Кострова, Марину Кудимову, Надежду Кондакову, Ларису Васильеву, Леонида Сергеева, Дмитрия Жукова, Сергея Шаргунова, Анатолия Вершинского, Игоря Волгина.

Огромное спасибо живо откликнувшимся Юрию Михайловичу Полякову и «Литературной газете», главному редактору издательства «ВЕЧЕ» Сергею Дмитриеву; издателю и поэту Евгению Степанову; директору издательства «Художественная литература» Георгию Пряжину и Юлии Качалкиной – ведущему редактору издательства «ЭКСМО».

Светлая память Станиславу Стефановичу Лесневскому».

Борис Амамбаев

И таких коробок с книгами – 42!

Наталья СЕНИЧЕВА,
«Молдавские Ведомости» для «РП»

Фото Сергея СУЛИНА

ПРОЗА

Поле притяжения

НАТАЛЬЯ УНГАРД

«КОФЕЙНЫЕ ЗЁРНА»

О, ДАЙТЕ ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ!

Когда-нибудь я расскаюсь и заиграю на трубе! И все простят меня и выдадут сухой паёк со сгущённым молоком, индийским чаем и билетом гастролирующего провинциального театра. И я пойду по Главной улице с чистыми ногтями, высвистывая из души «Марсельезу» и умывая окна трамваев слезами. А пока я лежу под диваном и всех ненавижу. Меня все забыли, и мой день рождения проглочен календарями и спущен в водосточную трубу будней.

Автомобиль рыжих такс – единственное, что может меня спасти! Я раздаю их букетами во все дома, которые меня кормят, и развешу кружево нераспустившихся жалоб над окнами их сердец. Я хочу быть толстой негритянкой с голосом, как доменная печь, и петь блюзы-индиго на верандах кафе и хлебать виски вазами. Но у меня другая родина и высшее образование. Я даже не умею играть на барабане. И сердце моё извивается ужаленной змеей и покрывается морщинами.

Я плачу от жалости к себе и моей никому не нужной жизни, и от этого плачу ещё горше, почти безостановочно, и живот мой подпрыгивает до самых пружин, и диван гудит подо мною и рычит всей громадой, и рыдает, как бормашина. И я засыпаю...

Мне снится утро и детство. Я выбегаю на улицу. На мне белая глаженная рубашка и шорты. Я разгрызаю зелёное яблоко и встречаю белого кольцеобразного червя. “Ты откуда?” – говорю я. “От верблюда”, – говорит он. Я вижу верблюда. Он проходит по детской площадке под тополями. Он улыбается мне и зовёт за собой... где-то в той жизни звонит телефон, я бегу за верблюдом и... врезаюсь в развороченные внутренности дивана!

Но в последний миг, прижимая ладонь к разбитому лбу, я вдуваю в космические мембраны телефона мой чистейший и упругий, как кожа ребёнка, звук раскаяния: «О, дайте мне ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ и я переверну весь мир!»

* * *

ПАПЕ.

Если килограмм пуль прокрутить через мясорубку, растереть толкучкой, которой толкут картофель, посыпать свинцовой пылью, а потом бросить кусками на сковородку и залить осенними дождями, то будут котлеты, которые готовит мне моя мама, которые любил папа до тех пор, пока его не убили на войне.

Его не убили. Он умер. Я это точно знаю. Я поняла это, когда мама по телефону говорила с подругой об ангине, от которой умер на бойне бык.

Котлеты я скармливаю псу Чарли, который вовсе не пёс, а человек. Который ходит ко мне, когда я зову его. Он не слышит этого, а я слышу, когда он меня называет старухой Поли.

Мне не нужен человек, мне нужен пёс Чарли. А ему нужна лошадь Поли в белых яблоках у старого негра. А я смотрю на него лошадиными глазами. Иногда его поколачивают мальчишки, и я зализываю ему раны. А он говорит: "Ничего, старуха Поли, скоро поедем в Россию соловьев по ночам слушать".

Одна девочка в сочинении написала, что хочет быть мамой. Ее мама хороший врач, она лечит больных.

Я тоже хочу быть мамой. У которой был папа. Который ел любимые котлеты. Который не умер от войны. У которого дочка. А у дочки – пес Чарли. Настоящий мохнатый пес. И войны чтобы не было.

* * *

ТЕБЕ.

Как сказал один влюбленный: "Ничто человеческое нам не чуждо!" И поэтому волосы мои липли к голове и шее, как водоросли, и грудь под мокрым платьем насторожилась, будто готовая упасть капля, и соски были холодные и пресные на вкус, и дождь попадал прямо в поцелуи, и казалось, что кто-то рядом жует нарциссы. А потом мы упали под кусты и делали то, что собаки делают в переулке, голуби на крыше, а кошки на заборе.

Мы плыли, запрокинув наши весла, с открытыми ртами, и нас забрасывал ветер охапками звёзд. А потом у тебя в паху мы нашли мёртвую белую бабочку и похоронили её на подоконнике в чьём-то цветочном горшке, и голодный месяц улыбался нам кривой улыбкой утерянного господства, а мы любили друг друга так, будто хотели умереть.

А потом пошёл снег. И самым красивым местом в мире стала помойка. И мир отпустил нас. И ты сказал: "А ты помнишь то идиотское время, когда мы не любили друг друга?" "Как будто", – сказала я.

И мы были. А потом ушли.

* * *

КРАСНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ.

Во дворе были тополя, а вокруг асфальт. По асфальту прыгали голуби и что-то клевали. Девочка стояла, а мужчина сидел в сером кресле с пищальями и большими колёсами. А девочка положила подбородок на спинку кресла и куда-то смотрела. Мужчина думал о девочке. Пошёл дождь, и голуби улетели под крышу, а девочка убежала. Мужчина поднял лицо, и дождь падал ему в глаза.

Я стояла под деревом. Серая кошка с острыми ушами пряталась под креслом на колёсах. Вокруг была свалка и валялась раскладушка. Из мокрого осколка стекла на меня смотрело испуганное детское лицо...

Я поняла, почему убежала девочка. Я закричала и побежала. Он услышал. Я гладила сухими ладонями его мокрое лицо.

А потом дождь кончился. Пришёл ветеран в сером костюме и вытряхнул мусор из ведра. Это были пакеты из-под кефира, мятые газеты в жирных пятнах и красные тюльпаны. Ветеран увидел, что мужчина и женщина смотрят на его тюльпаны, и посмотрел на кошку.

“Кис-кис”, – сказал он и ушёл.

* * *

ДА-ДА...

Женщина покачивала головой в такт метро-поезду. Вниз-вверх. Вниз-вверх. Будто говорила кому-то или чему-то в себе: “Да-да, ты прав... ты прав...” Хорошо, что в метро покачивает. В магазине или на остановке на это обратили бы внимание. А в метро покачивает. И все это знают. И люди вместе кивают головами. Они соглашаются. “Согласны... согласны... согласны...” – говорят они. Но женщина говорила: “Да-да, ты прав... ты прав...” Сидящие в вагоне смотрели на нее, и никто не мог понять – почему. А женщина посылала невидимые им сигналы и, получая ответ, говорила: “Да-да, ты прав... ты прав...”

А потом она шла по вечерней улице, и круглоголовые фонари глупо смотрели ей в шляпу. Они не могли рассмотреть того, кому она говорила: “Да-да, ты прав... ты прав...”

Из-за угла вылетел влюблённый: “Она любит меня!!! Навеки!!!” “Да-да, ты прав... ты прав...” – ответила женщина в чёрном костюме и чёрной шляпке, с черной ленточкой на рукаве. Влюблённый удивился: “Я, наверное, разговариваю вслух?” А потом обрадовался: “Я прав!!! Я прав!!!” Он улыбнулся женщине. Она увидела влюблённого и улыбнулась кому-то: “Да-да, ты прав... ты прав...”

Подъехал любой трамвай. Женщина вошла в него. И, покачиваясь, трамвай отъехал: “Да-да...”

“Да-да...”

“Да-да...”

* * *

ВИШНЁВОЕ ВАРЕНЬЕ.

Женщина чистила вишню. Струйки вишнёвого сока сбегали к локтю. Женщина слизывала их языком. На руке оставались розовые дорожки и высыхали на солнце. Новые струйки натыкались на дорожки и на зализанные волосики, огибали их и получались узоры. Женщина откинула с лица волосы, и на переносице осталось розовое пятнышко сока.

Сквозь щель в калитке мальчик наблюдал за женщиной. Он хотел, чтобы вишни было много. И вишни было много, целое ведро. Он хотел войти в сад и попросить вишни, а потом сидеть рядом с ней и есть мокрые прохладные вишины, чтобы они тыкались ему в губы и в нос, как щенки. И ничего не знать.

Мальчик решил подождать, когда женщина дочистит вишню и поставит её под навес. Иначе она может вспомнить: я чистила вишню... И пускай вымоет руки и заметит в зеркальце пятнышко на переносице, и сотрёт его. Потому что он не сможет, если будет пятнышко. Она забудет про вишню, вишня под навесом сгниёт, но можно будет отнести вишню за огород и бросить в канавку. Чтобы она не вспоминала: я поставила вишню под навес...

Женщина запрокинула голову и прикрыла глаза. Пролетела белая бабочка.

Весна в этом году была долгой и тёплой, было много пчёл, и вишни было много. Из домов пахло вишнёвым вареньем. Надо было подойти и сказать: “Папа уехал... Он сказал, чтобы ты его простила...” И всё.

* * *

ОДНА ДВЕРЬ.

Осталась последняя дверь. В сумасшедший дом. И она была передо мной. Но мне туда не хотелось. Во-первых, там заборы. А я их не люблю. А во-вторых, режим и дисциплина: рано вставать, в одно и то же время есть, по звонку – спать, книжек много не читать, так что, чего доброго, с ума не долго сойти.

Старая жизнь облезла, как змеиная кожа. Смерть отсутствовала. Поэтому я сел в автобус и поехал в другую сторону. Я подумал, дорога куда-то приводит. Я понял, что скоро моя остановка. И, правда, в автобусе никто не собирался вставать. Я сошёл со ступеньки...

И опять увидел эту дверь. Я – человек. У меня есть руки. Поэтому я открыл её.

... Я вошёл в детскую. На полу валялись кубики, машинки, солдатики – мои старые игрушки. Возле маминого фикуса стояла лошадь на колёсиках. Хотя её не было видно за индейским вигвамом из тёплого пледа, я знал, что она белая с чёрной гривой. На спинке венского стула были развешаны моя рубашка из байки в зелёную клетку и шорты в красных ромбиках с верёвками через плечи. Обычно я думал, что вырос из них. Но я взял и одел их. И вдруг понял, куда я хочу больше всего на свете. Я перебежал улицу, обогнул дом и сад из дикой вишни, выбежал на площадь, окружённую огромными, ветвистыми во все стороны тополями с треугольными листьями и подбежал к двери с вывеской “ЦИРК”. Я рванул в разные стороны красные портьеры, они хлопнули по воздуху своими крыльями, а я был уже на арене – клоун!

* * *

ЭММА.

Вечер полинял, расползся ливнем по городу, затолкав под навесы и крыши живущих в нём людей и кошек. Эмма сдунула с указательного пальца пепел, и он разлетелся по щелям между окурками в желтовато-розовой помаде. Должно быть, вся помада в этот вечер ушла на окурки, и губы Эммы предательски полиняли, открывая седьмой слой штукатурки фасада прошлого столетия. Эмма с досадой подвернула распоровшийся подол юбки, лизнув пальцы, и заодно понюхала своё плечо. Духи вышли, забыв глуховато-пыльную насмешку, и Эмма тоже о них забыла.

С удовольствием выключив свет, она постояла в тёплой домашней темноте, подошла к вешалке, нащупала плащ, кожаную обивку двери. Попадая пальцами в дырки с ватином, нашла замок, хлопнула с удовольствием дверью и вышла. Завернула за угол дома, поняла, что живёт, и захотела молока.

Эмма пересекла улицу поперёк и прижалась к витрине молочного магазина. Она представляла, что её губы расплавляют стекло, и сейчас она припадёт к бе-

лему пакету и будет пить-пить-пить-пить это белое-белое, единственно оставшееся в мире чистое, и всё тело, рукиногиголовашая, наполнятся белым и чистым, и в груди будет жить белое чистое сердце.

Эммино сердце билось, между тем, в стеклянную витрину, и она ухмыльнулась. Узкой в боках голодной кошкой она прокралась под водосточную трубу, села там, накрывшись с головой плащом, и запела. Об Эмме. Которая жила-жила, и много чего пережила, а видела всего ещё больше, и счастья у неё было много, в общем, есть над чем подумать. И вот теперь ей хватит счастья и хочется молока. Помнишь, как тогда? Никто не помнит, а Эмма помнит. И если Богу не мешает шум дождя услышать это, она просит налить ей молока в водосточную трубу. Она подставит левый рукав, чтобы первый поток достался её голодному сердцу.

Эмма успокоилась. Бог услышал её.

— Эмка, дура, засопливишь, — щёлкал дождь по капюшону.

— А ты весь высохнешь, — проворчала Эмма.

Эмма, Эмма. Солидная женщина, тебе сегодня опять семнадцать, правда, с бо-о-о-ольшим носом, а ты по-прежнему... Отстань. Поздравляю! — пропела Эмма и вскочила в незнакомую лужу.

— Сумасшедшая старуха, угомонись, — прошипели серые брызги.

Мокрые колготки впились в тело. Эмма подождала, пока туфли наполнялись водой, потом зевнула и пошла домой, представляя за дождём небо и Бога, и думала, что настоящие леди никогда не торопятся туда... и не заставляют себя ждать.

Из парадных пахло ужином, кошками и ужатым спрессованным теплом. Ливень дырявил вечер, пока тот не пошёл ко дну.

* * *

АКВАРИУМ.

*Неиссякаемы детские обиды,
мы носим их в своём сердце всю жизнь.*

Заходишь в комнату в летний день, и, кажется, что тополя движутся на тебя цыганским табором в диком танце, повизгивая ветром, потрясая гибкими плечами ветвей, звеня бубенцами листьев, сверкая монистами солнечных бликов. Тогда замираешь на пороге, охваченный предчувствием долгожданного чуда, и день этот запоминается надолго, словно улыбка незнакомого человека, протянутая из толпы.

Я подхожу к окну и заглядываю в аквариум двора. На дне его следы, похожие на сплетение удивлённых бровей, начерченные сердитым плавником метлы дворника. Из подъездов vyplывают перламутрово-серые сомики-труженики. Мелькает неоновый косяк школьников. Улитки старушек плавно вползают в кормушки молочных и булочных, ощупывая дорогу вязальными крючками тростей. Иногда треножники старушек замирают на солнечных пятнах, а электрические скакаты автомобилей, ворча, объезжают эти нежные гроздьё нафталина и детского любопытства.

Если посмотреть с улицы, моя комната тоже представляет собой аквариум. В этом аквариуме живёт единственная рыба — я. Вот я подплываю к стеклу и ты-

каюсь в него лбом. Сквозь скрещение солнечных лучей, тополиные ветви, щебет птиц из аквариума квартиры через двор меня разглядывает другая рыба. Приятно, что с такого расстояния не определить, видим ли мы друг друга. Возможна ошибка в определении пола, возраста и намерения. Но главное, что “тот рыб” или “та рыба” – живая и смотрит ко мне в аквариум, становясь моей тайной, моей сиреновой ниточкой печали.

Если это мужчина, я хочу представить его, Вас, тебя обладателем милых странностей. Например, ты пьёшь чай только из дедушкиной толстостенной чашки с щербинкой и чайными, окаменевшими от времени, разводами. Или чавкаешь от удовольствия, читая интересную книгу. Или, засыпая, рассказываешь себе страшные истории и водишь пальцем по обоям, рисуя лица знакомых и буквы латинского алфавита.

А вдруг ты не выносишь процедуры подрезания ногтей и едешь через весь город, скрываясь от знакомых, чтобы в незаметной и пустой парикмахерской, зажмурившись, подставить пальцы добродушной многодетной маникюрше. Представляешь, ты боишься собак и, встречая их на улице, переходишь на другую сторону...

Прости, но предвкушение подарка радостнее и полнее обретения. Мечта о бесконечности новогодней ночи, о том, что любимое платье вырастет вместе с тобой, о сказке, продолжение которой появляется в книге каждый вечер и, наконец, о невероятной любви. Тысячи путешественников за ней возвращались с пустыми руками, и тысячи новых кораблей снаряжали им на смену, окрылённые надеждой невозможного, и только внезапная смерть или новая мечта избавляли искателей от разочарования.

Твои привычки и нелепости никогда не оскорбят меня своей независимостью. Я никогда не одёрну тебя, сердито краснея. И самое главное, ты, неведомая рыба, никогда не сможешь обладать мною настолько, чтобы в один день, пресытившись этим обладанием, бросить меня, спокойную до крика, в пустую банку одиночества и забыть, как забывают в метро надоевшую кепку.

Вы только отплываете в глубину своего аквариума, махнув напоследок хвостом занавески, великодушно не тронув моей души – Скрипку, Маятник и Букварь.

* * *

МАМЕ.

Мама стояла возле окна. На подоконник вползал виноград. Мама ела клубнику из белой чашки. Клубника плавала в воде. Мама разжимала пальцы, и клубника падала на язык. На верхних ресницах мамы повисли капли воды. Наступал вечер. За окном небо было тёмно-синим, стеклянным. Плыли узкие облака, сквозь них просвечивало заходящее солнце, и мне казалось, что это уплывает в небо мамина улыбка.

Мама была ко мне спиной, а я почему-то хорошо видел её прозрачное розовое лицо, розовые улитки ушей. Она красила волосы хной, но там, где начиналась шея и была ямка, волосы не прокрашивались и были серенькие. Ночью, когда из углов шкафа выползали чудища, а я не успевал заснуть и страшился, мама брала меня к себе, и я смотрел в ямку на серые волосочки и засыпал. Я вытянул шею на

подушке и лизнул их языком. Мама проснулась, испуганная моим плачем. Она, ещё ничего не понимая, с закрытыми глазами, прижимала меня к себе, а потом заплакала сама. Бабочки, которых я находил в плафоне лампы и они рассыпались у меня в пальцах, воробей в мусорной куче с одним крылом и кошка на обочине дороги – они спали. С мамой же могло произойти то, чему я не мог найти названия. Я не знал ещё этого слова, я брал её за руки, целовал колени, я обхватывал мамину шею, и мои слёзы падали на её щёки и сливались с её слезами, а я замолкал и переставал дышать от горя.

Я проснулся утром и сел в кровати, с ужасом вспоминая, что заснул, а должен был сторожить маму. Она шла ко мне от двери через всю комнату и держала в руках мою любимую чашку, белую с голубыми снежинками. Пахло какао и первыми заморозками. Мама боялась пролить, и каждый шаг ступала осторожно, как будто входила в море, закусив нижнюю губу...

И тогда я вспомнил, что мне сейчас семьдесят девять лет, а молодая женщина с чашкой в руках – моя внучка, и если я брошусь к ней с криком, как в то утро, она выронит чашку. И я сказал очень тихо: "Доброе утро". А про себя добавил: "Мама".

* * *

ИДУ ЗА ТОБОЙ...

Я наступила на розу. Я иду за тобой. А ты бежишь впереди вниз по переулку, перепрыгивая через ручьи помоев, и шпага твоя высекает искры из камней мостовой. Внизу тебя ждут корабли, распахнув паруса. Я хочу перегнать ветер, чтобы он не успел унести тебя в море. Но у меня всего две маленькие ножки в деревянных башмаках. Солнце опрокинулось под ноги закатной огненной медузой. И теперь я иду за тобой в чёрных вязаных чулках, и камешки зло смеются над моими ногами. А ты уже прыгнул на корабль и жёлтым плащом растревожил тучу. Она смыла с меня платье. Ветер обогнал меня. Твои паруса скрывает морской горб...

И я иду за тобой по волнам.

* * *

КРАСНЫЕ БУСЫ ШАРЛОТТЫ.

Ее зовут Шарлотта. Она угощает меня виноградом и щебечет на моем русском с немецким акцентом своей страны. Двое других в купе уже спят, а мы на нижних полках шепчемся о Христе. Шарлотта едет по религиозным делам со своей церковью. Они любят Христа всей компанией, и она предлагает попробовать это, и угощает меня виноградом. Я тоже люблю Христа, но предпочитаю делать это в одиночку. Она изливает на меня заученные фразы с таким вдохновением, что мне кажется – она сейчас запоет и взлетит на ветку сирени. Я подшучиваю над Шарлоттой, она чувствует это, но не обижается. Утром она просыпается в белой чистейшей блузке и красной легкой юбке, на шее – красные бусы, и светлый пиджак. Шарлотта сияет, она возбуждена и счастлива. Я подумала, как женщине идет религиозность. Мужчины становятся занудами, сухарями, садистами или

мазохистами, а женщина сияет и щебечет, излучает счастье и любовь. Наверное, религия – это женское призвание и времяпрепровождение, мужчинам не стоит заглядывать в эту дверь. Шарлотта выпорхнула из поезда, скормив мне весь свой виноград, напихав в карманы моей сумки маленькие книжечки ее веры. Оставив моей душе свой образ изумительной свежей христианки 79 лет. Шарлотта, ты прекрасна! Я люблю тебя, моя Шарлотта. Эту бессонную ночь я посвящаю Христу и Шарлотте, видишь, ты все-таки научила меня любить Его в компании. Моя птица во Христе, моя хихикающая во Христе девчонка с красными бусами. Шарлотта... Шарлотта... Шарлотта... – это имя выстукивают колеса поезда, в котором Он, Шарлотта и я.

* * *

ПРИГЛАШЕНИЕ К СВАДЬБЕ.

Сегодня я срываю с себя ответственность за прошлое и будущее, разрываю занавес на платье и бегу! Открывайте двери вашего запорожца – я еду! Вынимайте из багажника фату и разворачивайте бутерброды с лимоном и ветром. Я дарю вам к свадьбе алый галстук в летнюю зебру с душой амазонки и скрипки. На старт! Внимание... вверх!!!

Мы летим над пустыней Сахарой, где старушка в чёрном платье из чешуи продаёт подснежники и абрикосы. Ведро абрикосов мы зальём в бензобак, а полкило подснежников повезём дальше, в подарок Большой Медведице – у неё аллергия на вечность и звёздная свинка.

Солнце припекает и ворошит мои перья. И я желаю приклеить на пятки горчичник твоих ладоней и пить гоголь-моголь любовных признаний, но – некогда!!! Уже океан и спина голубого кита. Мы лишь на мгновение присядем на краешек вспышки и через тысячу лет вернёмся к черепахе за фотографией без негатива.

Вперёд!!! На день рождения Новой планеты из единственного поцелуя. Эгей! Снимайте свадебные ботинки и жёлтые носки нашей бедной разлуки. Осторожно ступайте по чёрному тёплому вымени, поящему млечностью космос. Я скажу вам любимые звуки, отбросив с лица ресницы и стряхнув последние крошки стыда с обнажённого платья души... Я пригубляю вас до обожания... Я люблю вас, примите меня и запейте берёзовым соком. Я буду женою и сфинксом, жить под зонтиком вашей подмышки, считать корабли и улыбки детей, помешивая варенье из свадебных обещаний. Хэй-хо!

* * *

УЛЫБКА ПОД ДОЖДЁМ.

Я стою на перекрестке в очереди за квасом под дождем в плаще, без трусов! Мир развесил во все четыре стороны гирлянды мокрого асфальта. Улица Каляевская выгибается и блестит ложечкой для ботинок. Дождь бросается головой вниз, и вода в лужах пенится, будто квас в стеклянной кружке.

Небо смущает меня. Оно – не то. Я знаю это всем телом и прилипшим к нему плащом – оно не свободно!

Хочется пить так, что забываешь вкус кваса. Очередь длинная и вся под зонтиками, как в яичной скорлупе. Во всей очереди я – тайно голая и явно счастливая.

Никогда не улыбайтесь под дождем – люди перестанут вам доверять и, стыдясь себя, начнут проверять карманы. Улыбка под дождем всегда неожиданна и подозрительна. А свободы на всех так немного.

И гораздо меньше, чем кваса!

– Простите, кто крайний?

Вместо биографии

Моя сестра Оля Тиховская – гениальный преподаватель английского и еще как минимум трех языков, журналист, культуролог, писатель, лектор – свою карьеру начала с экспериментов на младшей сестре. На мне, то есть. Она развешивала по всей квартире бумажки с английскими словами, заставляла меня делать построчный перевод шотландского поэта Роберта Бернса с ненавистным толстенным словарем Миллера, а потом превращать эти каракули в стихи на русском, покупала мне краски и бумагу; на сон грядущий читала Твардовского «Ленин и печник», которого до сих пор не могу выкорчевать из мозга, тренировала мою память заучиванием эпитафий в стихах, съедала мои конфеты, чтобы сохранить мои зубы; в общем, когда я прочитала про детство бедного маленького Вольфганга Амадея, я плакала, потому что вспоминала свое детство. К счастью, родители не могли позволить себе фортепиано и даже скрипочки, иначе я убежала бы из дома. Она же отвезла меня на раскопки в Старый Орхей, где мы с подружкой три месяца таскали носилки с землей, а кладка так и не нашли (хоть сестра Оля клялась на томике Пушкина А.С.), и наконец, привела меня в школьный театр к Юрию Аркадьевичу Хармелину.

Эксперименты детства не прошли бесследно: где-то на антресолях и на стенах друзей висят мои картинки, я пишу пьесы, стихи, баллады. Постоянно изобретаю для себя новые возможности поговорить с этим миром и людьми через творчество: кишиневские театралы видели мой спектакль на театральном фестивале «Молдфест.Рампа.Ру» прошлой осенью.

Успела поработать в нескольких театрах: Режиссерские мастерские под руководством Михаила Ульянова, Московский Новый ДТ, Театральный Дом Старый Арбат, Театр им. Рубена Симонова и МДТ «Практика». Играла в антрепризе у Андрея Крючкова и Владимира Долинского.

С 2003 года снимаюсь в эпизодических ролях и ролях второго плана. В 2012 году на канале НТВ состоялась премьера иронического женского детектива «Хвост», где я сыграла главную роль. Сейчас продолжаю сниматься в сериалах и телефильмах, преподаю в Школе Телевидения Останкино актерское мастерство на факультете журналистики, провожу мастер-классы по актерскому мастерству, создала собственную антрепризу. Игру в московских антикафе и малых залах.

Писать начала в детстве и продолжаю до сих пор. Эти короткие рассказы – мои кофейные зерна – я начала собирать в эпоху Первой Любви. Пишу и сейчас. Я не могла поверить, что жизнь города проста, груба и прозаична. В каждом горящем окне мне виделось свидание и волшебство отношений, в каждой случайной фразе – код мироздания, каждая песня о любви была обо мне и для меня. В общем, я и сейчас одной ногой на крыше. И главное, что я поняла об этой жизни – каждый родившийся на этой планете ищет в своей душе дырочку, через которую в этот мир может излить свою Безусловную Вселенскую Любовь. А вы не знали? Так вот теперь – знаете!

Наталья Унгард

ПОЭЗИЯ

Пушкинская горка

ВАЛЕРИЙ БАКШЕЕВ

ИЗ ДНЕВНИКА ДИНАСТИИ ЦИНЬ

1

Курица не вещает утра, а коль прокукарекает петухом –
 между явью и сном,
 во тьме впрок обсиженного гарема,
 то это – не более чем туманная теорема...
 Однако тайна ее, как говаривал мой начальник,
 в суглинок живьем зарытый печальник,
 кивая на захватанный бамбук дщицы:
 «Писец ведет записи кистью, а ты... ты хуже мокрицы,
 из тех, что вредят посевам,
 высший смысл тебе до сих пор не ведом...».
 А между тем, астрологи вновь бубнят свое и наводят страхи,
 и умная книга не дороже, чем рукава от рубахи
 каменотеса, потеющего вблизи смоляных кострищ;
 лодки, лишенные в потасовке днищ,
 уже не всплывут из глубин песчаного ила.
 Но и нам, сидящим на берегу, должно быть, скоро могила,
 жди иль не жди трупа врага, проплывающего мимо –
 такова уж эта эпоха, задохнувшаяся от смрадного дыма.

2

...Но если познаешь утром правильный путь,
 не лучше ль в подушку носом зарывшись, ввечеру заснуть?
 Ведь теперь и для совершенномудрых канон не писан,
 да и я, как последний раб, служу за паршивую жменю риса,
 затаившись зверку подобно;
 вот и смотришь вокруг, стремясь разглядеть подробно.
 Но видишь только зады и спины,
 а поймешь ли сегодня по филейным местам,
 где тут женщины, а где – мужчины?
 Однако по выражению лица ублюдка
 смекнешь – и это уже не шутка, –
 когда, скрывая в усталых ладонях дрожь,

случайно стряхнешь на иероглиф указа вошь,
и прядь седую зачесывая до боли,
в будущее взглядишься, как сельдь в неволе,
нанизывая прилежно слова и фразы.
...Теперь-то уж мы с тобой добредем до порога фанзы,
хотя и забыв, поигрывая дверной скобой,
что нет нам с тобой, дружок, возврата домой.

* * *

Всё изящней часы, всё опаснее время...
На ботинках моих тяжелеющих бремя
От хождений по кругу, от пустых разговоров,
От дорог и людей, долгих зим и укоров.
Невозвратное время!.. Я склоняю колени,
Очарованный странник! Это прошлого тени
Ковыляют и плачут, словно пьявки прилипли,
И туманом свинцовым застилают периплы.
Я тебе благодарен. Но ведь это недолго.
Человек во вселенной, он как в стоге иголка.
Чем опаснее время, тем верней быстротечность
Обойдётся без стрелок, камня как вечность.

* * *

Нам пока тут не разобраться.
Темен смысл и темна душа.
Могут руки соприкасаться,
И слепцы идут не дыша.
Только в небе пустом от века
В ноябре прогремит гроза,
И в канаве у человека
На глазницах блеснет слеза.
И покатаются из котомки
Золотые яблоки в снег,
На руины и на обломки,
На случайный гнилой ночлег.
Ни воды, ни огня, ни хлеба,
Но зато здесь тепло от тел;
Суковатою палкою в небо
Буду тыкать, смертельно бел,
Чтобы там, в глубине колодца,
Где схождение всех времен,
Уловить, как тревожно бьется
У соседа сердце сквозь сон.

* * *

Шаги торговца песком
слышны за моим окном.
А где-то в углу двора
качается тень с утра...

И некому снять с гвоздя
рубаху,
промокшую от дождя.
И тихо растёт трава
из ветхого рукава...

* * *

Л.Б.

...Взметнулась и скрылась, обидой дыша,
Чтоб девочкой с бантом предстать не спеша.
Веласкес, Петроний, Рембрандт и Ван Гог...
Ты черною кошкой свернулась у ног,
И нет никого, кроме тусклых зеркал,
Чтоб нынче «менины» твои увидал.
А я – соглядатай в картине немой,
За ребра подвешенный вниз головой.

* * *

Нелеп и страшен водоем,
Слепая воля правит в нем.
И кто-то с удочкой в руках
Шуршит в ободранных кустах.
Чертополох, кувшинки, ряска...
Бренчит убогая коляска,
И, запрокинув свой кадык,
Безногий делает кирдык
Сорокоградусной мерзавке,
И, зная толк, должно быть, в травке,
Пускает кольца в небеса,
Со лба откинув волоса.
Здесь не растёт густой пачули,
Здесь просто тихий остров «Туле»,
Где женский визг и мат отборный,
Где ни буфетов, ни уборных;
Здесь просто райский уголок,
Где теней прошлого клубок...

* * *

Последние деньги потратил на масляные концы...
Чему бы еще научиться у тебя, мой молчаливый кот?

Ты смотришь в трещины в потолке, зализывая рубцы.
Зима... Мерзлые кожи, понукая лошадку, везет

Бородатый угрюмец в тулупе овчинном,
Скрипом полозьев оглашая пустынную даль.

Здесь мало что изменилось, лишь в матерном слове длинном
Сквозят не то боль, не то отчаянье и печаль.

Редкие люди выходят на этот мороз,
А если и идут, то не за добром и советом.

И только ты, прилипнув к окну, всматриваешься до слез
Туда, где текла река, где пахло травой и летом.

ВЕЛИКИЙ ИГРОК

Эти долгие крики, Сократ,
И туманные ночи среди звона безумных цикад.

Кто останется там, далеко за горой,
Чья вершина белеет в полуденный зной?

Эти толпы людей, занедуживших враз?..
Но пока ты живой, ты пока не угас.

Завернись в серый плащ, удержишься у окна.
Где-то в рощице вновь серебрится луна;

В эту краткую ночь тишина и покой,
Ни друзей, ни огня, только демон с тобой.

Только голос его, что глумлив и лукав,
Из песчаных глубин, из сплетения трав

Шепчет ту же тайком несусветную бредь,
Словно жизнь впереди, а не кроткая смерть.

* * *

Кора ствола зачитана до дыр,
До буквицы в неведомом изводе,
Здесь золотистый жук, штурмующий надир,
С утра до вечера гнобит себя в работе.

И полдень, низколоб и наг,
Рассеянный пришлец среди осенней чащи,
Как в пищевод, предчувствующий мрак,
Протиснется сюда к негромкой славе вящей

Холмов и дюн за пологом косым,
Восставшим среди пёстрого обличья –
Из тверди, где клубится, словно дым,
Присутствие нездешнего величья.

* * *

Обратно только время заберет,
Чтоб вынести на берег полусонный,
Где за волной волна качает спелый плод
Земною тяжестью предельно полный.

Обуза здесь оно, но ниже по течению,
Где желтый яр и ласточки стригут,
Песчанка чуткая торит пути к спасенью,
И живность мелкая свершает кроткий блуд.

На стыке ночи и седого дня,
Сгущаясь, набегают тени...
Оврага дно – граница бытия
Под схваткой корневищ, раздвинувших колени.

* * *

*«Пришел человек весь в проказе»
Лука, 5:12*

Блаженных сирых и убогих,
Воров, убийц и шулеров
В застолье свел хозяин строгий,
На время дав еду и кров.

И вот предательские ноты
Уж поросли в гнилых устах –
Содом с Гоморрой сводят счета,
Забыв про божеский устав.

Вино, оливки, заливное,
Грудинка, рыба – сущий бал,
Веселье дикое, хмельное
Вползло туда, где дух дышал.

И как с трещоткой прокаженный,
Вхожу на дьявольский помост,
Чтоб болью и тоской сраженный,
Свое пропеть, случайный дрозд.

* * *

Помню драку торговли капустой
С продавцом погребальных урн...
Вскипали здесь даже чувства
У мух, зудящих ноктюрн!

Жизнь лишь одно мгновенье,
И надо укроп и лук
Успеть спасти от гниения
В круговороте веществ и мук.

Клубнику, редис и репу –
Помоны обильный дар –
Теснил хозяин свирепый,
Расставив рядком товар.

Распивочно и на вынос,
Чтоб дело всходило в тук, –
Прижимистый дядя Сатырос,
Будущих мертвых друг.

И кочни капусты скользкой,
Стуча побелевшим лбом,
Ложились рядом с повозкой,
Покорно забывшись сном...

* * *

Какой-то скарабей с мандибулой и сяжками
Вкатил свой шар на травяной бугор,
В просоночную тьму с усилиями тяжкими,
И взгляды наши встретились в упор...

«Ты слышал что-то в скрипе половиц,
В котором явь и блажь согласно прозвучали?
Возьми листок зелёный из страниц,
Которые когда-то мы читали.

Он так же свеж, как тридцать лет назад...
Немыслимая даль тебя обстала,
И ты уже не различишь ни рай, ни ад,
И выпито вино из старого бокала».

«А что ещё? Откуда голос твой?
Тебя я спутал с памятью неверной...»
«Ну что же... Вспомни псов голодных вой,
Когда их отогнать пытался спичкой серной».

«А что твой шар? Ты мал, а он тяжел...
Куда ты прах толкаешь сей ненужный?»
«Ты помнишь женщину? Ты говорил ей, что нашел,
Которую искал? И полдень нестерпимо душный?»

«Я промолчу. Оставь свой грязный ком,
К чему тебе он, с глиной и навозом.
Что можешь рассказать ты и о ком?
Ползи во тьму, мой друг, с непрошеным обозом»...

* * *

Собаки из чёрной жести,
Трусой бегущие к водомёту;
Снег и конские яблоки; обезлюдевшее предместье.
Совы, спешащие на охоту,

Хотя вокруг ни уха, ни рыла
В сумерках, падающих отвесно;
Сонный петух уныло
Ноту «фа» тянет в избе, где уже не тесно,

Где рады мышам, грызущим книги,
Мухе, тоскующей по теплу и лету.
Где скрип половиц и лунные блики,
И мельница деда во сне, плывущая к свету,

Взмахивая руками, к далёкому окоему,
За которым поле, река и осока,
И странник с заплечным мешком, стремящийся к дому,
Не отличая устья от ускользающего истока.

Валерий БАКШЕЕВ – родился в 1954 г. в Тюмени, в семье, где постоянно и много читали. Служил в армии, в артиллерийском дивизионе (Забайкальский военный округ). В юности не сиделось на месте, и эта пора жизни прошла в «безбашенных» путешествиях по стране, во время которых судьба сталкивала с людьми поведения непредсказуемого и нрава диковинного, расставания с которыми были иногда похожи на бегство.

Несколько лет жил в средней полосе России, а также в Крыму, где работал (г. Керчь) на заводе рыбообработчиком, сезонным пастухом, сборщиком винограда в хозяйствах догорбачевской вырубки. Около трех лет проучился на философском факультете Ленинградского госуниверситета, который пришлось навсегда оставить по семейным обстоятельствам.

Много лет занимался журналистикой, работая в небольших провинциальных городах России, а при переезде в Молдову – в одном из новостных агентств. Последние десять лет – корреспондент регионального издания, выходящего на севере Молдовы. Проживаю в Окнице.

В области стихосложения считаю себя новичком, так как заниматься этим стал время от времени 3-4 года назад.

Поле Победители славы

ВАЛЕРИЙ КУПЕРШМИДТ

ЖИЗНЬ, ДОСТОЙНАЯ ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Эх, время, время, времечко торопится, спешит... Вроде бы недавно сидели за столом, отмечая 80-летие Игната Дмитриевича Дьяченко, а вот уже подоспел его столетний юбилей, да и самого юбиляра почти семнадцать лет уже нет. Нет с нами, нет в живых. Но он есть в воспоминаниях, есть в сотнях больших и малых промышленных предприятиях, строительством которых руководил, а, значит, оставил в них – без этого нельзя! – частицу самого себя.

Вот об этом человеке своими воспоминаниями, мыслями я и хочу поделиться с тобой, дорогой читатель. Надеюсь на твою благосклонность, прощение сумбурности, возможной корявости изложения, так как я не писатель и последние двести лет ни статей, ни очерков не писал. Почему же взялся сейчас? Тому есть несколько причин. Первая – я считаю этого человека выдающимся, вписавшим весомую страницу в историю нашей республики, а историю, как известно, нужно знать. И если молодой человек ищет себе образцы тех, на кого равняться, то вот не книжный герой, а наш родной соотечественник.

Во-вторых, – сейчас я напишу крамольную для нашего времени фразу – я считаю Игната Дмитриевича Дьяченко настоящим коммунистом. Сам я ни в каких партиях никогда не состоял, но всегда делил партийцев на тех, кто вступил в партию ради каких-то своих личных благ, и на настоящих коммунистов, верящих в идею светлого будущего и делающих всё возможное для блага людей. В-третьих, листая подшивки старых газет, страницы книги «Игнат Дьяченко. Ветеран войны. Герой труда» из серии «Твои люди, Приднестровье», я нашёл слишком мало информации о нём как о человеке. Даже в бюсте, установленном в центральном сквере, я вижу мало сходства с реальным человеком. А, если учесть, что на пьедестале нет никакой информации, кроме фамилии и инициалов, то молодые люди и гости города получают нулевую информацию, кто этот дядька и за что он удостоен памятного знака. Всё вышесказанное совсем не означает, что я сейчас нарисую вам портрет, позволяющий всесторонне узнать и понять этого че-

ловека. Но, может быть, мои заметки подвигнут ещё кого-нибудь более талантливого, лучше знавшего Игната Дмитриевича, опубликовать свои мемуары о нём и постепенно сложится наиболее полный портрет. Или подвигнут напомнить о каком-нибудь другом выдающемся гражданине страны. А таких личностей на нашем клочке суши действительно было и есть немало. Надо бережно, скрупулёзно и постоянно собирать, хранить и доносить через средства массовой информации найденные материалы. Ибо, история – это не цепь войн, преступлений и политических интриг, а в основном мирный труд рабочих, крестьян, интеллигенции. И такую историю нужно преподавать в школе. Её плоды будут, по-моему, более благотворны для молодых умов.

В нём было намешано много кровей разных народов. Дед – грек, замостивший булыжником не одну улицу Одессы, женился на молдаванке, родившей в числе 16 детей и мать Игната Дмитриевича. Со стороны отца добавилась украинская кровь и украинская фамилия, и русская кровь, давшая ему окончательную национальность. Родившись за четыре года до Октябрьской революции, он с детства впитывал ту послереволюционную эйфорию, которой была пропитана страна, несмотря на гражданскую войну, разруху и голод. Уже с 1922 года началось восстановление и строительство нового народного хозяйства. Посмотрите без шор на тот период, какими темпами шло превращение отсталой страны в развитую.

Игнат Дьяченко после окончания школы учится в Одесском электротехникуме, где вступает в комсомол. Эта организация 20-х – 30-х годов делами значительно отличалась от послевоенной. Вот как сам Дьяченко говорил о том времени: *«Вспоминаю 30-е годы и большие задачи, которые ставились перед нами, комсомольцами. Нас посылали на длительное время в сёла, мы принимали участие в создании колхозных хозяйств. Это была очень трудная работа. Ликвидация неграмотности у взрослых рабочих на предприятиях, активная работа в комсомоле, в самодеятельности, в спорте, которому тогда уделяли большое внимание. За год – два до ухода в армию допризывников учили метко стрелять, быть физически сильными и выносливыми. В годы Великой Отечественной я часто с благодарностью вспоминал тех, кто учил нас и дал первые основы военной подготовки».*

До войны Игнат Дмитриевич успел отслужить в армии в кавалерийских войсках, поработать руководителем монтажа, а после ввода в эксплуатацию – начальником сначала турбинного, потом котельного цехов Тираспольской ТЭЦ, жениться и даже дожидаться дочери, которая появилась на свет за три недели до начала Великой Отечественной войны. Забегая вперёд, скажу, что он был очень хорошим семьянином, прожившим всю жизнь с любимой женой, подарившей ему в 1948 году ещё и сына. Уверен, что личный пример отца немало способствовал тому, что и дочь, и сын его получили в наследство активную гражданскую позицию. Игнат Дмитриевич ещё до войны, в 1940 году стал членом Коммунистической партии.

Я вошёл в круг знакомых Игната Дмитриевича в 1964 году, благодаря его сыну Юре, с которым мы учились в вечерней школе и подружились. Я стал бывать у них дома, где познакомился со всей замечательной семьёй Дьяченко. Жили они в начале улицы Коммунистической в чистеньком домике с маленьким двориком, который сегодня в сравнении с коттеджами и дворцами «слуг народа» на-

звали бы трущобой. Во дворе росла груша и осенью гостей обязательно угощали сочными сладкими плодами. Сам домик был разделён на два блока, в одной части которого жила семья Игната Дмитриевича, где хозяйничала его жена. Нина Ивановна была домохозяйкой, содержала дом в образцовом порядке, следила, чтобы все были чисто и аккуратно одеты, вовремя накормлены. Я никогда, даже в праздники или торжества не видел у неё каких-либо дорогих украшений. Полагаю, что их у неё, как и у дочери, никогда не было. Нина Ивановна всегда интересовалась делами и здоровьем моих родителей и бабушки. Я никак не мог понять, почему это ей интересно: элементарная вежливость, любопытство? Пока Юра мне не объяснил, что моя бабушка когда-то была его и сестры Лены няней, и Нина Ивановна знала всю нашу семью. Мир тесен!

В доме была обычная мебель: шкаф, кровати, выдавший виды диван. Ничего, чему можно было позавидовать, разве что с любовью подобранной хозяином и его дочерью библиотеке. Игнат Дмитриевич каждый день просматривал кипу газет, из литературы предпочитал мемуары. Мебель этого домика перевозилась семьёй из квартиры в квартиру, вероятно, стоит до сих пор.

Во второй части дома жила родная сестра Игната Дмитриевича Раиса Дмитриевна, заслуженная учительница то ли Молдавии, то ли СССР, не помню. Чаще, уже с женой, мы бывали у них в гостях после окончания института; ещё чаще после того, как Юра, закончив аспирантуру в Одессе, поехал на великие стройки России, и родители остались одни.

Мы окончили вузы в 1972-м году, когда Игнат Дмитриевич уже был Героем Социалистического труда. Но тогда для нас не было авторитетов, мы были нигилистами, всё и вся критикующими, благо, поводов для критики в те годы в стране было достаточно. Впрочем, не больше, чем сейчас или в иные времена нашей истории. Мы были умными, всё знающими, и всё пытались что-то доказать Игнату Дмитриевичу. Не помню, чтобы он хотя бы раз, бряцая орденами, регалиями и заслугами, пытался давить нас своим авторитетом, возрастом. Он мог лишь позволить себе спокойно, без раздражения сделать замечание разошедшемуся сыну. Он вообще никогда не спорил с нами, только улыбался, как улыбается мудрый родитель, глядя на своё любимое, но пока ещё не разумное дитя. Единственное, что он позволял себе, это напомнить, и то не менторским тоном, а по-дружески, что критическое отношение – это хорошо, но неплохо бы сначала самим сделать что-нибудь полезное для общества. Обращался он, как правило, – Людочка, Валерочка, Машенька, Ниночка (жене).

А вот боевые награды Игната Дмитриевича, его военное прошлое – служба в экзотических для нас кавалерийских войсках до войны, разведчиком во время войны – привлекало романтикой, которой мы были лишены. Особенно орден Александра Невского, потому что ни у кого из моих знакомых ветеранов такого не было.

Великую Отечественную Дьяченко начал после окончания курсов военных разведчиков в должности начальника разведки, а с февраля 1943 года и до конца войны – заместителя начальника штаба 47-й механизированной бригады по разведке. Воевал он героически. Он и без приказа всегда был впереди. Вот строка из письма однополчанина Н.Н. Кродинова, радиста в группе Игната Дмитриевича: «Меня всегда восхищал Ваш героизм, смелость и небоязнь быть убитым...». Это совсем не означает, что командир был сорви-головой, не жалеющий ни себя, ни

бойцов своей группы. Да, он был четырежды ранен, с войны вернулся инвалидом 2-й группы, часто рисковал, но это был риск продуманный, просчитанный, то есть оправданный, берегущий насколько это было возможно в боевых условиях личный состав. Приведу выписку из его наградного листа: *«20 января 1945 года одну из самых серьёзных задач по разведке капитан ДЬЯЧЕНКО взял на себя: в д. БОГИНШЕВЕН (8 км ю-зап. ЛЮБЕМЮЛЬ) находилось свыше 400 немцев. Товарищ ДЬЯЧЕНКО на полном ходу, в сочетании с огнём боевых машин, ворвался в деревню, вызвал панику в стане противника. В результате этого дерзкого налёта, несмотря на то, что бой был не равный и длился около 30 минут, переходя временно в рукопашные схватки в домах, разведгруппой под его командованием было взято в плен 38 человек и убито свыше 60 человек, имея свои потери – 1 человека. Во время рукопашных схваток лично капитан ДЬЯЧЕНКО прикладом автомата убил 2 немцев, где был ранен. Награжден Правительственной наградой – орденом АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО».*

Войну Игнат Дмитриевич закончил в Берлине, где сфотографировался со своей разведгруппой на фоне рейхстага. Кроме вышеуказанного ордена Александра Невского, – очень редкий случай для младшего командирского состава – он за свои подвиги награждён ещё четырьмя орденами и пятью боевыми медалями.

Но главный свой подвиг Дьяченко совершил после войны, и этот трудовой подвиг растянулся во времени с 1947 года, когда он по просьбе Молдавского правительства был отозван из армии, и до выхода на пенсию в 1978 году. Какой из них весомей – многолетний трудовой или кратковременный фронтовой – я оценить не берусь.

А продолжил свою трудовую уже послевоенную биографию он опять со строительства и монтажа новой ТЭЦ, так как старая в войну была полностью разрушена. В 1951 году он стал её директором. Но после ввода Дубоссарской ГЭС в 1956 году необходимость в ТЭЦ отпала, и горком партии поручил Дьяченко возглавить Тираспольское специализированное строительное управление. Это было отстающее, слабое предприятие. В первый же день Игнат Дмитриевич изложил требования и критерии, которыми будет руководствоваться в работе, и более 70% коллектива подали заявление на увольнение. Впоследствии многие вернулись. После ряда реорганизаций это СМУ было переименовано в строительное управление № 28, существующее до сих пор. Задачи перед ним ставились гигантские: восстановление и реконструкция разрушенных предприятий и строительство новых. География тоже была обширная – вся территория Молдавской ССР. Это был снежный ком, ибо строящиеся управления объекты становились градообразующими, вызывали наплыв рабочих, инженеров и служащих из сёл и других регионов страны, необходимость в строительстве жилья, школ детсадов, больниц, коммуникаций. А главное – создание рабочих мест, то есть строительство новых предприятий. И СУ-28 с этими задачами всегда справлялось с честью. Нет возможности перечислить все – их свыше двухсот – предприятия, построенные и реконструированные под его руководством: в Тирасполе и Бендерах – практическое участие во всех, но и немало объектов в Каменке, Дубоссарах, Глином, Григориополе, Днестровске и других населённых пунктах. Трудовые подвиги Тираспольского строительного управления № 28 были известны не только в масштабах города или республики, но и на просторах огромной тогда страны.

Десятки раз управление побеждало в социалистическом соревновании среди аналогичных предприятий города, республики, Союза ССР, сотни раз побеждали в соцсоревнованиях участки и бригады управления, а отдельные рабочие получали звания лучшего по профессии. Его комсомольско-молодёжные бригады неоднократно доказывали своё превосходство перед аналогичными бригадами страны и на равных боролись за звание лучших с бригадами старших товарищей. А кто посчитает, сколько Переходящих и Памятных Красных знамён Министерства строительства СССР и Молдавии, ЦК КПСС и КПМ, горкома партии, ЦК профсоюзов, ВЛКСМ и ЛКСММ прошло через руки принимавшего их Игната Дьяченко? Но особенно гордился он тем, что именно его управлению было доверено сооружать Мемориал Славы в Тирасполе.

Как-то в начале 90-х годов в гости к нему приехал боевой товарищ, служивший в те грозные годы под его командованием. Он прибыл из Израиля, где дослужился до генеральского чина, привёз и вручил Игнату Дмитриевичу израильский орден. Оказывается, во время войны в одном из рейдов разведгруппа, которой командовал Дьяченко, освободила несколько десятков советских заключённых, среди которых были и евреи. Для Игната Дмитриевича это был один из тысяч эпизодов войны, вовсе не запомнившийся. Но в Израиле чтят каждого, кто помог каким-либо образом хоть кому-то из евреев в те страшные дни их истребления. Я держал в руках этот красивый голубого цвета орден. Сейчас он в нашем музее.

Вообще, Дьяченко старший был компанейским человеком. Не рубаха-парень, не балагур, никогда не слышал от него анекдота, но гостей принимать он любил, как и спеть, и послушать хорошие песни. Он играл на рояле классическую музыку. Вряд ли у него было время разучивать новые произведения, но выученные в детстве исполнял на мой непрофессиональный слух хорошо. На шутки реагировал правильно – открытой улыбкой. Улыбка всегда таилась в уголках его глаз. Особенно, как мне кажется, его радовало, когда приходили Юрины друзья. Всегда интересовался, как мы живём, чем занимаемся, с какими проблемами сталкиваемся. Игнату Дмитриевичу действительно было интересно, как живёт и чем дышит молодёжь. Возможно, общаясь с нами, он на время отвлекался от своих проблем. И нам было с ним интересно. Не только потому, что он владел большей в сравнении с официальной информацией, у него был свой накопленный за многие годы запас увлекательных историй, а просто потому, что он, держась с нами на равных, был одним из нас. Несмотря на четыре ранения и инвалидность, с которой он пришёл с войны, мало кто из нас, молодых, мог соперничать с ним по количеству времени «удержания уголка» или подтягивании на турнике. Даже когда ему было 70 лет. Всегда подтянутый, худощавый, прилично одетый. Возможно, потому что в доме почти всегда были люди – друзья сына, сотрудники.

Недавно, роясь в подшивках старых газет в поисках материалов о нём, я прочитал, что из шестисот человек управления, занятых на строительстве нашего текстильного гиганта, около четырёхсот были молодыми. Может быть, поэтому его главное детище – наш хлопчатобумажный комбинат – было объявлено республиканской ударной комсомольско-молодёжной стройкой? Игнат Дмитриевич не только любил молодёжь, охотно принимал молодых, неопытных строителей, но и не боялся доверять им сложную работу. Вообще у него было природное чутьё на потенциальных молодых вожakov производства. Он безошибочно их определял,

ставил на руководящие места, и они его не подводили. Вот лишь один пример. *«На площадке строящегося консервного завода он появился в 1956 году. Этот крепко сбитый парень заинтересовал своего начальника Игната Дмитриевича Дьяченко и он спросил:*

– Из крестьян? Когда же успел топор приручить?

– Так я же сапёром в армии был, – с улыбкой ответил тот. – Теперь переоделся – только и всего!

Через две недели он стал бригадиром». («Советская Молдавия» от 20.02.74 г.).

Это эпизод из жизни Дмитрия Владимировича Крецула, впоследствии Героя Социалистического труда с двумя орденами Ленина. Ещё одна личность – гордость Тирасполя и республики.

Вот Игнат Дмитриевич в знаменитой школе пяти Героев Советского Союза и трёх Героев социалистического труда № 6, которую когда-то окончил, на открытии музея истории школы. Рассказывает, как, ещё учась в старших классах, а потом комсомольцем в техникуме занимался ликвидацией безграмотности. Вот он поздравляет молодых строителей ХБК в связи со второй подряд победой в соцсоревновании среди комсомольско-молодёжныхстроек республики: *«У нас самая почётная и самая трудная профессия и радостно от того, что нет на стройке скуки и уныния. Несмотря на трудности, вы сообща вершите большие и славные дела, достойные высокой награды».*

Каким руководителем был Игнат Дмитриевич, я сказать не могу, никогда с ним не работал. Лишь однажды присутствовал на планёрке, которую он вёл. Это был совсем другой человек – требовательный, ни одной детали не упускающий, не позволяющий увести разговор в сторону. Нет, это был не самодур, брызжащий слюной, матерящийся и орущий, а я и таких в своей жизни повидал немало. Это был строгий руководитель. Он ни на кого не повышал голос, но я видел: когда он делал замечание, людей пробирала дрожь. На что я обратил тогда внимание? Во-первых, доскональное знание дела, безупречное владение ситуацией. Мне показалось, что он знал не только каждого начальника участка, прораба, бригадира, но и каждого рабочего. Знал, чем кто в данный момент занимается, в каком состоянии каждая единица техники. И это касалось не только его управления, но и десятков субподрядных организаций и заказчика. Он без бумажки называл цифры отставания от графика, нехватки оборудования, бетона, арматуры, каменщиков. Выслушивал руководителей подразделений и тут же давал необходимые указания. Вот эта скорость реагирования меня тоже поразила. Такое быстрое проникновение в проблему и оперативное, верное её решение – редкое качество руководителя. В том, что решения принимались правильные, я позднее не раз убеждался, когда к Игнату Дмитриевичу обращались за советом – зампредисполкома Мария Ивановна Йоржева, которая начинала свою трудовую деятельность под его «присмотром», или главный архитектор города Александр Нарольский. Он мгновенно вникал в суть вопроса и находил ответ. Касалось ли это места для строительства очистных сооружений или необходимости быстрой сушки мостовой для укладки асфальта в зимнее время, когда он предложил использовать авиационные двигатели с тираспольского аэродрома. Читая в газетах о массе проблем, возникающих на строительстве ХБК и связанных с нехваткой

материалов, оборудования, квалифицированных кадров, понимаешь: в том, что строительство не только шло, но и шло с опережающими темпами, немалая заслуга Игната Дмитриевича.

Но он был и скромным руководителем. Вот я просматриваю множество статей и заметок в газетах заместителя начальника Су-28 Владимирского или старшего пропраба Гевондяна, секретаря парторганизации Вергузя или сменившего его Марченко, начальника планового отдела Лихацкого или бригадира Кара, нигде, ни разу не фигурирует начальник управления. И в этом умолчании я вижу прямое указание Дьяченко не упоминать его. Но разве за рекордом бригады Якова Эдуардовича Наймиллера на бетонировании фундамента водонапорной башни, который должен был быть монолитным, пытливый ум читателя не разглядит огромную подготовительную работу инженерно-технических служб и лично руководителя управления? Разве воспоминания Наджафа Ахмедова об объектах, которые строила его бригада – цехи консервных предприятий, заводы ЖБИ № 6, металлолитографии, мебельные фабрики № 4 и № 5, холодильники в Бендерах, консервный завод «Октябрь» и другие – это не часть трудовой биографии Игната Дьяченко?

Скромность Игната Дмитриевича вовсе не означает, что он был равнодушен к своему авторитету. Более того, он был даже щепетилен к собственному, как сегодня сказали бы, имиджу. Приведу один пример. Около пляжа, что на правом берегу Днестра, ниже парома среди других был и дачный участок около двух соток, принадлежащий семье Дьяченко, где стоял маленький дачный домик. Здесь летом нередко отдыхали работники управления, проводили совещания «без галстуков». Нина Ивановна сажала цветы. Любил поковыряться в земле и Игнат Дмитриевич. Мы с женой иногда помогали им вскапывать, пропалывать участок. Кто и с какой целью пустил слух, что Дьяченко выстроил себе богатую дачу за счёт трудовых и материальных ресурсов управления, не знаю. Не стал разбираться и искать автора сплетни Игнат Дмитриевич. Подогнал технику и через пару часов от домика не осталось и следа.

Все рекорды бригад и участков, досрочная сдача объектов, солидная экономия материалов и трудозатрат даже при всей высокой квалификации и самоотверженном труде рабочих были бы невозможны без внедрения передовых методов организации труда, внедрения новых строительных технологий, изобретений и рацпредложений, что Игнат Дмитриевич поощрял и чему всячески способствовал. Молодой читатель не знает, с каким трудом в те годы пробивалось всё новое. Руководители боялись снижения цен на изделие, повышения плана, рабочие – уменьшения расценок работ. Не зря то время названо застоём. Но были исключения, одно из них – СУ-28. Игнат Дмитриевич новое приветствовал, всячески способствовал скорейшему внедрению. Хотя в строительстве, как нигде в других отраслях, новизна сопряжена с риском возможных разрушений, которые могут проявиться через много лет или после каких-либо природных катаклизмов. Игнат Дмитриевич направляет группу специалистов в Зеленоград, которая тщательно изучает механизм бригадного подряда, метод Николая Злобина. И впервые в практике отечественного промышленного строительства этот метод внедряют в Тирасполе. Здесь ежедневно подводятся итоги работы, а утром следующего дня поднимают флаг в честь победившей бригады. Здесь работа начинается с пятиминутки, на ко-

торой каждому рабочему доводится конкретное задание на смену, решаются насущные проблемы.

В тесном сотрудничестве с Одесским инженерно-строительным институтом, в котором учился, а потом окончил аспирантуру сын, был внедрен метод вытрамбовки грунта, давший до 2-х тысяч рублей экономии на каждый уложенный кубометр железобетона; внедрены пирамидальные сваи при сооружении фундаментов, плиты-оболочки для подвесных потолков. Вот лишь одна выписка из «Днестровской правды» за 17.02.73 г.: *«В 1972 году эти сваи были применены при строительстве главного корпуса, что сократило трудовые затраты по устройству нулевого цикла на 2320 человеко-дня. При этом сэкономлено 1133 тонны цемента, 30,4 тонны арматурной стали. Использование вытрамбовки на сооружении центральных ремонтных мастерских, блока склада № 2 и на трёхэтажном здании вспомогательного корпуса ХБК позволило сократить сроки строительства на 1890 человеко-дней, сэкономить 276 тонн цемента и 13,4 тонны арматуры. Применение оболочек подвесного потолка главного корпуса сократило трудовые затраты на 510 человеко-дней, сэкономлены цемент и арматурная сталь».*

Юрий, сын Игната Дмитриевича, работал на строительстве ХБК прорабом, а как аспирант имел на территории стройки полигон для испытаний, копал какие-то траншеи, шурфы, закладывал датчики, бегал каждые несколько часов снимать показания. Он часто обрисовывал участки стройки, требующие для выполнения больших трудовых затрат, например, выполнение опалубки для крупных 250-ти метровых тоннелей, и мы до полуночи засиживались, стараясь найти более экономичный способ решения задачи в сравнении с проектным. Это было интересное занятие. Я знаю, что метод скользящей опалубки в Тирасполе применило именно СУ-28 на строительстве ХБК, а у нас для опалубки тоннелей были схожие идеи. А Юра или Георгий Игнатьевич, как его нынче величают, стал одним из лучших специалистов в стране по фундаментам, сейчас в России возглавляет созданное им управление «Спецфундаментстрой», одним из направлений работы которого является строительство портовых сооружений в море от Владивостока до Калининграда.

Нельзя не сказать об активной общественной работе Игната Дмитриевича. Он был многие годы депутатом городского Совета трудящихся, где возглавлял комиссию по строительству, был депутатом Верховного Совета МССР, делегатом съездов КПСС, членом горкома партии и ряда различных комиссий, типа комиссии по перезахоронению останков на Мемориале славы. Я никогда не спрашивал его, желает ли он этой дополнительной нагрузки или нет. Но то, что он ни к какому делу не подходил формально, могу подтвердить.

Он рано ушёл на пенсию по меркам иных руководителей – в 63 года. Думаю, что выработал свой ресурс, а работать вполсилы он не умел и не хотел. Ведь за 24 года у руководителя управления не было передышки. Одна стройка сменялась другой, а то и параллельно строилось несколько объектов. («Коллектив управления взял обязательства ввести три промышленных объекта – заводы им. Кирова, металлоизделий, прядильную фабрику – в строй действующих почти на три месяца раньше срока». «ДП» от 09.03.71 г.). И это не японские стройки, где оконные рамы, которые должны привезти в 9 часов 10 минут, появляются на строи-

тельной площадке именно в этот момент. А главное, что приходят рамы те, что нужны этой стройке, а не соседней. У нас же руководителям строительных организаций приходилось решать тысячи вопросов, никакого отношения к строительству не имеющих.

Но Игнат Дмитриевич не расстался с общественной работой. До конца жизни он встречался с ветеранами, помогал делом и советом, если к нему обращались. До последнего дня он оставался в ясном уме. Ему было 82 года, но всё же, мне представляется, что умер он преждевременно. Потому что никаких признаков, свидетельствующих о приближении смерти, не было. Он всегда дружил с физкультурой. Казалось, что он сам решил, что выполнил всё положенное ему на этом свете, и, тоскуя по жене, ушёл.

После смерти супруги с ним была приехавшая из Москвы дочь Лена. Елена Игнатьевна родилась 3-го июня 1941 года. Во время бегства с матерью от нашествия фашистов, они попали под бомбёжку, и этот грудной ребёнок стал инвалидом на всю жизнь. Она хромала, стеснялась своей хромоты. Лена окончила Московский университет и осталась жить в Москве. Стала кандидатом философских наук, преподавала в вузе. Я в семидесятые годы, будучи в командировке, встретил её в Третьяковской галерее, она вела экскурсию. Конечно, Игнат Дмитриевич любил дочь. Но сердце его было без остатка отдано сыну, продолжателю рода, его дела, хотя Юра остался необузданным и неуправляемым. Однако был умен и талантлив: окончил школу с золотой медалью, защитил кандидатскую диссертацию. После развала Союза стал успешным предпринимателем, зарабатывающим не спекуляцией, бандитизмом, а своим горбом, да ещё в строительстве – чем не повод для отцовской любви и обожания. Он ему прощал всё. Лена, по-видимому, это чувствовала, писала в одном стихотворении: «Он маленький, ему можно, а я – на второй план...» Мне нравилось с ней общаться. Лена была очень эрудированной, знала несколько языков. Она ухаживала за отцом и тётей Раисой Дмитриевной, жившей в соседнем доме. Осталась в Тирасполе после смерти отца, жила почти затворницей, писала какой-то философский труд и стихи в стол, потому что изменилась эпоха, напечататься можно было только за свои деньги, а их у неё не было, а брат, глухой к поэзии (в своём отечестве пророка нет!), отказался её финансировать. Она сочинила десяток песен, я познакомил её с Надеждой Алексеевной Николаевой, преподавателем музыкального училища, заслуженным деятелем культуры, руководителем уникального певческого коллектива «Гласъ», которая записала ей ноты песен. Лена ушла из жизни скоропостижно в 2008 году, лежит на кладбище рядом с тётей. На общей надгробной плите мраморная книга. Две замечательные и одинокие женщины. Недавно я спросил Юру, где опусы, сочинённые Леной. Он сказал, что кто-то почти всё выбросил. В книге об Игнате Дмитриевиче четыре коротеньких стихотворения Лены. Она говорила, что ещё несколько стихов забрал с собой друг отца и напечатал в Израиле. Вот и всё. Жаль. Я включил эти строки. Подруг в Тирасполе у неё не было, я не уверен, что были они в Москве, поэтому вряд ли ещё кто-нибудь о ней напишет.

Садясь за этот очерк, я совсем не желал создать образ херувима или железного робота без недостатков. У Игната Дмитриевича, как у каждого нормального человека, были ошибки, ибо, как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает. В старых газетах я находил и критические материалы со стороны гор-

кома партии, народного контроля. Но ведь важно, как кто реагирует на критику. Для Дьяченко она всегда была руководством к действию.

Трудовой подвиг Игната Дмитриевича отмечен государством. Он награждён орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали Звезда Героя Труда, звание «Заслуженный строитель Молдавской ССР», он был персональным пенсионером Союза ССР. Но меня не покидает ощущение, что он недооценён родным городом. Да, его портрет висит на доске почётных граждан Тирасполя. Установлена памятная табличка на доме, где он жил; вышла книга из серии «Твои люди, Приднестровье», стоит бюст в центральном сквере, появившийся благодаря энтузиазму пенсионера Сергея Ивановича Михайлова, организовавшего сбор подписей. Но в Тирасполе нет ни одного предприятия или улицы, носящей имя Игната Дмитриевича Дьяченко. А только это, по-моему, действительно увековечит память об этом замечательном человеке.

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЁ

(К 100-летию И.Д. Дьяченко)

Приходит время, но труден выбор –
Биографию делать с кого?
Поэт советовал юношам: вы бы
Копировали Дзержинского.
Спорить с великим можно лишь сдуру,
Спьяну, по глупости, сгоряча,
А я предлагаю кандидатуру
Дьяченко Игната Дмитриевича.
Делами он доказал, что не хуже,
И мы сомневаться не будем:
Вся его жизнь примером служит
Пользы Отчизне и людям.

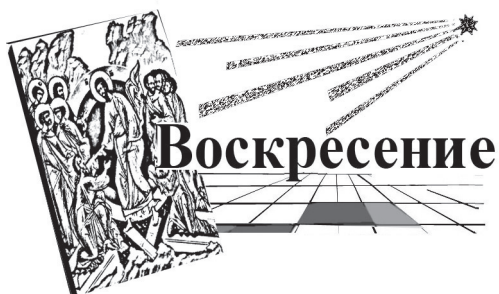
За взорванный мир спросить было не с кого.
Работник ТЭЦ – не военный вроде, но
Он бил фашистов, и орден Невского
Центральный в гирлянде восьми орденов.
А после был труд, непосильный порою,
Но он, закалённый в горниле войны,
Заводы, дома и фабрики строил,
За что и отмечен Звездой Героя –
Один из лучших зодчих страны!

Он вёл коллектив свой к победным вершинам,
Не ныл, когда трудно, не складывал рук,
Ещё прекрасным был семьянином,
И дочка, и сын – кандидаты наук.
Он книг не чурался, дружил с физкультурой,
И песни любил он, и шутку ценил...
Скажу без натяжки – был цельной натурой,
Достоинств всех счесть мне не хватит чернил...

Живёт о нём добрая память в народе,
Которому он служил до конца.
Такой человек стопроцентно подходит
Юношам в качестве образца!

*г. Тирасполь
Приднестровье*

Валерий Аркадьевич КУПЕРШМИДТ – родился в 1948-м году. Коренной тираспольчанин. До учёбы в Ленинградском политехническом институте окончил школу, ГПТУ, год работал токарем на заводе литейных машин, куда вернулся после окончания вуза. Трудился инженером на различных предприятиях. С 90-го по 94-й был депутатом Тираспольского горсовета. Практически с основания и до конца депутатского срока – член ОСТК, куда был делегирован коллективом рефрижераторного завода. Выйдя на пенсию, стал посещать литературное объединение «Светоч». Себя ни поэтом, ни писателем не считает. Иногда занимается рифмованием, как гимнастикой для мозга. Дважды участвовал в песенно-поэтических вечерах в Кишинёве.

НАТАЛЬЯ ЛЯСКОВСКАЯ

ИЗ КНИГИ «МАТРОНА МОСКОВСКАЯ»

ОЧИСТИТЕЛЬНАЯ КРАПИВА И ПОДВЕШЕННЫЕ ОВЕЧКИ

— Не держится на ней крестик, вот поди ж ты, — рассказывала Наталья соседкам. — То верёвочка перетрётся, то где-то на кустик повесит и забудет... Я её ругать, а она говорит: «Матуня, так у меня ведь уже есть крестик на груди, от самого Бога мне дан, вот, глянь! Не потеряется, не сносится!»

И верно — на груди девочки ясно виден знак, свидетельствующий о её богоизбранности: выпуклость в форме креста, словно отпечатанная — нерукотворный нательный крестик. Перед канонизацией специальная комиссия освидетельствовала мощи преподобной Матроны и заверила подлинность этого факта. И этот нерукотворный крестик, и слепота, и её странность раздражали «нормальных» деревенских детей. В их понимании она была странной. В прежние времена чаще употребляли термин «юродивый» (от слав. «оуродъ», «юродъ» — «урод, калечный, безумный»). Юродство — не любое проявление названных признаков, а намеренное старание («Христа ради») казаться странным, не от мира сего. Задачей юродства в миру было обличение тленности внешних мирских ценностей: «...благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1Кор.1:21). Удивительным (странным) образом в слове «странный» сливаются крайности, например, юродивые представляли христианство наряду с мудрецами: «Пять же бе от них мудры, и пять юродивы» (Мф.25:2, «Притча о десяти девах»), являя

две крайности одного целого: «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом...» (1Кор.3:19). Святую Матрону нельзя назвать юродивой в полном смысле. Согласно новозаветным представлениям, религиозный подвиг юродства состоит в максимальном отвержении мирских забот о близких, о материальном благе, в отказе трудиться ради пропитания, а также в отказе подчиняться властям и правилам общественного приличия. Хотя некоторые проявления юродства были ей свойственны, Матрона любила свою семью, утруждалась – помогала людям, лечила, плохо относилась только к одной власти – власти безбожников. Она не была юродивой, она была «странной».

В слове «странность» содержится полная октава явных и потаённых смыслов: от презрительного в значении «глупец, сумасшедший, непонятный» до «не такой как все, особенный, выше других, гениальный». У апостола Петра есть такое высказывание: «Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как **приключения для вас странного** (выделено мной – Н. Л.), но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас. Теми Он хулится, а вами прославляется» (1 Петра 4, 12-14). Апостол Петр употребляет слово «странный» в понятии «трудно понимаемый», даже устрашающий. «Странность» Матроны происходила от божественной избранности, которой девочка была отмечена ещё до рождения.

Многие её поступки и слова трудно объяснить.

Однажды ранней весной маленькая Матрона удивила и детей, и взрослых, которые наблюдали за своими чадами, сидя на завалинке. Девочки, расстелив на бревне рогожку, играли в куклы, мальчики их задирали. Вдруг Матрона задумалась и сказала:

– Люди скоро испортятся совсем, вот что будут делать...

Встала, взяла из рук Дуни Носковой тряпичную куклу, которая, по удивительному совпадению (вспомним сон Натальи Никоновой перед рождением дочери), в народе называлась «женщина-птица»* (их традиционно изготавливали в Тульской губернии на Сороки для использования в обряде закликания весны, по окончании которого их раздавали детям), бросила её себе сверху в вырез платья.

Кукла снизу выпала на землю. Матрона повторила свои странные действия.

И ещё раз...

– Детей поедать! – в ужасе отшатнулась Дуняша.

Старший брат Матроны, Михаил, сплюнул, засунул руки поглубже в карманы:

– Да не-е, это она о другом. Как плод травят да мёртвого выгоняют.

Действительно ли Матрона имела в виду массовое распространение и узаконение аборт или нет – сказать трудно. Однако нельзя не согласиться с тем, что многие её предсказания сбылись и продолжают сбываться.

В другой раз, уже в подростковом возрасте, Матрона сказала: «Матушка, мне сон приснился, что у меня скоро будет свадьба». «Какая свадьба? – подумала

* Сороки, Сорок сороков, Сороки святые, Сорочины, Равноденствие, Жаворонки, Именины жаворонка, Кулики, Тетёроцкий день, Заклички Весны, Сорока мучеников – день народного календаря, приуроченный к церковному дню памяти Сорока Севастийских мучеников. В этот день зима кончается – весна начинается, день с ночью меряется-равняется, равноденствие. Отмечается 9 (22 марта).

мать. – Девочка ещё, к тому же калека убогая...» Наталья отправилась к отцу Василию Троицкому за советом. Священник пришёл к ним домой, поговорил с девочкой и успокоил мать:

– Ничего в словах твоей дочери не может быть дурного. Это она что-то тебе в иносказательном смысле хотела объяснить. Ты к ней прислушивайся. Помещику нашему Матронушка посоветовала: всё продавай и уезжай скорей за границу!* Третьего же дни Евгения Ивановна Калачкова рассказывала, что барыня, которая недавно дом в Себине купила, пришла к Матроне и говорит: «Хочу строить колокольню». А та ей отвечает: «Что ты задумала, то не сбудется». Та удивилась: «Как же не сбудется, когда всё у меня есть – и деньги, и материалы?»**

Забегая вперёд, скажем, что Василий Иванович Троицкий не преувеличивал провидческих возможностей своей крестницы. Её способности имели отношение и к его жизни. Вернее, к смерти. Однажды ночью Матрона вдруг проснулась и стала будить отца и мать:

– Вставайте скорее, отец Василий скончался!

Удивлённые и испуганные, Никоновы кинулись к дому священника. И оказалось, что он действительно только что умер...

«Странное чудо бысть неверующим и неразумным, како слепая может видеть и знати не точию настоящая, но и будущая, не ведяху бо силы Божия, в немощи человечестей совершаемая».

Однако вернёмся к предсказанной «свадьбе». Писательница Серова, «профессиональный текстолог», которая «в своё время училась у знаменитого Дмитрия Сергеевича Лихачёва работе с текстом», автор книги о святой Матроне Московской, вкладывает в уста отца Василия такое объяснение: «Я бы понял её слова так, что у неё со Христом союз нерушимый. Она Ему с младенчества служить готовится, вот нынче и будет повод послужить». В том смысле, что именно в это время Матронушка стала «Христовой невестой», как называют посвятивших себя Богу монахинь, к примеру, католики.***

Следует помнить: **предсказания великих провидцев, как правило, даются в притчевой форме.** Это делает их более доступными пониманию и восприятию. Иногда пророчествующий говорит прямо, в реалистичной форме предрекая будущее. Ксения Ивановна Сифарова, родственница блаженной Матроны, вспоминала, как однажды та сказала матери: «Я сейчас уйду, а завтра будет пожар, но ты не сгоришь». И действительно, утром начался пожар, часть домов сгорела, затем ветер перекинул огонь на другую сторону селения, и дом Никоновых остался цел.

Некоторые из иносказаний Матроны так и не удалось разгадать, их смысл остался ведом только ей. К примеру, как-то поздней, холодной осенью десятилетняя Матронушка сидела на завалинке. Мать позвала её в дом:

– Что же ты сидишь, холодно, иди в избу.

Девочка ответила:

– Мне дома сидеть нельзя, там огонь мне подставляют, вилами колют.

* Если бы он послушал блаженную, то не видел бы разграбления своего имения и избежал преждевременной смерти, а дочь его – горьких скитаний.

** И тут Матрона оказалась права: началась революция, так ничего с постройкой колокольни и не вышло.

*** В раннем христианстве термин «христова невеста» использовался для описания связи между душой любого человека и Христом. Сегодня это традиционное название монахини, отказавшейся от всего мирского.

Наталья удивилась:

– Да что ты такое говоришь? Дома всё как всегда. Отец вечеряет, да братья на печи спят.

А Матрона ей:

– Ты не понимаешь, сатана меня там искушает!

И не стала более ничего объяснять.

Частично понять поведение Матроны в этом случае помогает фраза из воспоминаний Ксении Гавриловны Потаповой: «Матрона меня всегда принимала хорошо. Если кого не хочет принимать, с теми говорит притчами, а со мной – простым языком». Вот это «если кого не хочет принимать, с теми говорит притчами, а со мной – простым языком» аналогично разъяснению сути пророчества преподобным Феофилом-исповедником, епископом Никомедийским: **«Пророки получают пророчества от Бога, но не как они хотят, а как действует Дух Божий;** они осознавали и уразумевали ниспосылаемое им пророческое слово, но объяснения не делали. Что пророки во время действия на них Духа Божия сознавали, что им ниспосылается слово Духа Божия, видно из того, что они подчинялись добровольно и что хотели, то высказывали, а чего не хотели, о том умалчивали». Вот и святая Матрона – «что хотела, то высказывала, а чего не хотела, о том умалчивала». Объясняя предсказание простодушной матери, она просто нарисовала понятную той картинку: много народу, гости то и дело подъезжают, везут подарки – свадьба!

Деревенские ребяташки, конечно, «Деяния Апостолов» не читали, им Матронушка казалась лёгкой мишенью для издевательств, её часто дразнили и обижали. Загонят девочку в овраг, где крапива в человеческий рост вымахала, и хохочут:

– Необнакнавенная! Вот посиди-ка в крапиве, будешь вся волдырях: то-то необнакнавенная! Из соседних сёл сбегутся поглядеть на такую красоту!

– Слепешарая!

– Хлеб наш заедает!

Горше всего Матроне эти последние выкрики, потому что среди обидчиков – её старшие братья Иван да Михаил и сестра Маша. Лишь курносенькая соседка-пятилетка Дуня Носкова* выкрикивает обидное робко, как будто боясь отстать от других жестокосердных озорников. Видно, что и самой ей не хочется Матронушку гнобить. Но боится Дуня сочувствие к подружке показать: товарищи и ее на смех поднимут. Пожалееет она несчастную, а сорванцы эти потом и её будут, как Матрёху, жучить да дёргать. Покосилась Дуняша виновато в овраг да и дунула вслед за компанией на дальнем болоте лягушек палками бить...

К вечеру, свершив дневные работы, Наталья вскинулась: ой, что-то я давно свою младшенькую не вижу?! Где она, бедная, не случилось ли чего? Пошла искать, кликать по селу, к озеру выбегала: «Матрёшенька, сердце моё! Где ты, птичка моя?». На край оврага вышла, а оттуда тоненько, тихо:

– Матуня, я ту-у-у...

* В будущем – мать З. В. Ждановой, одной из самых близких Матроне людей, автора первой книги о Матроне «Сказание о житии блаженной старицы Матроны» или «Богом данная». Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь. 1993 г.

– Матрёша! Ох! Что ты там делаешь? Как там оказалась? Пожглась, поди, вся! Упала? Цела ли?

– Всё цело, матушка. Мне тут хорошо. Чисто.

«Почему чисто?» – удивилась мысленно Наталья. Тут заметила она прячущихся за деревьями сыновей. Догадка воткнулась в мозг, Наталья закипела от негодования:

– Кто тебя сюда загнал?! Уж я им, негодным, всыплю этой самой крапивой так, что сесть не смогут!

А Матрона братьев не выдаёт – жалко ей их: ведь больно-то, когда крапивой порют.

– Я сама упала... Ничего. Не ругайся, мама.

Она чужую боль – и физическую, и душевную – с самых ранних лет чувствовала как свою. И жалела всех.

«Жалко мне тебя» – будет она говорить людям на протяжении своей жизни много-много раз...

Вытащила Наталья дочку из крапивного оврага, осмотрела – ни царапки на ней, ни пятнышка. Как будто и правда крапива для этого удивительного дитяти – очистительное зелёное пламя, которое не опалает, не вредит, а только на пользу ей идёт.

– Слава Богу, слава Богу! – обняла девочку мать.

«Слепота у Матроны Московской была особая», – говорится в Житии. Что значит – особая? Слепота – медицинский термин, подразумевающий полное отсутствие зрения или его серьёзное повреждение. Слепота может быть вызвана травматическим или химическим повреждением органов зрения, или же проводящих путей, наследственным заболеванием или инфекционной болезнью, а также психологическими расстройствами. Полная слепота определяется как тотальное отсутствие реакции на свет и другие визуальные раздражители. Существует понятие практической слепоты, когда человек всё-таки обладает некоторой способностью к восприятию визуальной информации, но эта способность столь незначительна, что не имеет никакого практического значения. Матрона же не обладала даже самой малой способностью видеть физически, поскольку у неё от рождения вообще отсутствовали органы зрения. Однако при этом она ведала о мире столько и такое, чего и далеко не всякий зрячий о нём ведаёт. Сохранился рассказ Ждановой: «Матушка была совершенно неграмотная, а всё знала. В 1946 году я должна была защищать дипломный проект «Министерство военноморского флота» (я тогда училась в архитектурном институте в Москве). Моим руководителем был Емельянов; он, непонятно за что, всё время меня преследовал. За пять месяцев он ни разу не проконсультировал меня, решив «завалить» мой диплом. За две недели до защиты он объявил мне:

– Завтра придет комиссия и утвердит несостоятельность вашей работы!

Я пришла домой вся в слезах: отец в тюрьме, помочь некому, мама на моем иждивении, одна надежда была – защититься и работать.

Матушка выслушала меня и говорит:

– Ничего, ничего, защитишься. Вот вечером будем пить чай, поговорим!

Я еле-еле дождалась вечера, и вот Матушка говорит:

– Поедем мы с тобой в Италию, во Флоренцию, в Рим, посмотрим творения великих мастеров... – и начала перечислять улицы, здания. Потом сказала:

– Вот палаццо Питти, вот другой дворец с арками, сделай так же, как и там – три нижних этажа здания крупной кладкой и две арки въезда.

Я была потрясена её ведением!

Утром прибежала в институт, наложила кальку на проект и коричневой тушью сделала все исправления. В десять часов прибыла комиссия. Посмотрели мой проект и говорят:

– А что, ведь проект получился, отлично выглядит – защищайтесь!»*

Откуда блаженная Матрона могла узнать, как выглядит Флоренция или иные страны? Она не умела читать, хотя слепые могут научиться читать – по системе Брайля, изобретённой им в 1824 году. В Россию специальные издания с рельефным шрифтом Брайля пришли гораздо позже, и быстро стали приобретать популярность: выпускались и русские народные сказки, и книги знаменитых зарубежных писателей, а в 1836 г. вышли даже Библия и Евангелие на русском языке. Но стоили эти книги дорого и в семью Никоновых, конечно, попасть не могли. Матрона читать не умела, брайлевских книг даже в руках никогда не держала и, по обычным человеческим понятиям, узнать о том, как выглядит Флоренция, ей было неоткуда. Но она знала, и не только это.

В детстве она подходила к иконам, и, подняв лицо, словно внимательно вглядывалась в них: духовные очи блаженной видели эти лики во всей их святости и сиянии. Возможно, частично эту удивительную способность праведницы Матроны уместно объяснить и с научной точки зрения. Согласно корпускулярно-волновой теории света, свет можно рассматривать и как волны, и как поток частиц. Обычно орган восприятия света человеком – глаз – улавливает именно частицы. Это легко проверить. Поставим рядом источник света и источник звука. Перед ними установим достаточно тонкую стенку (например, из картона). Затем усадим перед стенкой человека. Включим одновременно свет и звук. Человек услышит звук, но света не воспримет, потому что частицы его будут поглощены стенкой. Звук же пройдет сквозь стенку, и человек его услышит. И свет, и звук – суть волны. Значит, должны восприниматься органами слуха и зрения одинаково, исходя из их строения. Но этого не происходит. Человеческий слух не развит настолько, чтобы ощущать малочастотное влияние света. Принято считать, что слепой человек не воспринимает свет и освещаемое им. Компенсационно многие слепые развивают способность «видеть» пальцами, у них невероятно обостряется обоняние, да и слышат они на несколько порядков лучше, чем обычный человек. На основании многосторонних наблюдений, учёные выдвигают гипотезу: если из-за поражения органов зрения у человека настолько обостряется орган слуха, не получает ли он возможность ощущать и расшифровывать колебания мембраны, посылаемыми волнами света, так же, как и посылаемыми волнами звука? Частиц света он не видит, но может «услышать» волны света наряду со звуком. Так толкуют природу феномена учёные, которые любят всё на свете «алгеброй поверять». Но они не могут объяснить того, как блаженная Матрона, никогда не бывая во Флоренции, могла точно описать её. Зато этому есть другое, для верующего человека очень простое и понятное объяснение. Святой Григорий Палама называл слепыми и глухими не тех, кто физически не видит и не

* З. В. Жданова «Сказание о житии блаженной старицы Матроны, или Богом данная».

слышит, а тех, кто «за Богом не следует»*. Кто же, как Матрона, избран Господом и за ним следует, обладает способностью видеть не только мир земной и его дела, но и «свет невещественный», «ипостасный», «умный свет» – осязать Самого Сущего всем существом своим, то есть именно «слышать» этот свет.

Почему же слепота Матроны, посланная ей свыше, смущает сегодня даже некоторых священнослужителей? В наши дни известны несколько икон, на которых Матрона Московская изображена с открытыми глазами. Одна из этих икон находится в Новомосковском Свято-Успенском мужском монастыре, другая, покрытая нежными цветами, написана по заказу Попечительского совета святителя Алексия для семейного детского дома отца Валерия Херувимова в деревне Деметьево Нейского р-на Костромской области (созданного отцом Варфоломеем, настоятелем храма святителя Николая в селе Коткишево), есть и другие. Создатели этих икон считают, что изображать слепую блаженную старицу Матрону следует как зрячую, потому что она прославлена в лике святых, а поскольку ничего телесного, в том числе немощей, увечий, ран на небесах уже нет, значит, она не может быть слепой там. Однако живущим земной жизнью людям не может быть открыто, в какой ипостаси души святых пребывают пред Христом – в виде сияющего надмирного света, райских птиц, андрогинных эфемер или вообще невидимы, потому как видимый образ им ни к чему. Апостол Павел говорил: «В теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает» (2 Кор. 12, 2). Райские жители принимают визуальные воплощения только для того, чтобы обычные люди, увидевшие, допустим, ангела, архангела или другого посланника Господня, могли вместить его образ в своём сознании и не умереть на месте от нестерпимого для нас, грешных, явления их в настоящем виде. Но праведников, впоследствии ставших святыми, во время их земной жизни люди знали и запомнили в определённом облике. Поэтому мы легко отличаем изображение Матроны Московской от изображения Ксении Петербургской, а изображение святой мученицы Юлии от святой мученицы Марины и т. д. Нам бесконечно дорог и мил их телесный облик: Матрона была слепая, полненькая и с короткими ручками, а Ксения – босая, очень худенькая и растрёпанная. К земному образу, который дал им Господь, обращаемся мы в молитвах и любим этих святых такими, какими их создал Господь на земле. Зачем же изображать Матрону зрячей? По такой логике и святого Серафима Саровского следует изображать не согбенным, а стройным, и земные страдания Спасителя, его раны нельзя изображать! Образ Матроны с закрытыми глазами указывает верующим на то, что блаженная обладала прежде всего духовным зрением. Обыкновенный человек многого не видит и не понимает, а святая Матрона Московская при закрытых глазах видела больше, знала больше, чувствовала больше, сколько всего предвидела. В иконе всё символично: закрытые глаза – неотъемлемая часть её образа.

«Не телесный недостаток оскверняет, а скверна душевная. Смеющийся над имеющим телесные недостатки отлучается», – говорится в «Книге Правил святых Апостол, Святых Соборов Вселенских и Поместных, и Святых Отец» со

* Святой Григорий Палама. «Триады в защиту священно-безмолствующих». 3-я часть Триады II «О священном свете». Григорий Палама (1296-1359 гг.) – средневековый мистик, византийский богослов и философ, один из основателей исихазма, отец и учитель Церкви, православный святой. Память его совершается 14 ноября по старому стилю, а также по переходящей дате, в честь его деятельности, во вторую неделю Великого поста, следующую за Торжеством Православия и названной по его имени.

ссылкой на «Деяния Апостолов». Смушающийся «телесным недостатком» святой Матроны и других угодников Божиих, да и обычных людей – все они для меня в одном ряду.

Хотя Матрона не могла видеть красок мира глазами, она постигала его иным виденьем – и ничуть не хуже, а гораздо лучше нас, зрячих. Мать её, Наталья, часто дивилась: в детстве дочь могла сказать, и как разные цветочки выглядят, и какой на голове у неё сегодня платок. И как по небу облака ходят, и как листья с деревьев опадают осенью:

– Кружатся, будто крошечный котёнок за своим хвостиком гоняется...

В зрелом возрасте блаженная Матрона признавалась Зинаиде Владимировне Ждановой:

– Мне Бог однажды открыл глаза и показал мир и творение Своё. И солнышко видела, и звёзды на небе, и всё, что на земле, красоту земную: горы, реки, травку зелёную, цветы, птичек...

Господь воздал ей стократно за её внешнюю калечность, одарив свою избранницу другим зрением – духовным, которым она проникала в тайны не только вещественного, но и потайного. И зрела не только свет, но и то тьму. Об этом свидетельствует случай, приведённый в воспоминаниях Антонины Борисовны Малаховой из Подмоклого, что в восьми километрах от Себино. Родители её – Сифаровы Татьяна Павловна и Иван Васильевич – стояли у Крещенской купели Матроны, а дедушка по материнской линии, Прохоров Павел Иванович, как уже упоминалось, служил церковным старостой в себинской церкви Успения Пресвятой Богородицы, и также был свидетелем чудесных знамений при крещении богоизбранной девочки. Вот что вспоминала Сифарова.

Когда Матрона была ещё маленькая, как-то в праздник её семья стала собираться в храм. По неизвестной причине Дмитрий в последний момент раздумал идти на службу в тот день. Наталья раздосадовалась:

– Как это – «не пойду»? Ведь всегда вместе в церковь ходим!

В тот раз Матрона осталась дома с отцом, хотя очень любила бывать на службах. «Придёт в церковь, встанет, маленькая такая, около стеночки, молится – глаза закрыты, как спит...» – рассказывала её односельчанка Антонина Малахова. Матрона посещала службы сначала с родителями, потом одна. Чуть только появится возможность – она скорей в церковь. По вечерам матери начинают своих детей домой скликать, так иная ума не приложит, где искать своё чадо: на речке ль резвится, в лесу ли птички гнёзда зорит, в соседских ли садах яблоки тайком обрывает. А Наталья Никонова с тех пор, как Матроне пять лет исполнилось, и она перестала с деревенскими детишками играть, всегда знала: её дочка в церкви. У неё и место своё там было привычное – слева, за входной дверью, у западной стены. Не шелохнувшись, простаивала всю службу. Знала на память все кондаки, акафисты и очень любила подпевать клиросным, «лепетом уст своих славящи Бога, навывшего из уст младенец совершати хвалу Себе, чистым сердцем поющи Ему: Алилуиа».

Через много лет я попыталась в себинском храме встать на её место, но... не смогла: тонкомирная ниша у двери как будто в тот момент была занята незримой молитвенницей. Я испытала сильное душевное потрясение, которое не стану описывать. Многое из духовного опыта следует хранить в исихиастической сокровенности, чтобы не потерять, не обесценить...

Благочестие Матроны происходило из старинных корней. Существует целое гнездо крестильных имён греческого происхождения, объединённых словом «победа», от имени Никон – «победитель» по-гречески. Фамилия Никоновы образована от имени Никон*. На Руси до XVII в. она почти не встречалась. Её появление и широкое распространение связано с шестым патриархом Московским и всея России Никоном, торжественно возведённым на престол Патриархов Московских и Всероссийских 25 июля 1652 г.

Патриарх Никон (Никита Минин (Минов) – фигура в русском Православии знаковая. Он родился в бедной крестьянской семье в селе Вельдеманово близ Нижнего Новгорода (ныне Перевозский район Нижегородской области) 7 мая 1605 г. Мать умерла вскоре после родов, отец женился, мачеха была мальчика, морила голодом. Он обучился грамоте у приходского священника, и в 12 лет ушёл в Макарьев Желтоводский монастырь, где пребывал в послушании до 1624 г. По настоянию родителей вернулся домой, женился и принял сан священника. В 1635-м семью Мининых настигла беда – смерть детей. Убитая горем мать приняла постриг в одном из московских монастырей, а глава семьи в 30 лет стал монахом Никоном в Анзерском скиту Соловецкого монастыря. Вскоре у него начались несогласия с начальным старцем скита Елеазаром Анзерским. Никон бежал в Кожеозерский монастырь, и в 1643 г. был избран его игуменом. В 1646-м он явился в Москву с поклоном к царю Алексею Михайловичу и произвёл на него сильное впечатление. Царь велел Никону остаться в столице, где тот архимандритом Новоспасского монастыря и вошёл в состав неформального кружка духовных и светских лиц «Ревнители благочестия», который стремился оживить религиозно-церковную жизнь в Московском государстве, улучшить нравственность населения и духовенства путём просвещения. «Ревнители» ввели на Москве практику церковной проповеди с амвона, единогласие в богослужении, привели русские православные обряды и книги в соответствие с греческими, исправив неверные переводы богослужебных книг. Каждую пятницу Никон посещал государя для бесед и совета не только по духовным, но и по государственным делам. 11 марта 1649 г. патриарх Иерусалимский Паисий возвёл Никона в сан митрополита Новгородского и Великолуцкого. 15 апреля 1652 года, в Великий четверг, умер патриарх Иосиф. В начале июля в Москву по инициативе Никона были доставлены из Соловецкого монастыря мощи святого митрополита Филиппа. Перед гробницей святителя Алексей Михайлович предложил Никону патриарший престол. Во время интронизации царь поклялся не вмешиваться в дела Церкви, а Никона «послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшаго». И правильно сделал – Никон был личностью государственного масштаба, титул его был таков: «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя Росии и всеа северныя страны и помориа и многих государств патриарх». Перед Великим постом 1653-го Никон предписал совершать крестное знамение тремя перстами, что вызвало большие волнения, ибо двоеперстие в Московской Церкви было закреплено актом Стоглавого Собора 1551 г. Резкие действия реформаторов, укоренённость в народе и среди значительной части священства мнения

* Примечательно, что и Тула впервые упоминается именно в Никоновской летописи – под 1146 годом, при описании похода князя Святослава на пути из Козельска до Рязани.

о превосходстве русского благочестия над греческим, а московского – над киевским, которое сложилось в Северо-Восточной Руси после падения Константинополя, ополячивания Литвы и покорения Киева Литвой, привели к расколу Русской Церкви на сторонников Никона и его противников. Последних стали называть «раскольниками» или «старообрядцами», а приверженцев патриарха Никона – «никонианами», «никоновыми людьми» или просто «никоновыми», то есть прилежащими Никону. Так появилась и широко распространилась русская фамилия Никоновы. Выходит, предки отца Матроны были из тех, кто в старину пошёл за патриархом Никонем.

Прочитал Дмитрий Никонов с дочерью все положенные молитвы, с теплотой и благоговением пропели тропари. А Наталья в церкви стоит, а службы и не слышит. Всё сердится то на мужа, то на дочь. Вернулась домой недовольная, шушунок в сердцах на лавку швырнула. Матрона подошла, взяла её за руку:

– Матушка, а ты ведь в храме не была.

– Как это не была? Я ведь только что оттудова!

– Нет. Отец был в храме. И я была. А ты – нет.

Наталье стало стыдно: поняла она, о чём дочка ей хочет сказать. У кого Бог в церкви сердца отсутствует, тому в храм ходить – зря ноги топтать... Любой историк или знаток агиографической литературы сразу припомнит аналогичный случай со святым Василием Блаженным, который, как всем известно, самого царя Иоанна Грозного обличал: «Пришло на мысль царю соорудить себе дом на Воробьевых горах, и приступил он к строению. Пришедши однажды в день праздничный в церковь, помышлял царь о том, как бы довершить ему благолепно здание. Пришёл в тот же храм и святой Василий и, утаившись от лица царского, встал в углу, взирая на царя и внутренним оком наблюдая, что совершается в мыслях его. После Божественной службы взошёл царь в свои палаты и вслед за ним блаженный Василий. Державный стал вопрошать его:

– Где ты был во время литургии?

Блаженный отвечал ему:

– Там же, где и ты.

И когда царь говорил, что не видел его, блаженный опять возразил:

– Я же видел тебя и даже там, где ты истинно был, в храме или в ином месте.

– Нигде не был я, как только в храме, – сказал царь.

– Нет, – упрекнул блаженный, – я видел тебя мысленно ходящим по Воробьевым горам и строящим дворец свой. И так ты не был во храме Господнем, а Василий там был, ибо после пения «всякое ныне житейское отложим попечение» со святыми Херувимами поклонялся он Богу, ни о чём земном не помышляя. Стоять же в храме и помышлять житейское – значит не быть в нем.

Умилился царь и сказал:

– Так истинно было со мною».

Сегодня православные храмы, особенно в больших городах, полны.

Однако многие из тех, кто посещает их, подобно Наталье Никоновой, даже в трепетный час литургии душою и мыслями находятся далеко от храма.

Далеко от Христа.

Чаще всего мы находим себе оправдание. Засмотрится ли женщина на чужой наряд, а юноша на понравившуюся девушку – вот и выпали из соборного участия в богослужении. А виноваты в этом вроде бы и не они, а те, кто отвлѣк

их внимание. Но если бы мы службу знали и действительно в ней участвовали, чтобы она не только в церкви – в головах и в сердцах наших происходила, этого бы не случилось. «Ходи в храм и ни на кого не смотри, молись с закрытыми глазами или смотри на какой-нибудь образ, икону», – советовала Матушка Матрона. Подобные наставления можно найти у преподобного Серафима Саровского и у других святых отцов. «Когда придёт, например, к вам в гости, кто из родных или знакомых или случится что-либо подобное, то вы оставляете свои дела и идёте к гостям. А на молитву у вас нет времени: так мы делаем дело Божие с леностью и небрежением, – поучал старец-затворник Гефсиманского скита иеросхимонах Александр. – Провести с кем-либо в праздной беседе несколько часов мы готовы и рады были бы продолжать беседу после того как она окончится. А когда станем на молитву, тотчас становится скучно, и представляются дела неотложные». «И у Исихия: «Оттолкни искушающий помысл и к Господу обратись с молитвою», и всё тут», – решительно добавляет преосвященный Феофан (Вышенский), а преподобный Варнава Гефсиманский, давая наставление монахиням, изъясняется ещё более чётко и ясно: «Пришедши (в церковь – Н. Л.), встань прямо, не переступай с ноги на ногу, глаза и руки имей опущенные вниз, не смотри по сторонам, не разговаривай и отнюдь не смейся, тщательно блюдись, чтобы мысли не рассеивались чем-либо посторонним, помни, что место сие есть свято, храм Божий – рай земной, и устремляй ум свой горе к Богу, из глубины души взывай к Нему: «Боже, очисти мя грешную!» или: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную!». Со вниманием слушай поемое и читаемое, и тогда Господь не оставит вас, согреет Своей Благодатью сердца ваши к тщательному исполнению Его святых заповедей».

А кое-кто ходит в церковь «по делу». З. В. Жданова приводит поучительный случай, когда Матрона в детские годы в очередной раз явила «разум свыше просвещенный»: «Один мужчина пришёл в Себене в храм, набрал много свечей больших и ставил их на каждый подсвечник. Прихожане говорят: «Не жалеет денег» (в смысле: *молодец, мол, Богу угождает большими свечами – Н. Л.*), а Матрона услышала и говорит: «Он ставит не свечи, а столбы, потому что ему надо поставить дом». То есть человек пришёл в храм, как в бартерную компанию: я тебе, Боже, поставлю большие свечи, а ты мне за это – помоги построить дом. И в наши дни можно наблюдать, как в храм заходят люди, не обращая внимания на идущее богослужение, с деловым видом ставят к иконам самые дорогие свечи, наспех или напоказ крестятся, выходят, садятся в дорогие машины и сразу уезжают. Видимо, им тоже нужно «поставить дом»: повернуть сделку, продвинуть бизнес или «подогнать денег», как выразился недавно один политик, бывающий в церкви только тогда, когда там ведётся телевизионная съёмка.

При советской власти церкви и монастыри «по работе» посещали так называемые сексоты (секретные сотрудники) – брали на заметку присутствующих, составляли списки верующих и передавали их в НКВД и КГБ. Жданова вспоминала об одной своей школьной подруге: «Она не была мне приятна, но она как прилипла ко мне. Я старалась сделать её верующей, и она стала посещать каждый день храм, рядом с её домом. Однажды Митрофаний, который тогда у нас жил, и говорит:

– А что, Галя ходит в храм?

– Да.

– Какое это хождение – ходит и только облизывает иконы! Она хуже татарина и жиды.

Я возмутилась и говорю:

– Матушка, Галя стала верующая!

А он мне:

– Какая она верующая!

Я всё своё доказываю, а Матушка:

– Ладно, ладно, поживём – увидим.

И что же? Галя была секретным сотрудником НКВД. Она оказалась для меня роковым человеком. Следователь, полковник Гарбузов, говорил мне: «Если бы не Г-кая, вы бы здесь не были».

Ещё часть прихожан посещают богослужения потому что «так положено». О таких Матрона говорила жёстко, но точно: «Ходят в храм иконы лизать».

Однако большинство людей, конечно, приходят в храм, чтобы помолиться всей душой. А им мешают: только настроится человек, отринет попечение о суетных заботах и помышлениях, наведёт порядок в мыслях и установит мир во всём своём внутреннем мире – так нате вам, вредная старуха сделает замечание: туда свечку не ставь, не так крестись, не так одет! Человек расстроится, обидится, возвышенное настроение утратит... Таких «укорщиц» (реже в этой роли выступают мужчины) раздражает чужое незнание церковных правил. Им, по дряхлости лет или вздорности характера, тяжело выносить многолюдие, тесноту, когда в праздники в церковь набивается много народу. Я однажды слышала, как некая бабуля вздыхала горестно:

– Хорошо было при коммунистах! Придёшь в храм – свободно, пусто, никто не толчётся, не мешает молиться...

Сами-то эти рабы Божии часто службу отбывают формально: следят за тем, чтобы свечи на канонах и поставцах до конца не догорали, время от времени подрёмывают на лавочке, в проповедь не вникают или слушают с выражением на лице «скорей бы уж всё кончилось». Однако не стоит забывать, что долгое время в большинстве случаев эти пожилые женщины и их матери были хранительницами заветов христианских, точнее, того, что от него осталось после уничтожительных гонений безбожной власти. И Ленин, и Сталин (особенно до начала Великой Отечественной войны) целенаправленно уничтожали монахов, священников и простых верующих. Пришедший за ними к власти Хрущёв тоже постарался: притеснения христиан при нём начались с новой силой, церкви разрушались по всей стране, он же обещал «показать последнего попа по телевизору». Однако в эти опасные времена матери нынешних ворчуней, рискуя собой, своими семьями, хранили дома церковные книги, утварь, иконы. Они могли быть осуждены, сосланы, лишены гражданских прав, могли погибнуть в лагерях и тюрьмах от болезней и тяжёлой работы, но не утрастились этого. А когда пришли другие времена, эти женщины передали бесценные религиозные реликвии в руки священнослужителей, а своим детям – веру. Один Господь судья всем нам, поэтому обижаться на тех, кто делает нам замечание в церкви, пусть даже, по нашему мнению, неподобающим тоном, не нужно. Блаженная Матрона Московская говорила так:

* Из записок З. В. Ждановой. Матушкой стали называть блаженную Матрону после её переезда в Москву.

– Если вам что-нибудь будут неприятное или обидное говорить старые, больные или кто из ума выжил, то не слушайте, а просто им помогите. Помогать больным нужно со всем усердием и прощать им надо, что бы они ни сказали и ни сделали.

Разные зложалящие старухи – может быть, они для наших душ та же очистительная крапива, которой блаженная Матрона в детстве очищалась? Матронушка часто повторяла:

– Зачем осуждать других людей? Думай о себе почаще. Каждая овечка будет подвешена за свой хвостик. Что тебе до других хвостиков?

Так она иносказательно давала понять, что каждый из нас только сам-один предстанет перед Спасителем на Страшном Суде и ответит за свои грехи.

Наталья ЛЯСКОВСКАЯ – поэт, прозаик, переводчик, публицист. Глава пресс-службы Международного Союза православных женщин. Председатель жюри фестиваля для детей и юношества «Таланты Московии». Родилась в 1958 г. в Черкасской обл. г. Умань (Украина). Закончила Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книги «Матрона Московская» и одноименного сценария для художественного фильма, нескольких книг для взрослых и детей: «Окно в давно забытый сад», «Душа Наташи», «Ежиная книга» и др., а также многих публикаций в центральной и региональной прессе: журналах «Москва», «Наш современник», «Простор», «Роман-журнал XXI век», «Родная Ладога». Публиковалась в антологии «Молитвы русских поэтов», «Антология поэзии XX век», «Вечерний альбом», «Московская муза», «Из жизни райского сада» и др. Живет в Москве.

ПРОЗА

Поле притяжения

РОМАН КОЖУХАРОВ

ДУБОВО

Из романа «Господь IN Президент»

I.

Нынче в ночи оставалось лишь пламя костра, как пеленкой, увитое облаком аромата ухи и душистого табака. Облако вдруг сказало, что прадедом Паисия Немецкого по матери был некто Мандя, славный и богатый купец еврейский, который принял крещение со всем своим домом. И как этот Ормо сумел подойти так бесшумно? Крадучись, как тать.

Паромыч на «Злом виноградаре» должен был провезти его вспять на несколько десятков метров, а потом терпеливо ждать: огородника главного, пока тот закончит делишки свои в схронах рогского монастыря и поклёвок огромных сомов. В глубоких ямах, под самым отвесом неприступного известняка, по которому Ормо, как человек-паук и вылитый химородник, собирался карабкаться к тайным древним пещерам, сомы должны были точно стоять, как телята в заботливых яслях.

Восходить Ормо не торопился. Присел, окунув свои строгие смоляные зрачки в плески оранжевого огня. Возле, сильными пальцами Вары, поставлена трёхлитровая бутыль. Сама она рядышком, запросто размещает свои спортивные бёдра на крышку секретного чемоданчика с химическими реактивами и компьютерной диагностикой.

В черной утробе бутылки мерцают неясно-багровые блики. Как пурпурные пёрышки рыбок, пущенных в ёмкость с венозной кровью.

— Посох Паисия привёл его к умному деланию... — молвит Ормо и, прилично плеснув багрянца в солдатскую кружку, в пару глотков осушает.

Тут же налитая тара перетекает Паромычу.

— Рара нягрэ... — рычит тот, допив. И добавляет, возвращая кружку, на выдохе:

— Не то, что «Рашковский» — «Слободзейским»...

Сказав, он рвёт стебель зелёной травы, которую только что передала ему Антонелла. По листочку бросает в казан. От пальцев, покрытых наколками, будто перстнями, сработанными из ливы, разносится духмяный дух.

Ормо протягивает кружку сидящей в кругу Антонелле.

— Леуштян... — та выдыхает и принимается пить.

Что это? Ветер ушёл в утопшую кручу? Снова мы плыли возле Попенок. Кроны огромных попеновских ив только зазеленели, и тут же их толстенные ступни утонули в Днестре. Или это дохнула, сопя, с того берега, зияньями чёрных ноздрей, бегемотова туша?

– По-молдавски он – *леуштян*, по-хохляцки – *любисток*... – со знанием дела проговаривает Паромыч. – Всё одно – про любовь. Приворотная травка. В ушицу приправа – знатнейшая...

– Расскажи им, Паромыч... – вдруг обращается с просьбой Ормо.

Паромыч обычно говорил мало, больше пыхтел своей трубкой. Вишнёвый чубучок был махонький, но клубы выдавал размерами с пароход. Вот и сейчас дымил, окуная лицо в оранжевый выплеск огня.

– Кто больше даст турку, тот и господарь... – не вынимая мундштук из рта, с неразлучной своей хрипотой развернул Паромыч.

Сказал, во всю грудь затянулся и выпустил лёгкими целый трехпалубный лайнер ароматнейшего самосада. В тот же миг океанским маршрутом мы все и отчалили.

II.

– О хитром албанце сказывали, что он мог чеканить монеты из воздуха. Посвященные, озираясь, шептались о том, что он был прирождённый вырколак и золото выделял не из какого не из воздуха, а из самих людей. Коли месяц краснел на ущербе, значит, он его грыз железными зубьями, пил лунную кровь, а съев, но, не насытившись, не утолив своей дьявольской жажды, принимался цедить кровь людскую.

Это нынче валюту перегоняют из углеводов, а прежде, испокон века, ресурс был один: плоть и кровь человека. И ведь трубопроводы, оплетшие мир, как плетёнка – бутыль, качая и ночью и днём жирную нефть и голубое амбрэ, вытеснить не посмели невольничьи рынки. Всё также текут, как по трубам, по тайным тропинкам рабы, без паспортов, а значит, без имени – но с плотью и кровью, человеческий материал для борделей истроек, для замены прогнивших деталей в упревших утробах сильных мира сего. Трафик арбайтеров-нелегалов, детишек на органы, глупых, но кровь с молоком выпускниц славянских, молдавских, мадьярских, словацких секций эстрадных и бальных танцев, вместо обещанных танцев «в полумгле без интима» получивших с палубы на бал по зарёванному ебалу, а после гребущих во все дыры бесконечный конвейер жестоковыйного интима. *Ай, карош Наташка!* И нынче бестолково-мохнатое золото не упало в цене против золота черного. А что говорить про *тогда*.

Умело варганил делишки негоциант Василий Лупу. На слушок, неотступно, но тайно вившийся следом, не обращал ни малейшего взора. В глаза попробуй скажи. Слабо? То-то же. Не мог никто вынести волчьего¹ взгляда коварного Лупу. Много ли злата отмерил султану блистательной Порты? Что есть мера, коли есть вера? Сыпал и сыпал, пока не позволил Стамбул сесть арнауту правителем в Яссах. О золоте тот не жалел. Сторицей намеревался вернуть хитроумный владыка. Хоть и сметлив, и заносчив тут люд, но гуртом неподъёмен на смуту. Все, как их виноград, от земли, винопийцы и богобоязненны, а, значит, терпеливы к ярму на логов и сборов.

И ещё одно... Таилось в покоях молдавского господаря нечто бесценнейшее перед жёлтым металлом. Руксанда, свет отчих очей, ликом и статью красивейшая перед Богом и перед людьми. Столько сердец разбилось о бастионы её красоты,

¹ Лупул (молд.) – волк.

что осколками их можно выстелить дорогу от Ясс не то, что на восток, до самых османских Бендер и до Дикого Поля, но даже на юг, к пределам сахарных бастионов Четатя-Албэ. Знатнейшие женихи, потерявши покой, как мотыльки на огонь, осаждали яские чертоги. Людская молва, как морская волна, разносила вокруг недобрые вести. Мол, не плачьте по волосам те, кто свяжется с дочкой властительного кровопийцы.

III.

Горячей крови женихов все отговоры – горохом об стенку. Сам польский гетман Калиновский засылает сватов к молдавскому господарю. Очарован паных блеском очей ненаглядной Руксанды. Ослепительно блещут в зрачках писаной крали красноватые отсветы отчего золота.

Но явился под Яссы соперник спесивому шляхтичу. Сын Запорожского гетмана Тимош Хмельницкий с виду неказист: малорослый, весь в оспинах, глядит исподлобья, по-волчьи. Но горяч и удал, заради невесты готов хоть к черту на рог, хоть к дьяволу в пекло. Под стать атаману и войско, неистовые в брани и в гульбе, запорожцы-сечевики. Пять тысяч бритых голов привёл с собой Тимош под Яссы. Турецкие ятаганы, дамасские сабли, секиры, мушкетеры, копы с прапорами и значками, вольно плещущими на валашском ветру, будто тысячи оселэдцев.

Гляделок с будущим тестем лихой запорожец не убоился, от зловещих пророчеств отмахнулся, как от назойливого слепня. «Казак кровопийц-упырей не боится, потому как в жилах его вместо крови течет горилка. Нечто зазря мы храним, как зеницу ока, и таскаем повсюду с собой десницу славного кошевого Серка Праворучника? Нечто химеродники² с Хортицы – хлюпики против волошских вурдалаков?», – так напутствовал Богдан сына на сватовство. Как положено Хмельницкому, поучал посреди запоя – такого же необъятно широкого, как Днепр ниже порогов. Не зря на Сечи гутарили, что Богданов сын сам характерник, но из таковских, которых хоронят книзу лицом. Не зря, при рождении Тимоша, колы батька в пьяном счастье восклицал: «От, дитя народилось с казацкой чупрыной!», повитухи шушукались, что де неспроста у младенчика маковка ошети-нилась волчьим волосом. Да мало ли что балакают за полночь, принявши горилки у сторожевых костров!

Не захотел подбру-поздорову уступить запорожцу невесту упёртый шляхтич. Калиновский объединился с прочими обиженными женихами и выступил войском против Тимоша и его хлопцев. На обиженных воду возят. Радужно, под местечком Батоги, встретила поляков казачья вольница. Дали пешие сечевики залп огневой из тыщи мушкетов и разом ударили конники с пиками и саблями наперевес. В плен запорожцы не взяли ни одного. Пировали власть на кровавой свадьбе. Шесть тысяч поляков полегли под Батогами. Кровь ручьями текла по холмам. Копыта вороного под Тимошем скользили и оступались, когда хозяин коня, пьяный от скачущей рубленной плоти, собственноручно отделил голову жениха Калиновского от плеч и поднес обручальный дар к ногам невесты. Тесть, как родного сына, обнял залитого кровью врагов зятя.

² Химеродник, характерник – колдун, знахарь в Запорожской Сечи.

IV.

Как меха, принявшие играющий муст, расступилась Молдавия, принимая разгульное торжество брака Тимоша и Руксанды. Венчали молодых здесь же, в Яссах, в древнем монастыре, прославленном во всём православном мире чудотворным образом Божьей Матери. Долгий путь проделал сей образ, прежде чем обрести свой дом в обители Нянца. Насильно икону отправили в Рим, но она своим ходом, по Тибру и Средиземному морю вернулась в Царьград. Три века минуло с тех пор, как император Константинопольский даровал этот образ молдавской земле, и все эти годы монахи денно и нощно молились о том, чтобы Нямецкая Богоматерь не покинула их.

Святым чудотворным образом, с которого по столь торжественному поводу совлекли драгоценный оклад, благословил господарь свою дочь и её избранника на совместную жизнь. Дивился народ красоте невесты и царским её одеяниям, парче и пурпуру. Чудным находили великое сходство недвижимого взора Руксанды и строгого лика Преблагословенной Владычицы. Отчего золото нимбов вокруг святейших голов Богоматери и Младенца небывало полнилось пурпуром, червонея на солнце?

У алтаря, добившись, казалось бы, своего, жених был хмур и невесел, всё так же смотрел исподлобья. Тревога серебряной змейкой вползла к нему в грудь и сосала его молодое горячее сердце. Тесть взял с него слово, что покуда свадьбу не отгуляют, не войдёт он к Руксанде, как муж к жене, а свадьбу пусть гуляют весь путь, что проделают они до своего имения в Рашкове. Там теперь жить молодым, таков щедрый подарок на свадьбу свата Богдана, гетмана вольного Запорожского войска.

«Пусть запомнится ваша свадьба так, что шире её не бывало под солнцем и под луней», – так молвил Лупу. И Тимош, чуткий к разгулу и шику, согласился, не споря. А после затосковал. Ведь к Рашкову путь не близок, считай, через всю Молдавию. А Руксанда, свет его очей, вот она, вся перед ним, и это убранство, богатое, как у царицы, готов он вмиг разорвать на клочки, чтобы взять её плоть, нежную, белую.

Что за загадку загадал коварный в пучине своих темноводных думок? Пуще прежнего вила тоска круги вокруг сердца гетманского сына и теснила, теснила. Скорее, прочь от этих очей треклятого тестя, прочь от темных думок. В загул, в Рашков! Эх, музыканты, вжарьте по полной. А ну, хлопцы, полней наливай, да нашей горилки, а то от этого красного, как кровь, молдаванского вина пучит живот. Всем гулять!.. Пусть запомнится!.. Эх, не бывать шире этой свадьбы!

V.

Во всю валашскую ширь, от Ясс до Сорок, растянулся свадебный поезд. Богато гостей съехалось в Яссы, целые войска гулятков от куреней Калниболотского, Джерелиевского, Величковского, и других, менее знатных паланок, и всё хлопцы добрые, гораздые на драку и праздник. Прибыли и казачьи полковники с дорогими подарками и семействами, с целыми жиночными обозами кухарства и барахла.

Тю-тю, казацкая строгость, прощай, скудный походный кус сухой брынзы с таранью! Затянись тютюном, да не щёлкай... Целые туши зажаривались на вер-

телах, далече вперёд, дозорными дымами означая путь движения поезда. Ржавым хвостом по земле тянулись по всему пути следы от кровищи зарезанной птицы, забитого скота. Уготованные на заклятие, мычащие, блеющие, хрюкающие стада шли своим ходом в самом задку, за повозками.

Кипели в огромных котлах и чорба, и угорский богрыч, и зама, которой спасали изнурённые гулянкой желудки. Наймитские шинкарки, не покладая ухватистых рук, крутили мощаные местные долмы, хохляцкие голубцы, вкуснейшие чигири, сготовленные из нежнейших, обёрнутых нутряком, поросячьих, телячьих, ягнячьих сердец и печёнок. В такт хлещущей музыке скворчали прозрачные, мясистые янтари на огне и тут же, брызгая жиром, отправлялись в лужёные глотки.

Две недели гудел упившийся мёдом улей, препровождая молодожёнов до Рашкова, в новую семейную вотчину, дарованную свёкром. И тесть с щедростью не отстал. Дивился народ карете из чистого золота, в которой катили молодые, пока вокруг них, как неистовый кубарь, кружилась нескончаемая, неутомимая свадьба. Оркестр запорожцев которые сутки жарил без остановки гопака и краковяк, и разученную по пути, среди величественных кодр, хору де веселие. Под подошвами постолов, чувяков, черевичек горела земля, утапывая золотой карете дорогу. Впереди хлопцев, расхристанней прочих, лихо наяривал охочий до пляски жених. Некуда было покамест девать Тимошу свой жениховский задор. По строгому уговору с тестем первая брачная ночь молодых должна была состояться в новых рашковских чертогах.

Не мог казак вытерпеть оставаться с Руксандой один на один в карете, потому и бежал снова и снова прочь от неё – скорей осушить чарку и снова пуститься в дурманящий танец. Только выпивка помогала одуревшим с бессонницы музыкантам не пасть от смертельной усталости. Всё время свадебного пути вино и горилка, и цуйка де пруне³ лились реками, и эти потоки, сходясь половодьем, затапливали появлявшиеся на пути село за селом, впадали притоками в бурный Прут, дряхлый Реут, в смиренный, выхолощенный будто, Бык.

Наконец, добрались до Днестра. Казаки подгадали тут для женихавшегося атамана знатный подарунок. Неводом, у самых Сорок, выволокли рыбаги агромадную рыбину. Та сопротивлялась, да так сильно, что изорвала невод и хвостом ухайдокала двоих хлопцев, одному выбив глаз, а другому свернув скулу. Остальные схватили тогда ятаганы и начали бить чудо-юдо прямо в реке, да так, что мглисто-зеленые воды стали красными. Всё равно не могли никак с ней совладать. Пришлось звать в подмогу цыган, что стояли раскидистым табором неподалёку.

Оказалось в том жителе речки пудов до пятидесяти. Одной икры – чёрной, блескучей, как адова смола – выпотрошили в тазы да чеканные блюда до десяти пудов. Тушу разделявали секирами и коптили на берегу, пока не приблизился свадебный поезд. А тут цыганы привели медведя на верёвке, да пошла потеха, с надрывом ударили ромалы в гитары, скрипки и бубны, да пошли петь и плясать, и звенеть монистами так, что Тимош совсем одурел от мелькавших в угаре пёстрых цветастых юбок, босых, смуглых ног, от жгучего сверканья смоляных кос да чёрных очей.

³ Цуйка де пруне (молд.) – сливовая водка.

VI.

Отгуляв до беспутства сутки в Сороках, в похмельном беспамятстве стали спускаться вниз по реке, к переправе у Рашкова. Но не только свадьба Хмельницких гуляла в тех покрытых лесами местах. Пришли с верховий реки гайдуки атамана Довбуша. Мглисто-зеленый балаур нашептал веселым людям про знатную добычу. Будет чем поживиться в свадебном поезде.

У самого брода налетели опришкі на свадьбу. Нежданно ударили из засады. По строгому наказу атамана крови не проливали. Да того и не требовалось. Разогнали с гиканьем и улюлюканьем по лесу в гэтть упитое войско и челядь. Загнали всех в воду, заставив запаниковавших панов заполошно переправляться на левый рашковский берег. Тимош и сам с перепоею не сообразил, как хлопцы перетащили его, жениха-атамана, на ту сторону Днестра. Помнил только, как метался по береговой кромке, хлестал плетью лыка не вязавших парубков, и всё кричал: «Карета!.. Карета!..» Очухались, снарядились обратно за реку.

Нашелся весь скарб, сундуки. Нашлась и карета. Да только пустая. Не было в ней Руксанды. Отыскали пропажу чуть погодя. Сидит на обрыве под дубом, как ни в чем ни бывало, в царском своём парчовом с пурпуром, убранстве, прекрасная и ликом, и статью перед Богом и перед людьми. Возле неё поставлена прислонённая к дереву длинная палка, то ли посох, то ли дубина. «Это, – говорит, – разбойничий атаман оставил, от волков защищаться».

Поразило всех дивное диво. Как это разбойники ничего не тронули, добычи не взяли и запросто так ушли. «Так и было, – молвит Руксанда. – Поклонился атаман в ноги, руку поцеловал да посох оставил. Тут же людей своих кликнул разбойничьим свистом и в лесу растворился. Будто их никого и не было». А Тимош не отступает, всё донимает расспросами: мол, руку поцеловал? И больше не тронул? Да, мол, поцеловал. Как рыцарь. И больше пальцем не тронул.

И ведь молвила Руксанда правду, такую же чистую, как влага панской криницы в Рашкове, где мы запасались водой после комфортного путешествия на дяди Мишиной каруце через Севериновку, Подоймицу, Подойму и сменившего его жуткого пешего перехода, а вернее, *перелаза* через Змеиное ущелье, куда чёрт понёс неугомонного Ормо, а тот, в свою очередь, нас.

И ведь посох, который привел удалого Довбуша к прекрасной Руксанде, подарил атаману опришков не кто-нибудь, а сам мудрый Бешт. Не зря ведь именно в Рашкове, самом южном городе средневековой Речи Посполитой, Яков-Иосиф создал своё «Повествование», следуя по стопам тех прилежных учеников, кто внял громогласному: «Напиши!» и предал бумаге речи учителей. «Талдас» был целиком посвящен речам и деяниям Бешта. А первое среди прочих тот совершил в приднестровских дубровах: дубиной, под пение псалмов, огрел волка-оборотня, кравшего детей из окрестных сёл.

За чудную смелость благородный Довбуш, атаман гайдуков, одарил Бешта трубкой. Выдубленный антисемит, заломив оселедец за ухо, безоглядно растался с прокуренным нещечком, с коханной люлькой, настолько, в самое сердце, поразила его прозорливость хасидского діда. Состоялся обмен. Старец дал гайдуку дубину, ту, которой сокрушил вурдалака в зверином обличье. Вручив, мудрый молвил: «Не отвергай красоту девушки, но стремись, чтобы признание красоты возвращало тебя к её источнику – Богу».

С гайдуцким подарком Бешт не разлучался. По виду мудрец был простым украинским крестьянином, в поте лица зарабатывал хлеб свой насущный резьбой по дереву. Когда он удалялся в сопки, в благоговении созерцать молчаливое прилепление к всевышнему, местонахождение старца всегда можно было вычислить по курившимся к небу клубам тютюна. Даже в самый сильный ветер и непогоду сизые струи поднимались вертикально вверх величественно и строго, к самой тверди.

С даром весёлого діда Довбуш расстался в тот самый миг, когда встретил в чаще леса на берегу Днестра напуганную Руксанду. Пораженный в самое сердце красотой её лика, гайдук поначалу решил, что сама Божья Матерь сошла к нему с неба. Но девица сказала: «Бог в помощь!», и слова старца вмиг ожили в гайдуцкой груди.

Довбуш осознал, что это знамение. Он отвесил перед прекраснейшей земной поклон и едва коснулся губами протянутой ручки, нежной, как папоротки ангела. Гайдук осенил себя честным крестом и дал зарок: распустить своих верных опрішков и пойти в монастырь. Дошло до ушей атамана, что в Медведовском монастыре, что под Чигирином, поселился монах, святой человек. Пришел этот инок с Афона, искал благодати и обрёл её и учит теперь, как ум поселить в сердце и вырастить там любовь. Не давала эта весть Довбушу покоя, скребла и скребла по его зачерствелой душе, и вот свершилось. В знак нерушимости залога разбойник оставил дубовый свой посох той, что навсегда воцарилась в его душе.

VII.

Злой на весь мир, оскалившись волчьей гримасой, Тимош хотел бросить ненавистную палку в мглисто-зеленую воду. Но Руксанда не дала, вцепилась в неё мертвой хваткой и сказала: пусть бросает в реку и её. Они впервые поссорились, и Тимош впервые узрел, что в жене его живёт сила, которая не по зубам его неукротимой натуре. Не заставила себя ждать и новая беда, страшная, разведшая их мутным потоком на два бесконечно далёких берега.

В первую ночь по приезду в Рашков выяснилось, что Руксанда не девушка. Затравленным зверем обманутый жених метался по поместью, крушил посуду и мебель, бил смертным боем окна и жену, жену, жену. Истерзанная, растоптанная в кровавую банницу, она ревела навзрыд и каялась, что потеряла невинность в серале турецкого султана. Высокую плату запросил сладострастный властитель Блистательной Порты. Кто больше даст турку? Только ли золотом можно отмерить тяжелую шапку господаря? Не устоял перед посулом султана коварный арнаут.

Раненый в самое сердце, волком воющий Тимош чувствовал своими горящими потрохами, что жена говорила правду. Вот и ответ на загадку его коварного тестя. Вот отчего за всю свадьбу невеста его ни разу не улыбнулась, и всё только молчала, как будто везли её хоронить – беспрекословную жертву страшной отцовской воли. Кабы муж это чуял не только утробой, но ещё рассуждал и умом, может быть, и простил, Бога ради, как молила его несчастная, валяясь в ногах.

Но гетманский сын не простил, заставил себя не поверить. А есть ли мера, коли нет веры? Раскаленным тавром плавил мозг мысли о том, что чёртов гайдук там, в лесу, обесчестил его невесту, опозорил весь гетманский род Хмельниц-

ких. И чего она так вцепилась в проклятый тот посох? Врёт, всё врёт вурдалачье отродье. Ну, ничего, честь свою Тимош Хмельницкий ещё никому не давал погнать и убудку лесному не даст.

Кликнул гетманский сын удалых своих хлопцев, попрыгали в сёдла и бросились в погоню за гайдуками. Напоследок заскочил Тимош в опочивальню. Там на супружеском ложе лежала, еле жива, истерзанная Руксанда. Ни звука не вымолвил он, а только бросился к дубовому посоху, что прислонён был в красном углу, под иконами. Схватил и выбежал вон, словно вор. Такой дикой ненавистью горели в тот миг его волчьи очи, что Руксанда словно остолбенела и ничем не смогла помешать.

Стремительной серой стаей, ведомые Тимошем, испытанные товарищи переправились вброд выше Рашкова. Скорбно, с левого берега, глядел им вслед обугленный дуб. В бытность ещё Ивана Подковы служил тот дуб запорожцам указателем брода за Днестр. Здесь обронил своё нещечко, свою люльку полковник Бульба, а вместе с нею, за други своя, расстался и с бесстрашною своею жизнью. Много зеленой воды прошло мимо старого дуба, прежде чем наступил тот день, когда атаман опрішков, переправляясь с добычей из каменных лесов, на песке возле спуска с обрыва, разглядел вишнёвый чубучок. Крепко держался в нём дух ароматного тютюна, не вытравили его ни дожди, ни снега. Лучше бы не подбирать гайдуку той люльки, не привёл бы его дубовый посох к собственной гибели.

С Богом отпущенные атаманом опрішки отправились вслед за течением мглисто-зелёной воды туда, где каменистыми скатами сползал в днестровские омуты серебристый аспид Ягорлыка. Отряды ногайцев переправлялись здесь по пути из Крымского ханства в Каушаны – заднестровскую столицу своей неуёмной, вечно голодной и ошетиленной орды. Бывало, Довбуш с гайдуками стерёг в ягорлыцкой засаде татар, отнимал награбленное, а, заодно, – некрещёные души. Вот и теперь осиротевшие враз опрішки решили попытать гайдуцкого счастья там, где бился о южный уступ обжитой земли Посполитой кровавый прибой беспокойно-беспечной вольницы Дикого поля.

Сам Довбуш легко, как по чудной, доселе неведомой лесенке, взбирался к северу, вверх по реке. Шла с ним горстка верных гайдуков, не желавших покинуть своего атамана. На лугу возле поймы застигли их хлопцы Тимоша. По-волчьи набросились и давай рвать и колоть, и рубить. Злоба лютая за нанесённую у переправы обиду сделала своё дело. Раненого Довбуша подобрали, но убили не сразу. По приказу гетманского сына прикрутили за руки и ноги к стволу плакучей ивы. Истязали, потрошили живот, пока Тимош не пресытился живодерским мщением и не отрубил собственноручно гайдуцкую голову.

Потом приказал принести ненавистную палку. Словно на кол, нахлобучил на неё страшный трофей, вскочил на коня и поскакал, как ужаленный, обратно в Рашков. Высоко вздымалась на посохе гайдуцкая голова, будто бы прапорец, такой же червонный, как набрякшая красным большая хоругвь Запорожского войска, как пурпуром темнеющее полотно вокруг отрубленной головы знатного зверя на гербе молдавского господаря...

Влетев в панский двор, едва осадив взмыленного своего коня, соскочил Тимош с седла и бросился в опочивальню, где всё так же, без сил, лежала Руксанда. Вбежал он в покои и поставил палку обратно в красный угол, только посох

теперь весь был багряный и страшный, с запёкшейся головой Довбуша. Ни слова не сказал Тимош своей жене и она, болезная, не произнесла ни звука. С того мига, как водворился трофей в опочивальне, на окраине Рашкова забил вдруг родник чистейшей влаги. «Чудо! Шо за дивное джерело^{4*}?» – гутарили жители Рашкова и тут же прозвали источник панской криницей. Хотя и целебная, но уж больно горячая была в ключе вода. Как слёзы безутешной Руксанды, которая, странное дело, добредя от самого порога смерти, повернулась вдруг вспять и пошла на поправку.

VIII.

Угры в то время собрали великое войско, задумав поживиться по Волыни и Подолью, и чуть ли не в самой Сечи. Гетман, прознав про мадьярские умыслы, стал скликать полковников, поднимать куреня, чтобы встретить мадьяр, как подобает. Треба было спешить. Воевода угорский часть войска отправил к воротам Чигирина. Замыслил пограбить житницу сечевиков, а после взять запорожскую вольницу в клещи.

Тимош, посаженный баткой хранить с юго-запада брюхо казачьих земель, не дремал сообща с испытанными товарищами. Кукиш, а не Чигирин, выкусят кобылячьи сраки, ризницки собаки. Землёю и водою будут биться запорожцы за свой складской город, закрома и западный оплот вольной Сечи. Стеклось в Рашков войско в три тысячи сабель, тыщу мушкетов. Куреня Величковский и Джерелиевский и другие паланки прислали подмогу немалую. С таким-то оркестром и не устроить мадьярам знатную гулянку?

До похода казачьи жінкі испросили у мужей соизволения отправиться в Медведовский монастырь, молить Спасителя и Богородицу о всяческом вспоможении для сечевиков на поле брани. А казаки, хоть видом и посуровели, а в душе и рады: нехай отправляются бабы, меньше визгу и гвалту, не будут путаться под ногами.

Не ведал Тимош, что жинок казачьих подначила на богомолье Руксанда. Безмолвной пустыней простёрлась между ними совместная жизнь, и с каждым денёчком обреталась пустынь всё суше. Не раз и не два порывался гетманский сын заговорить со своею женой, но всякий раз наталкивался на такой устрашающе молчаливый задумчивый взор, что слово застревало в лужёной плотке и сохло, и вяло, уже не имея сил выпростаться наружу.

Одетая в чёрное странница, с посохом, явилась под Чигирин, в святые пределы Медведовского монастыря. Долго молилась, истово что-то спрашивала у святых образов, у небесного воинства и преподобных заступников. Причастилась, исповедалась, а после испросила благословения у чернеца. Инок сей уже был прославлен в народе свыше ниспосланной благодатью утешать печали и скорби, исцелять болезни и горе, орошать заскорузлую пустошь сердец живительною влагой милости утешения.

Монах благословил безутешные слёзы прекрасной женщины. В знак исполнения молений, из самого сердца исторгнутых, смиреннейше она поднесла иноку дубовый посох. Тот подивился, однако, осенив себя крестным знаменiem, подарок принял из её рук – белейших и холодных, как снег на карпатских вершинах.

Запорожцы, ведомые доблестным сыном Хмельницким, в ту пору выступи-

⁴ Джерело (укр.) – родник.

ли во всеоружии с твёрдым намерением устроить горячую взбучку заносчивым уграм, такую, чтоб неповадно было впредь соваться на сечевые вотчины. Мадыры шли под Чигирин войском немалым, но казачья вольница противнику ни в чём не уступала.

Встретились оба войска под сопкой, у карпатских предгорий. Видит Тимош: мадыры мнутя на месте, будто бы выжидают. Ну вот и дождётесь, сукины дети. Отведайте блюда знатного, которое казаки подают только для самых лучших незваных гостей. Подал клич атаман выдвинуться к передним рядам пешим воинам, с пищальями и мушкетами, тут же готовиться к залпу. Досыта наедитесь, вражье племя, огневым боем казацким! Только стали стрелки ссыпать порох на полки, заталкивать пули в стволы, как случилось неведомое диво. Среди ясного неба, из-за лесом поросшей, ошестиненной ёлками сопки возникло вдруг облако, непроглядное, чёрное. Без грома и молнии в тишине полился на бритые головы запорожцев обильный дождь. Долу поникли вымоченные чуприны, бесполезными железьяками опустились к земле мушкеты с вымокшим порохом. Не успели казаки крепким словом отдать должное странному диву, как диким криком и посвистом разразилось войско противника и с гиканьем, лавой обрушилась мадырская конница на ряды казаков.

Опомнившись, попытались отбиться сечевики, но угры, почуяв близость победы, ряд за рядом одолевали. Как горная Тиса, вспучившись талым снегом с карпатских вершин, топила в мутной воде каменистые берега, подминали казачьи ряды угорские конники, стремительно окружая, будто остров, то место, где рубился с врагами бесстрашный Тимош, плечом к плечу со своими верными друзьями.

Храбро бились казаки и их атаман, но силён и неистов был бурливый мадырский паводок. Поднялся багрец по шаровары, потом окунуло по самые плечи, а после явился черёд и лужёного горла. Опыяненные кровью, отсекли мадыры обритые казачьи головы, в числе прочих и – буй тура Тимоша. Никого не жалели, никого не брали в полон. Ухватил воевода угорский жёсткую, липкую от крови и пота атаманову чупрыну и, пришпорив кобылу, потрясая трофеем, поскакал с истошным победным криком вдоль своих уморившихся в сече воинов.

IX.

Когда до Руксанды дошла весть о гибели мужа и всего его войска, она не вымолвила ни слова. Молча облеклась во всё чёрное, и так, в черноте и безмолвии, пребывала все дни своей жизни. Как в затворе, смиренно и странноприимно, жила у себя в поместье, щедро благодетельствуя жителям Рашкова, окрестным, и даже из дальних сёл приходившим крестьянам.

Годы, а, может быть, десятилетия минули так, пока вдруг не явились гонцы от отца. Тот занемог и спрашивал дочь срочно приехать из Рашкова в Яссы, повидаться. Медлила панна, хотела поехать в Медведовский монастырь, письменно испросить у благоверного инок Платона совета для смятенной своей души. Но помещице донесли, что инок тот своим благодатным усердием пострижен был в схимонахи и с именем Паисия возведён был в настоятели обители в Драгомирне, а ныне наставляет братию в Нямецком монастыре, что под Яссами.

Подивилась Руксанда такому стечению, восприняла как знак и с крестным знамением собралась в дорогу. Но отца застать в живых не довелось. Прибыла

в Яссы вдова, когда уже схоронили господаря в усыпальнице. Челядь, напуганная тем, что происходило в последние недели, всё шепталась по покоям о страшных муках, которые претерпел их хозяин перед своею кончиной. Корчился, вился ошпаренным змеем в шелковых простынях, кричал, завывал и стонал, претерпевая дикую боль, и всё призывал свою дочку, свет своих чёрных очей, ненаглядную Руксанду. Никакие снадобья и припарки знахарей из Мунтении и Трансильвании, лекарей из Угорщины, из Речи Посполитой и из самого Вильно ничем не помогли.

Совсем дальнорские углядели, что, мол, занемог владыка, вернувшись с заутренней в Ясском соборе, где служил свою первую службу новый Нямецкий настоятель, схимонах и архимандрит Паисий. Он и соборовал, и исповедовал, и причащал владыку перед самой кончиной. А как стал тот изнемогать и дух испустил, поднялся вдруг вихрь и смерч, сор и пыль намело аж до неба, налетели то ли с Карпат, то ли из Черногории мутно-рыжие, рваные, страшные, как борода вырколака, тучи, но всё без дождя, но с таким ветродуем, что сбивало с ног, срывало черепицы и целые крыши и высадило из храма витраж с изображением Страшного Суда.

По смерти господаря бояре его и воеводы устроили алчную свару за княжеское наследство. Попытались втянуть в эту суводь и господарскую дочку-вдову. Боярин Постельник, ещё со времён кровавой Батогской свадьбы пылавший к Руксанде, принялся к вдове подбиваться. Хоть и минули годы, а женщину будто не тронули. Пусть в её взоре горделивость сменилась смирением, но от этого строгий лик её выглядел ещё прекраснее. Да, к тому же, отец наверняка сумел передать дочери, где он сокрыл несметные свои сокровища. Но Руксанда, немотствуя в безутешности, отвергла все притязания. Бежала мирской суеты, под духовным наставничеством архимандрита Нямецкой обители постриглась в монахини и поселилась в отдалённом скиту в обширных пределах монастыря.

Х.

Тем временем алчба разгоралась. Боярин Постельник, тайно сойдясь с мадьярскими панами, привел в город угрское войско. Боярам и воеводам волошским пришлось откупиться и затихнуть, строптивых заставили присмиреть мадьярские сабли. Пусть ведают хитрые молдаване, кому следует служить и кто истинный их сюзерен. Безоглядно служила венгерскому воеводе Драгошу любимица его Молда. До самого Днестра гнала борзая во главе гончей своры огромного тура. Там на берегу мгристо-зеленой реки затравили собаки свирепого зверя, и Драгош, настигнув его, пронзил своей пикой и отсёк мечом страшную голову. Изумрудная, шёлковая будто, трава вмиг стала красной от крови обезглавленного зубра.

Сказывали в Трансильвании и другое: будто Драгош, доблестный витязь венгерский, охотясь, заплутал в непролазных лесах и скитался, пока не встретил на берегу широкой реки страшного зверя. Телом тот был человек-исполин, а головой – зубр с огромными, острыми рогами. Вступив в бой со зверем, витязь его сокрушил, отделил звериную голову от человеческого тела. Удар меча, словно узел, рассёк колдовские чары. Лесная чаща расступилась сама собой, и Драгош тут же набрёл на тропинку, которая привела его к прекрасной девушке, ставшей воеводе наречённой женой.

В назидание всем потомкам и нямурям, что зверь сокрушён, его страшную

голову водрузили на герб Молдавского княжества. Но в няме, как в тучном молдавском чернозёме, снова и снова прорастало просо злобы и ненависти. Алчный предатель Постельник поведал своим угорским хозяевам о знатнейшей монахине, что таилась в нямецких дубравах и, наверняка, прятала там, в пределах обители, под крылом всесильного, почитаемого народом настоятеля, несметное отцовское золото.

Получив разрешение на свои темноводные думки, шелудивой шавкой бросился боярин вместе со своими подручными в монастырский скит. Не остановили одержимых алчбой и мщением ни святость места сего, ни призывы монахов одуматься и покаяться. Бить батогами строптивых чернецов, а особо строптивых – саблями.

Схватили Руксанду и прямо там в скиту стали пытаться про золото. Боярин вёл допрос лично. Упивался своею всесильностью: вот его час! Он, а не кто-то, приказывает дочке господаря. Он её господин, а значит, сам господарь! Начал алчный с увещаний, всё более громких, нетерпеливых. Но Руксанда смиренно немотствовала. А что она могла ответить, если четверть века хранила обет молчания. Он распалялся, кричал, а она в сердечной своей глубине смиренно творила умную молитву. Разве может расслышать слова этой молитвы тот, кто срывается в крике и брызжет желчной слюной?

Безмолвное смирение инокини Постельник расценил, как издевательскую насмешку, и тогда он с подручными поднял Руксанду на дыбу и сорвал с неё черные монашеские одеяния, и обнажившееся её тело, всё такое же свежее, исполненное зрелой женскою красотой, ослепило его и подручных своей белизной.

Похоть рыжим огнём запылала в утробе Постельника. Пытаясь залить адово пламя, стал он хлестать её плетью и стал измываться, и терзал беззащитную плоть, пока она из снега белейшей не превратилась в багрянородную. Кроме стонаний и стонов, ни звука не добился изувер от своей жертвы. И тогда, перехлёстнутый злобой, он вытащил саблю и, ослабившись, отрубил бессильно поникшую голову. Так иссякли дни несчастной Руксанды.

* * *

Что в истории этой услышалось мне от Паромыча, в сгущавшейся тьме, где мигал красным зрачком дотлевавший его чубучок? Что привиделось в навалившемся исподволь, мглисто-багряном сне, где, в самом финале, оголтело гонялись за мной ощеренные клыками и железными зубьями Цеаш с Арнольдичем и толпою услужливых упырей в футбольных одежках, и все они алчно желали отнять мою голову, и с ними Алина, которая отчего-то была одноглаза, и красное её око находило меня, где бы я не ховался, и кричало, заходясь в сумасшедшем хохоте: «Вот он! Лови его! Вот он!» Или нет, погодите... Не Алина совсем, а другая, станом и ликом прекраснейшая перед людьми?

А ведь ночь та была с четверга на пятницу, безразмерно исполненную равноденствием, как пророчил нам Ормо. Слабосильный, я пал под рогским ярмом и напором венозной дремучести Рары Нягры, у мерцающего костра, согреваемый теплом близлежащей Таисьи. Тенью нагою пята тёмной ночи пригасила мой мозг, как нога осторожного человека – горящее сердце Данко. Силилсь, перевозмогал, но, грешен, отчалил бесшумно, в дубовой люльке преданий, прочь от Таи, во мрак виноградской реки бессознания.

Проснулся от громких речей, от утренней сырости, раздраженный, не выспавшийся. Будто, превращенный ведьмой в «БМВ», всю ночь возил окаянную, взнуздав лошадиные силы. Мутота под капотом и страшный сушняк. Хоть припавши и пей из реки. А тут и Кузя протягивает бутылёк. А на дне плещутся вчерашние багряные рыбки.

– Полечись... – говорит сердобольный.

Еле сдерживаюсь, мотаю головой. Кузенко отмахивается от меня, как от ненадёжного, прикладывает к горловине и вливает аквариум. Вижу, как ходит его кадык, затягивая Рару Нягру, и меня, наконец, выворачивает. Прямо с кручи – что может быть круче?

Весь «Огород» как бы мук моих не замечает. *Делай, что хочешь.*

– На вот, поешь...

Антонелла... Протягивает мне котелок с горячей ухой. Отнекиваюсь и всё-таки ем. Полегчало. Всей своей мутью нутра смуглянке транслирую благодарение. А губа Агафона не дура, охмурил-таки тоамноокою. Тот, словно чувствует, возникает вдруг рядом. В руках его бутыл, но только не с красным, а росистым, светлейше-соломенным.

– Ну ты, Кузя, даёшь... Нашёл, чем лечить человека... – с деликатностью миротворца лопочет он, обращаясь в сторону счетовода.

Тот лишь отмахивается. Только глазёнки видны, темнеют над бутылком, пляшут на Антонеллу, пока счетовод допивает венозное красное. Допив, отрывается и остаётся с роскошно спадающими от носа, на манер запорожских шаровар, пурпуровыми усами.

– Варвар... – доверительно сокрушается секретарь. – В трудный утренний час, на заре, после стрессов ночных возлияний, к кишечно-желудочной флоре и фауне отношение нужно особое. Следуя гиппократову *не навреди*, ступай, аки тать, прядая копытами чуйки. Как глаголил нам Ормо, уравнишивай, дабы не расплескать. Дабы не оступиться в осклизлую суводь блевотины. А что тут пользительно наипаче? Конечно же, вот оно... Лёгкое, как дыхание бунинской девушки, вызревшее на заре урожайного года, лучистое, как живописный бардак Ларионова... Лазоровое Иршаи... Будто солнечный зайчик, что сорвался с сусального купола горного Ершалаима, но сумел приземлиться на все четыре лапки... Прохладное, в теньке постояло... Испей...

Он протягивает мне три литра солнечной зайчатки, держа её за уши. В ладони беру покрытые стилой испариной стенки и тут же прикладываюсь. Желудок умащен ухой и истово жаждет. Блаженная влага кропит иссохшую духом и сном оболочку. В мгновение ока я исцеляюсь.

Теперь мне легко раствориться в лучизме, царящем над подтопленным правым берегом. Солнышко, только взойдя вдали, над селом, утирает росные слёзы, льёт огонь в зеркальную форму, закаляя рогатые дужки подковы в известковой печи.

А бегемот-то белый! Всё тот же ракушечник, как вот наш пятачок, очищенный дождевыми потоками от наростов глины, земли и кустов до самого что ни на есть исподнего – до шкуры, изначальной, породисто светлой.

Днестр лежит под ногами, как громада сиятельного циркуля, как равнобедренный треугольник, упёршийся в нас вершиной сходящихся равных сторон, а основание затерявший где-то за всхолмленным горизонтом. Справа, с северо-

запада течёт светоносное русло, подходит бурливой коричневой мутью под самый бок белого бегемота, круто разворачивается и, снова исполнившись лучей, под таким же углом утекает на юго-запад.

Теперь окончательно очевидно, почему селцо, прилепившееся к известковой гряде, именуется Роги. Вот же они, позолоченные, торчат из гигантского известкового черепа реликтового минотавра. Минуя Попенки, «Наливайко» и «Злой виноградарь» шли борт в борт, и Агафон вещал, что, мол, есть легенда, что где-то здесь, то ли в глазницах Цыпова, то ли в пещерах рогской скалы, могила Орфея, по крайней мере, туристы настойчиво ищут. Неужто голова растерзанного менадами певца поднялась по течению так высоко, одолев зигзаги днестровской кардиограммы? Что ею двигало? Пение?..

Что движет нами, зависшими до поры меж двух ответвлений днестровского русла? Знающие говорят, что спуститься с вершины труднее, чем на неё вскарабкаться.

Роги ветвятся... От самого кончика Грушки шли мы сюда, в пути, как тимуровцы, помогали крестьянам, избавляя их бочки от старых дрожжей, от остатков вина урожайного прошлого года, стригли их виноград на заброшенных котах, на рядах и шпалерах, у вдов, ветеранов войны и труда, стариков и старух, одичавших колхозников, вместе с лозами и голопузыми внуками брошенных на хозяйстве детьми-гастарбайтерами. Так, наряду с агитацией, повторялось в Кузьмине, Хрустовой и в Окнице, потом в Севериновке, Рашкове, в Зозулянах, Попенках, и даже в самой Цыбулёвке, где, причалили лишь для того, чтоб набрать воды в крайней хате, и в итоге почистили хозяину, дряхлому деду, арку и десять соток кустового «краскэ ку умэрь».

Почистили – сказано громко. Стрижка лозы или обрезка, на мой взгляд, разницы ноль, но Ормо использовал слово чистка, и все как один держались этого термина. Кроме Ормо, чистить у нас доверялось Паромычу, Агафону и Кузе. Как ни странно, двое последних владели этим искусством достаточно сносно. Кузя умел обрезать ещё сливы и яблони, Паромыч – вообще всё, что растёт, но он, скромняга, сдержанно признавал, что *это всё так*, а вот Ормо – тот да, чисто дока по чистке. Но Ормо деревья не трогал. Только лозу.

За этой четверкой только и числились в «Огороде» секаторы, вроде знаков особого посвящения. Остальным же предписывалось с раболепным тщанием ловить движения мастеров, внимать каждому чик-чик секатора в мозолистых дланях сэнсэя, при этом довольствуясь прошовкой тяпками, сапанием бурьянов в междурядье.

А дед цыбулёвский нам всё жаловался, что остался совсем без кормилицы, что корову его вчерашнего дня задрали волки. Стая напала среди бела дня. Бурёнка ревела, но пока дед поднялся с кровати, пока приплелись пожилые соседи, звери высосали из несчастной скотинки всю кровь и бросили подыхать, всего в полусотне шагов от хозяйского плетня. Говорят, что стая пришла с Украины, от самого Дубова. Оттуда добра не жди, а только зверских напастей. Там же ведь, на заставе, душегуб застрелил пограничника. Пробирался в потёмках из Одессы в Молдову, а срочник, парнишка совсем, остановил, а тот оказался матёрый мокрушник, по ком плачет плаха и Интерпол, вот и лишил мальчика жизни.

А вечером, когда мы отчалили из Цыбулёвки, и проплыли в сторону Рог пару километров, на левом берегу вдруг показалась стая. Выскочили из-за деревьев це-

почкой, один за другим, все в тёмно-серых разводах и лохмах, рышущие, остро-мордые. Поначалу подумал, собаки, а Паромыч мои мысли вслух осмел, но не весело, а как-то тревожно-взволнованно, а потом и сказал, в том же волнении, неотрывно глядя на них: волки. Бежали не быстро, но и не медленно, не нарушая порядка, легко перемахивая через коряги и ямы, и до меня вдруг дошло: они нас преследуют. И до прочих, наверное, дошло, потому что плоты наши оба примолкли. Так с минуту вместе и шли: звери – по кромке, плоты по реке. А потом Паромыч как свистнет. Остановились, в прибрежных кустах растворились.

Ветвятся излучи Днестра, раскидисты Роги. Правый – уже за спиной, позади, пройден. Его мы прошли, значит, он наше прошлое. Тут же и левый, стремится на юг и на запад и только ещё предстоит. Туда нам идти, до плотины и дальше, к Дороцкому, в Григориополь, с заходами в Бутор, Ташлык. Катитесь по желобу: Тея, Спея, Токмазея, Красногорка и Бычок, а там Бог весть, мимо наших прибрежных столиц – до самой Незавертайловки!

Так вот оно, прошлое наше и будущее!.. Сусальные плёсы ложатся легчайшей фольгой, золотят острия, нацеленные к горизонту. Основания сведены воедино, сюда, к известняковому темени. Бурое переплавляется с золотым. Горя в бурунах и заводах, изливается изобилие. Неужто бурливая влага всего метрах в трёх под ногами – это и есть само время?..

Роман Романович КОЖУХАРОВ – писатель, поэт, литературовед, кандидат филологических наук. Родился 9 июля 1974 года в Тирасполе. Печатался с 1993 г. в периодических литературных изданиях Тирасполя, Кишинёва, Москвы, Одессы. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и аспирантуру при нём. Член СП Приднестровья, СП России, Южнорусского союза писателей. Руководил Тираспольской писательской организацией, молодежной литературной студией «Лоза».

Автор книг прозы и поэзии «Лестница на небеса», «Солнцеворот, или Слон под мышкой», «Косточка. Роман, рассказы, стихи», «Виноград», серии романов о Второй мировой войне (Москва, «Эксмо»). Автор-составитель сборника «Приднестровье, XX век», альманаха «Лоза», составитель и издатель литературной серии «Тирасполь», поэтической серии «Семёновский бульвар». Роман «Ударный Косточка» вошёл в «лонг-лист» «Русской премии-2006». В 2012 году, в издательстве Lambert Academic publishing (Германия) опубликована монография «Владимир Нарбут: идейные искания и творческая эволюция». Произведения переводились на молдавский, украинский, белорусский языки. Живёт в Тирасполе.

ГРУЗИЯ

Ближние зарубежья

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

Паола УРУШАДЗЕ – родилась в Тбилиси. Стихи печатались в «Литературной газете», в журналах «Литературная Грузия», «Юность», «Дружба народов», «АБГ», а также в альманахах «Дом под чинарами», «На холмах Грузии», «Поэзия», «Мансарда». Автор стихотворных сборников: «Сперва был сад» (1988), «Тбилиси – Тифлиси» (2002), «Тбилисский тайник» (2007), «Сыграем, осень».

* * *

В этой драме – «Город под горою»,
Что открыла нынешний сезон,
Третий акт всего лишь сон героя,
Утренний, почти мгновенный, сон...

И не бойтесь, если вам на сцене,
Вместо крыш, балконов и дворов,
Явятся разрушенные стены
Драгоценных, вековых домов...

Словно бы

откуда-то

девятый

Налетел вдруг небывалый вал...
Это просто тешится Театр,
Он и не такое выдавал...

Если кто не верит – оборвите
На полслово:
«Все сомненья прочь!
Погляди, как ловко оформитель
На подмостки опускает ночь...»

Улица... Свеча в окне аптеки...
Тишина, как в книжках о войне...
Неужели это люди
Роются в отбросах и рванье?

Все это неправда, небылица,
Сон чужой, предутренняя муть...
Нищие?!
О, как знакомы лица...

Не смотри в их сторону...
Забудь!..
Это все – Театр... лучший в мире,
Наш Театр... умник и гордец...
Помнишь, как однажды он в Шекспире
На глазах испепелил дворец?
Помнишь, как потом мы вышли в город,
Как он ждал нас – теплый и живой,
Капли тихо падали за ворот,
Это он выискивал нам повод
С ним побыть и не спешить домой...

Шел апрель, и небо то шептало,
То, шутя, гремело во всю мощь...
Мы потом под оперным порталом,
Как вечерню,

отстояли

дождь...

НА КНИЖНЫХ РАЗВАЛАХ

Месяцами лежите на пыльных прилавках,
Не жалеют обложек жара и морозы –
Он давно уже выплел – монах в камилавке,
Выгорают на солнце пираты и гёзы...

А ведь вас берегли, с вас сдували пылинки,
Приучали к теплу, к человеческой опеке...
А теперь, как семью на невольничьем рынке,
Разлучают...
и так продают...
за копейки...

Как дешевую сладость, доступную нищим,
Вас, таких дорогих, продают за бесценок...
Кто-то вас променял на тепло и на пищу,
Видно, долго сидел без огня и без денег...

Кто-то все еще грезит о вас, как о хлебе,
Кто-то все еще смотрит на вас, как на лики,
Но когда они все соберутся на небе,
Что тогда на земле с вами станется, книги?!..

ЯБЛОНЯ

Лиоре

Он стоял у ограды – наш тайный искус –
Весь в зеленых плодах, не дозревших ни разу,
Предлагая нам горечь: «Всего лишь на вкус,
Пока горя не ведают сердце и разум...»

Как он ловко умел нас поддеть на крючок,
Как ловил... и ни разу притом не промазал...
Как хитро этот хилый, корявый дичок
Искажал наши лица горчайшей гримасой...

Вдруг в разгаре игры он шептал мне: «Пора!...»
Выбиваясь локтями из райского гомона,
Я бежала к нему в дальний угол двора –
Усмирить непомерную радость оскоминой:

Маску скорби примерить... и тотчас – назад,
Чтоб еще веселее бежалось по кругу,
Чтобы годы спустя, заглянув ей в глаза,
Улыбнуться сквозь слезы, как старому другу...

А иначе, как выдержать этот накал,
Эту жизнь, эту ясность безбрежного лета...
Этот ветер в ушах, пока мчится строка,
Эту звездную тишь, когда песенка спета...

ГОРОДУ

Откуда гром? Откуда град?
Кто разорил твой вертоград?
Ты хочешь знать, кто виноват –
Дракон или Кашей?..
А мне важнее – во сто крат –
Узнать: в какую щель
Ушли – под этот адский треск –
Твой азиатский аромат
И европейский блеск?
И почему он вдруг умолк –
Тот легкий уличный шумок,
И в тот же час, и в тот же час
Сквозь черный ход, сквозь тайный лаз
Ушли и люди – те, кто знал,
Какой была твоя весна,
А с ними – вся твоя казна,
Твой золотой запас...

Молчишь?.. Не знаешь...
Ну и пусть!
Ведь я и так – вслепую –
Могу исполнить – наизусть –
Твою весну... любую!

Всего тебя – сто лет назад –
Могу сыграть, закрыв глаза...

Молчишь... Твой околоток пуст,
Дворы твои глухи...
И так светло под эту грусть
Идут, идут стихи...

ШАЛВА БАКУРАДЗЕ

Шалва БАКУРАДЗЕ – родился в 1973 году в Сухуми. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Автор поэтических сборников: “Добрые люди” (2000) и “Письмо к Нино” (2003).

УОЛТ УИТМЕН ПРОТИВ ДЖОРДЖА БУША

В это самое утро, дождливое мартовское утро,
Пока Земля ещё может дышать,
Пока языком счастья исполнена песнь трав,
Пока рыбы невозмутимо рассекают моря и реки,
Пока на полюсах не растаяли льды,
Пока тенью преследует нас радость, не отставая
ни на шаг,
Выслушайте же меня, люди.
В это дождливое мартовское утро, пусть внемлет
речи моей тот,
Кто крепче векового древа пустил корни в эту землю,
Кто для неё не сравним ни с дождём, ни со снегом,
ни даже со звёздами и Солнцем.
Кто, подобно траве, берёт своё начало из недр земли,
питается землёй, находит покой в земле.
Выслушайте меня, люди.
В это дождливое мартовское утро пусть внемлет
моей речи тот,
Кто на судах, рыболовными сетями оснащённых,
выходит в море на Дальнем Востоке,
На китайской земле, пожелтевшей от орошения,
выращивает рис
И еженощно на собственных подошвах приносит
эту самую землю в свой дом,
Вы – эта жёлтая земля.
Кто живёт в городах и сёлах австралийских
и искренне верит, что
Эта непорочная земля – ваша.
Кто с протянутой рукой просит милостыню
на пыльных дорогах Индии
Или с охапкой цветов торопится в храм,
Где его заждались улыбчивые молчаливые Боги.
Кто затерялся в бескрайней русской степи
И заливает прозрачной водкой свою прозрачную душу.
Кто на своём горбу от оазиса к оазису таскает пшеницу
и соль по Сахаре.
Кожа ваша чернее земли, породившей вас.
Вы – дети этой земли, терпением наделила она вас.

Кто строит свои домики у самого подножия
египетских пирамид,
Окаменевшая история для вас обыденный
закононый пейзаж.
Кто в Греции ли, Италии, Испании или Франции
затерялся в лабиринтах городов
И вслепую ищет радость свою.
Кто в границах Украины, Белоруссии и Грузии
учится счастьем,
И не забыть его вовек, счастье в вас с первого крика.
Кто терпеливо выносит морозы Севера, чью постель
по ночам согревает любовь,
Ибо кровь в ваших жилах бурлит сильнее лавы,
Кто слоняется по улицам Нью-Йорка
И видит перед собой небоскрёбы, сровнявшиеся
с землей,
Кому сегодня лучше знать цену жизни?
Те, кто обитает в джунглях Амазонки, Конго,
Новой Гвинееи
И, как далёкие звёзды, продлевает свою
первозданную улыбку,
Или те под небом Багдада и Тегерана,
ожидающие огненного града на свои головы, –
Выслушайте меня.
В это дождливое мартовское утро пусть внемлет
речи моей тот,
Кого я по беспамятству своему не упомянул,
кто так далёк,
Что слово моё не дойдёт к вам сквозь годы.
Но, всё ж, выслушайте меня.
Именем великой любви и вечной жизни –
Только вы вправе пойти сегодня против смерти,
Только вам дано повышать голос,
кричать и даже орать – ради спасения жизни,
Во имя святого святых,
Во имя жизни.

Перевод Лики Джалагония

ПИСЬМО К НИНО

А кому же другому петь мне? Ты одна в моём сердце –
Гость любезный, больше не жду никого в каморку свою.
И, влюблённый, превращаюсь в тебя, и не верится,
Что с сердцем, полным тебя, я по воле твоей же пою.

Но не жаль отдавать целый мир за такое соседство,
Беспечален, пою и безропотно подчиняюсь,
Поживи немного в груди моей вместо сердца,
О, бывает ли большей такая нестерпимая радость

У бедного узника – так мне теперь называться?..
Повелительно шепчут твои губы, а сети волос
Опутывают – и не вырваться, даже если пытаться,
Я в землю вдавлен хребтом, и голос из горла пророс.

И вот я стал кроток и тих, и не пою, а шепчу,
И радость эта летит и нас неслышно венчает.
Что мне жизнь? Что мне смерть? Не знаю и не хочу
Когда-то узнать, что песни другие бывают.

Даже если я пенье прерву и тебя позабуду,
Даже если я пенье прерву и тебя позабуду,
Даже если я пенье прерву и тебя позабуду.

Перевод Сусанны Арменян

ВИНОГРАДНИК

Никогда не стриги мою книгу, в ней ни одно
Слово не будет лозой без тебя. Это вино
Долго искал, подбирая землю, солнце, дожди,
Каждую строчку с любовью к тебе прививая.
Мой виноградник цветет, склон оплетая волной,
Трепетных листьев живые страницы срываю
Бережно и прижимаю к груди.
Вот оно, сердце мое, чувствуешь? – не для чужих.
Не для далеких. Никто, кроме тебя, в нем не жил –
Строк черенки приживутся, надеюсь я слепо.
До ноября в ожиданье вина молодого
Бродит по дому запах, будто старик, и кружит
Голову виноградное слово,
И распрямляет побеги упругие в небо.
Эти слова, как трава, только с первого взгляда,
А заглядишься под ноги – прозрачна рассада,
Чувственны корни лозы, огнеупорна их плоть.
Царственна жизнь на корнях. Властная гроздь налита.
Стоит отведать хоть раз драгоценного яда,
Слова распробовать вкус: все остальное – вода
Пресная. Будь ты не царь, а Господь –
Ты бы не смог позабыть это вино никогда.

Перевод Ирины Ермаковой

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Снова в отцовскую комнату входишь — как прежде:
Ласточки там за окном, возвратившись, щебечут,
Все расцвелили бутоны сирени, за нежным
Мартом торопится сердце свободней и легче.
Ты, кто так любит всегда находиться в сомненье,
Даже любовь под вопросом, — заметив у двери,
Пух от чинары клубящийся густо, и тени
Больше не вносишь во всю эту жизнь недоверья.
С ясностью каждую трещинку в комнате помня,
Ищешь, она ли ночами все снилась и снилась,
Отчая комната эта, которая, кроме
Пыли и стен, для тебя ничего не хранила.
Только лишь сад неизменным остался: парная
Дышит земля, воробьев крик на груше в ветвях ли,
Прежние ль песенки дождь в мандаринах играет, —
Но постарело всё, сделалось хрупким и дряхлым.
Смотришь на ласточек, словно желаешь, чтоб крылья
Мысли твои обрели, чтоб когда-нибудь рано
Утром собраться — они над землей бы парили —
И полететь вслед за птицами в теплые страны.

Перевод Анны Золотаревой

ВЕЧЕРНЯ

То, что я хочу рассказать, светлей
чем младенца смех и теплее рук
материнских, быть может.
Безмятежный сон, что лежит вокруг
Бездорожья; там, где нехожен луг,
безмятежен сон, где трава служит ложем.
Океан небес, синевее всех
высей, чище всех, прежде виденных,
высей дальних — бескрайний.
Лишь глаза закрой, сердце вспомнит их
и увидит, лишь удержи на миг,
лишь дыхание на миг удержи, дыхание.
Знай, я пекарь и на своем веку
я влеку судьбу — что мука бела,
счастье — теплое тесто.
Золотым, доставшимся бедняку,
солнцем полон рот — весь словарь дотла,
лишь люблю, люблю, люблю, слов вместо.
Я рыбак — моя улыбка на дне
глаз твоих блестит, разнежась, плывет
рыбкой в светлой лагуне.
Твоего давно зная сердца ход,

понял лишь сейчас я свое и вот –
без тебя уже не могу, не могу, не могу, не...
Помню, как сейчас, как я покидал
незабвенную родину мою,
небеса с облаками,
в дом к тебе придя, подожди, когда
одинокство сгинет без следа,
под тобой простыню увлажню словами.
Я твоя жена, я тебе верна.
Я твой муж, Господу вверенный, я
муж твой, муж я твой верный.
Знаю, в главном, ты не поймешь меня,
ибо слышишь все из пределов сна,
соглашаясь: ветер, да, ветер в двери.
Вновь ложусь с тобой, моему в ответ
доверяется дыхание твоё,
и темнеют волос волны –
так, любя в тебе каждый жизни след,
я люблю твоё же небытие,
ну, на что мне это, скажи, на что мне?

Перевод Анны Золотаревой

АННА ЛОБОВА-КУБЕЦОВА

Анна ЛОБОВА-КУБЕЦОВА – окончила филологический факультет Тбилисского государственного университета. Аспирант кафедры славистики философского факультета Карлова университета в Праге. Лауреат конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011) в номинации «поэзия». Лауреат международного поэтического турнира «Стихоборье» (2009) Публиковалась в местных и российских литературных изданиях («Литературная газета», «Юность», поэтические сборники «Стихоборье», «Поэтех» и др.).

* * *

Мы зря сюда – закат здесь слишком яркий.
Другие я б могла еще терпеть,
но этот разворачивает сеть
мельчайших искажений, и подарки
становятся упреками, слова
линяют до обратного им смысла
на солнце, что безжизненно повисло.
От этого недолго и с ума.
Мы зря сюда – закат здесь слишком длинный.
Мы ждем, когда сквозь жаркий полумрак
проступит ночь, полна надежды, как
последняя таблетка анальгина.

* * *

Сомкнуть не получится глаз
под рев реактивных валькирий.
Я тоже по-своему ас,
Бог тоже по-своему лирик,
и весь этот сбивчивый джаз
в продвинутом, двинутом мире –
для нас.

* * *

В сетчатке отражается закат,
когда рассвет по-детски дышит в шею
ртом розовым и влажным,
и неважно,
куда скользят и почему светлеют
медлительно-немые облака –
громадные, пустые цеппелины,
и нет причины
для спешки и волнения, пока
кольцом свернулись на ладони сутки,
пока летит снежинками зола,
как выстрелом встревоженные утки
летят и оседают, возвратясь,
здесь, на излете мысли, слоem пепла,
скрывающим, доколе не окрепла,
значений новорожденную связь.

ВРЕМЯ ЯЩЕРИЦ

Ящериц время – август.
Такая простая радость –
греют живот о камни,
с ними лежать пока мне
можно. Слепое время
цвета песка и тени
тихо в сентябрь стекает,
мне тебя не хватает
очень. А осень ближе,
время мне пальцы лижет,
время волной на пляже
плещет. Не думай даже
сыпать его в карманы,
ставить ему капканы –

вырвется и умчится
в ночь молодой волчицей,
сердце мое в горячей
пасти неся. Иначе
и не должно быть, впрочем.
Время по капле точит
камни любой печали.
Скоро сентябрь причалит,
неприхотлив, но млечен,
быстрой звездой отмечен
на потемневших скулах
неба. Меня замкнуло
теплым контактом где-то
ящериц время – лето.

* * *

Боже! Киль обрастает моллюсками,
я теряю узлы и маневренность,
ночи стали какими-то нервными,
дни становятся злыми и тусклыми.

Это жизнь во мне мечется, мечется –
хочет быть полнокровной, родимая.
Вот ведь мудрость непроходимая,
штамп на сердце «Такое не лечится»,

и не надо. Лекарств не придумано.
Все так ясно, и зря только маюсь я –
отпустить себя лодочкой с парусом,
попросить Тебя, Господи, в штурманы.

ТАРИЭЛ ЦХВАРАДЗЕ

Тариэл ЦХВАРАДЗЕ – родился в 1957 году в г. Ткварчели (Грузия). Автор четырех стихотворных сборников: «Сердцебиение» (2010), «На краю» (2011), «Мост» (2011), «Ни тропинки, ни дорог...» (2012). Член союза писателей Грузии. Публиковался в «Невском альманахе», в альманахе «На холмах Грузии» и во многих других местных периодических изданиях. Стихи переводились на грузинский язык.

В ХАШНОЙ* У МУРАДА

Вахтангу Глонти

Когда молчать нельзя уже,
а расставаться вроде рано,
душа откроется душе
на дне десятого стакана.
Сейчас исповедальня здесь –
в прокуренной батумской хашной,
отсюда шаг лишь до небес,
а остальное и не важно.
Мы выдохнем свои стихи,
на скатерть бросим жизни повесть,
и даже мелкие грехи
не даст укрыть сегодня совесть.
Она от призрачных утех
ушла и села с нами рядом,
и по щеке слеза сквозь смех
от брошенного ею взгляда.
Не увильнуть и не солгать
и все кривлянья неуместны...
Сегодня, видимо, печать
поставил ангел тут небесный.

* хашная – аналог трактира.

* * *

Чёрно-белая старая хроника –
скрипы, хрипы, чуть слышный звук.
Голоса великих покойников –
их сердец с моим перестук.
Вздрогну, ахну, замру очарованный,
в теле дрожь, по коже мороз...
Холостыми стреляю патронами,
а они-то стреляли всерьез!
Старой хронике скрип – испытание,
голоса, словно плеть по спине...
Не понять – они в наказание
или в радость ниспосланы мне?

* * *

Элгудже Магулария

На той горе ты ближе к Богу,
у вас налаженный контакт,
а я, споткнувшись по дороге,
пока не попадаю в такт.
Душе спокойно в ваших кельях,
в них благодать так велика...
Оставь одну мне для спасенья,
я к ней приду наверняка!
И вот ещё – листок тетради,
имён здесь список небольшой –
читай молитвы Бога ради
за здравие и упокой...
Ты там уже, а я вот в хашной –
тяжёлый, горький опохмел...
Деля со мною грусть протяжно,
корабль печально прогудел.
И не понятно, будет встреча
когда-нибудь с тобой, мой друг?
Спрошу и сам себе отвечу –
всё впереди, не замкнут круг..

* * *

В больших глазах была мольба,
и боль, которая безбрежна.
Рукой, ее касаясь лба,
я лишь на миг дарил надежду.
А ей казалось – рядом Бог,

пришедший вдруг из ниоткуда
на перекрёсток двух дорог,
чтоб сотворить сейчас же чудо.
Как объяснить, что я не Бог,
что жизнь, вообще-то, злая штука...
Асфальт в крови, лежит щенок,
а рядом плачущая сука.

КАИР

Серый город, пыль, пески,
пирамиды, как соски.
Дым кальянов до небес,
с минаретов соль-диз.
Моисеевы следы
через нильские сады,
как библейская верста –
от безбожья до Христа...

* * *

Всё чаще хочется амфибию
построить и уплыть в Намибию...
Богиня драмы, Мельпомена,
позволь мне вжиться в роль бушмена,
да так, чтоб в ритуальной пляске
мог без набедренной повязки
скакать и падать пьяной харей
в песок священной Калахари,
а выпитое за день зелье
на благо бы и без похмелья.
Ручные львы, в друзьях – зулусы,
на теле женщин только бусы,
и нет табу на многожёнство –
«Даёшь грузинское потомство!»
Потом купить у немца Штоля
кусоч бананового поля
у океана рядом с бухтой
и восклицать с восторгом: «Ух ты!»,
любуюсь видами Виндхука,
не здесь ли съели Джеймса Кука?
А, впрочем, что на самом деле
волнуюсь, где там Кука съели.
Подальше мне бы от дебатов
вокруг бюджета депутатов,
вконец достали разночтенья
за скорое в ЕС вхождение...

Итак, Виндхук – здесь встречу старость,
но попрошу у Бога малость –
хочу, чтоб воины гереро,
мне исполняли утром – «Реро...»

ШОТА ИАТАШВИЛИ

Шота ИАТАШВИЛИ – родился в 1966 году в Тбилиси. Автор восьми поэтических сборников и трёх сборников рассказов. Выпустил два сборника переводов: «Американские поэты» и «Эссе Сьюзен Зонтаг». Переводит на грузинский язык стихи современных русских поэтов. Его произведения переведены на английский, немецкий, французский, нидерландский, португальский, русский, украинский, румынский, эстонский, латышский, албанский и азербайджанский языки. Лауреат премии «Саба» (2007), лауреат IV Международного фестиваля поэзии «Киевские Лавры» (2009). Работает в Центре культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский дом» главным редактором издательства.

УЧАСТЬ

(эпизод)

«Корень учения горек, но плоды сладки».

(...) Отче наш, Иже еси на небесех, и на земли, да придет Царствие Твое, да придет хлеб наш насущный, и даждь нам днесь, и остави нам днесь... нет, не верно... Отче наш, Иже еси на небесех... да – на небесех... и на земли... и на земли?... кажется, это потом... начну сначала: Отче наш, Иже еси на небесех... ну да!.. Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, воля Твоя да будет – или нет, наоборот – да будет воля Твоя... оба варианта приемлемы, если подумать... яко на небеси и на земли... – ну конечно!.. – сейчас: Отче наш, Иже еси на небесех и на земли... ммм... да придет... ммм... Да святится имя Твое, яко на небеси, и... блин!.. Да святится имя твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и над землёй... и над землёй... нет, надо посмотреть. Так: Отче наш, Иже еси на небесех, да святится имя Твое, – это я знаю, – да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, – значит, помню, – яко на небеси и над землёй... аа, на земли... хотя, в принципе, одно и то же... ну да ладно!.. итак: на земли и потом ещё хлеб наш насущный даждь нам днесь, – да, всё верно, хотя звучит, конечно, странно: даждь нам, даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы... нет, лучше опять сначала: Отче наш, Иже еси на небесех, да освятится, т.е. святится... да, мам? ничего, читаю что-то, спи, скоро лягу... имя Твое, да придет Царствие Твое, яко на небеси и над землёй... фу-ты!.. на земли... да, а потом что? в голове всё смешалось... аа, да, хлеб... хлеб наш насущный – и как я умудрился забыть! – даждь нам днесь, и остави нам грехи наша... нет, кажется, что-то не то... вот: и остави нам долги – «грехи» легче запомнить – наша, якоже и мы оставляем долги должникам... уже ничего... начну сначала: Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси... кажется, что-то пропустил... есть хочу... что у нас в холодильнике? ничего абсолютно... хотя, вот сыр... где-то тут ещё должен быть хлеб... Отче наш, Иже еси на небесех и... уф!.. Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет имя твое, да будет имя Твое... а сыр вкусный!.. посмотреть что ли опять... как там написано... да,

почти правильно, т.е. уже запомнил, что сначала – святится, потом придёт, а потом – должна быть его воля... ну-ка: Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, потом яко на небе и на земли, – уже без ошибок, – и на земли, и на земли, хлеб наш насущный даждь нам днесь и... днесь и... долги... долги... что там происходит с долгами?... остави им... нет... и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем долги должникам нашим... устал!.. ну, мам, чего?... я что-то читаю, успокойся, знаю, что поздно, скоро лягу... кажется, всё правильно, и в конце – мы оставляем долги должникам... нет, оставляем должникам... каждый раз эти «долги» срываются... где не нужно... оставляем должникам нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь... Аминь... даа... дай-ка повторю вторую часть: хлеб наш... куда, блин, сигареты подевались?... аа, вот... я их сам сюда положил... итак: хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем дол... должником нашим, и не введи нас во искушение, но избави нас от нечистого. Аминь... получилось!.. что?... да, курю, ничего не поделаешь, ты спи... и не введи меня... не меня, а нас во искушение, но избави нас... меня... их... в общем, без разницы... от нечистого, нет, – от лукаваго, аминь!... а ведь выучил всё-таки!.. кажется... пойду на балкон и прочту там... как здесь хорошо!... и солнце восходит... что, мам? уже ложусь... вот выкурю ещё сигарету... какой воздух!.. по идее уже должно пойти гладко: Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави ты им долги наши, якоже и мы оставляем... а потом... должникам нашим; и не вводи нас... введи нас... во искушение, но избави нас от недоброго... алло?... нет, не сплю... вот только побреюсь и иду... да ты не волнуйся, не опоздаю... в девять, как штык... нет, просто не мог заснуть... всё равно буду в норме... ладно, увидимся... ничего себе – как время пролетело!.. в общем, в конце, кажется так: якоже и мы оставляем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас... избави нас... аа, да!.. от лукаваго... фу-ты!.. бритвы нет... Аминь!.. (...)

Перевод Анны ГРИГ

ТАМРИ ПХАКАДЗЕ

Тамри ПХАКАДЗЕ (1957) – окончила филфак ТГУ. Работала в отделе древнегрузинской литературы Института грузинской литературы им. Ш. Руставели. Кандидат филологических наук.

С 2001 г. интенсивно печатается в грузинских литературных изданиях. Награждена несколькими литературными премиями Грузии, в том числе, премией «Саба» (2004) и премией за произведения для детей – «Золотое Пёрышко». Автор нескольких романов, повестей, пьес, трех сборников рассказов, одиннадцати детских книг.

Я, УЛИТКА...

Иногда мне кажется, что я одна такая... единственная и неповторимая. Что под синим небом нет никого, такого же неповторимого... среди четвероногих, двуногих и даже безногих. Ведь я улитка. И я взяла на себя... взяла на себя что-то такое, чего бы никто... чего бы никогда...

О Господи, как трогательна эта трепещущая прозрачная зелень!..

Ползу куда-то... в никуда... Просто ползу и чувствую на спине то, что взвалил на меня Ты, Господи, – мой дом! Мою крепость! Мою тяжёлую, но дорогую ношу... такую тяжёлую!.. и такую дорогую!.. И ползу я, Господи, оставляя след... И этим Ты выделил меня среди остальных. Ползу со своей тяжёлой и дорогой ношей и оставляю за собой след, и все знают – что здесь проползла я и оставила блестящий и тонкий, едва заметный след... весёлый и печальный в то же время.

А наверху повсюду небо. Большое и синее. Я способна увидеть только малюсенькую его часть, потому что не могу поднять голову... только глазами ворочаю изо всех сил, но получается смотреть не вверх, а вперёд, вдаль, и вижу только скопившуюся синеву, надо мной же шелестят ветвями огромные деревья и летают птицы... Но солнце... Господи, велико бремя, возложенное Тобой на мои плечи! Так велико, что вот-вот меня раздавит... И ведь сколько всего я не видела, не ощущала, всего того, что есть там... где нет меня.

О том, где находится солнце, приходится лишь догадываться... определять по длине и густоте теней... и ещё – иногда я нахожу в лужах осколки красного диска и воспламенившиеся облака.

Мне хочется сказать тебе всё, Господи! Именно сейчас, когда сверху опустилась огромная полоса золотистого света, я прижимаюсь к земле, затаившая дыхание и укутанная тёплым туманом, и ощущаю Твоё присутствие в самой непосредственной близости от меня... может, даже, в этих поблёскивающих каплях росы.

Грешна я, Господи!..

Даже не знаю, с чего начать...

Я улитка, и на то Твоя воля. По велению Твоему ношу на спине мой собственный дом. Или, может, всё то – что люди называют родиной? Вот не понимаю я, Господи, если эта самая раковина – мой дом, то, выходит, всё, что вокруг – родина, но, если она, раковина, – родина, так ведь остальное – вселенная? И неужели в этой огромной вселенной я оставляю хоть какой-то след? И разве это не удивительно и не навеивает лёгкую улыбку?..

Господи! Я знаю, что должна не ропща нести свою ношу! Не ропща, с лёгкостью... Но иногда... прости меня, Господи, иногда такая грусть, такая тоска охватывает душу, что хочется вылезти из вечных недр моей раковины и помчаться прочь, затеряться в пространстве, устремившись ввысь, в бесконечную и всепоглощающую синеву, забыться и забыть про дом, где-то вдалеке утопающий в ароматной куче сырых листьев.

Однажды...

Видишь, Господи, я ничего не скрываю...

Однажды я так и сделала... Стояла лунная ночь – затаившаяся, соблазнительная, странная, полная таинственных звуков и шорохов. Я смотрела на луну, медленно покачивающуюся на тёмном дне лужи посреди травы и камешков. Она будто призывала меня пойти побродить по свету, узнать другой мир... То там, то здесь, словно драконы, хлопали крыльями летучие мыши, и ужасающим голосом кричала сова в глубокой, страшной тьме, а я вместо того, чтобы укрыться – не знаю – в доме ли, на родине или в себе, почувствовала безумное и непреодолимое желание бежать от всего этого... Ну, разве не смешно, Господи? Улитка и вдруг непреодолимое желание бежать...

Но оно, это желание, охватило моё сердце с безудержной силой! И мне даже захотелось шумно и с демонической силой полететь, как летучая мышь, и врезаться в полную странного свиста и ледящего душу совиного переклика тьму... Хотя почему же тьму? На гладкой и отливающей чернотой поверхности лужи плавала луна, и её бледный свет делал всё вокруг похожим не притихшее и печальное кладбище... Туда мне и хотелось, Господи, – в компанию странных колеблющихся теней, непроходимую чащу неизвестности... неизведанный водоворот приключений!

Но на спине... на моей спине стоял дом, дарованный мне Тобой, мой удел, за который я держусь так же, как он – на мне!..

Где-то, далеко или близко, кипела сумасшедшая ночная жизнь... Полная дикого рёва, страстного воя, бешеного рычания и даже напряжённой, трепещущей тишины. Вот на что я хотела променять уют, воздвигнутый на моей спине ещё при сотворении мира! Думала свои мысли, колышущиеся, как оборванные пряди паутины... Думала, что убегу... далеко, очень далеко! Туда, где всё увижу, всё почувствую! Где перевернусь на спину и посмотрю на небо, луну, звёзды, и по моей груди пробегут огромные тени чёрных летучих мышей, и я увижу, как сорвётся с неба звезда и, взорвавшись, посыплется блестящей цветной пылью... Знаешь, Господи, мне даже больше не хотелось оставлять за собой след! Пусть бы никто и не узнал, что я была здесь. Я ведь стремилась смешаться с огромными таинствами вселенной и стать хотя бы небольшой, но тоже тайной....

Понял ли Ты меня, понял ли Ты мои желания? Бежать, бежать как можно скорее!

И в то же время, со слезами на глазах думалось мне, что уже столько времени я живу так, как живу, ношу на спине дарованный мне Богом, а может, присуждённый в качестве наказания, этот груз, мой дом... Всё, что у меня есть... а сейчас я словно предаю его...

Думалось мне, что именно он, этот дом, эта моя сладость, давит на меня, сковывает и заставляет ползти слишком медленно, но как только смогу вылезти отсюда, – тогда уже всё, свобода! Полечу, помчусь быстрее ветра! Легче ветра! Главное, не оглядываться назад и не видеть оставленное и опустевшее э т о... да, это, – мой дворец, тюрьму... не видеть, как это останется печальным и без единой надежды, едва озарённое бледным лунным светом. Думала: всё, я свободна!! Весь этот огромный мир теперь принадлежит мне! А я ему!! Растворюсь в нём, затеряюсь вместе с моим жалким, смешным следом! А потом – потом взойдёт солнце! И я увижу уже не золотистые осколки в луже, а познаю его целиком и предамся могущественному свету... Главное, не вспоминать о т о м, что называлось моим... не иметь ничего моего... вернее – теперь всё должно стать м о и м! Весь мир, вся свобода, вся жизнь и даже сама смерть во всей полноте... М о ё – на этот раз будет огромным, необъятным, а не тяжёлой и сладкой темницей.

Выслушай меня, Господи! Ты где-то здесь, ведь так? Совсем близко... Может, Ты весь в золотистом тёплом тумане, обвивающем меня и волнующем моё сердце, или в этой прохладной и ароматной земле, к которой я прильнула всем телом...

Выслушай, Господи...

В ту лунную ночь я предала Твою волю. Медленно, крадучись вылезла я из родных недр и без оглядки устремилась вперёд, на пьянящую волю!

Я ползла сравнительно быстрее и легче, чем раньше, и всё, что под небом и даже само небо – всё принадлежало мне! Хотелось крикнуть: ээээй! Я здесь, я пришла!! И хотелось подставить себя под изливающийся серебром водопад лунного света и утонуть в нём... Хотелось обойти каждый отягчённый росой ночной цветок и поведать, что вот она я! Я совершенно свободна!! И пока даже не знаю, где меня застанут ночь или рассвет... И вот, я уже не тащу на себе свой кров, и я такая же бесприютная – как ветер или дождь...

А потом... потом я будто оказалась на большом бурном балу и потеряла голову в вихре событий, и именно тогда, когда я уже собиралась наречь своё существование по-новому, именно тогда, Господи, мне вдруг стало тоскливо, и моя спина, на которой вот-вот должны были вырасти крылья, вдруг осиротело запыла...

И я сразу как-то отяжелела, Господи. Медленно, почти придавленная к земле, я продолжила свой путь, а вокруг сыпались тонкие и блестящие, как лёд, осколки моей мечты... Я задыхалась среди этой огромной свободы... И с такой неожиданностью и болью почувствовала я отсутствие моей ноши, Господи! Её отсутствие давило на меня со всей силой, будто на мою спину навалилось нечто втрое тяжелее, и вдруг я поняла, что моя свобода как раз и заключается в моей неволе и что маленький дворец-темница порождает в душе мечты и легенды о свободе... ведь... ведь сама свобода – только её попробуешь – одна большая тюрьма... Но вот я забеспокоилась, заметалась: где он, мой дом, как мне его найти, Господи? Найти то, что м о ё... с е б я...

Передо мной ли, за мной – но сияющий под лунным лучом след, оставленный мной, мой жалкий и смешной след, показывает мне путь. Хрупкой и мерцающей нитью вьётся он к моему прошлому и в то же время к будущему!.. Вот, вот мой дом!..

О, если бы ты знал, Господи, как я обрадовалась, завидев его, найдя и вернувшись в него. Вновь забравшись в родные недра и едва пристроив их на спине, я поняла, что это и есть мои крылья, несущие меня сквозь мечты.

Кажется, я всё сказала тебе, Господи. Теперь я знаю, что, убежав, ничего не добьёшься... только мечта убежать и значит что-то. И ещё знаю, что... хотя ты сам всё знаешь...

И вот я теперь ползу в изумрудную бесконечность, ползу с моей старой, старинной ношей, и я – это я... улитка.

Но когда-нибудь... опять...

Перевод Анны ГРИГ

Подборку для «Русского поля» подготовил Михаил ЛЯШЕНКО.

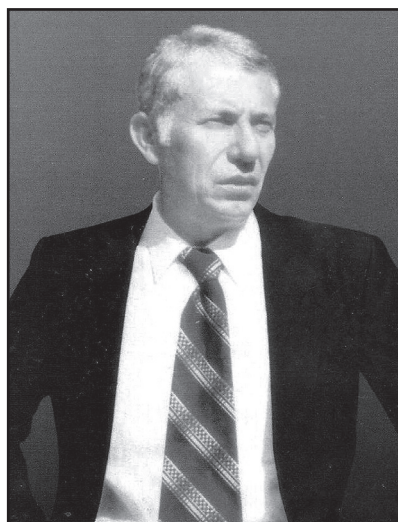

ЛАРИСА ХРОМОВА

ЕГО ПОСЛЕДНИЙ СПЕКТАКЛЬ. ИЛЬЯ ТОДОРОВ ...

*«Весь мир – театр, а люди в нём – актёры...»**Шекспир.*

Последний спектакль с участием Ильи Тодорова – высокий, трагический – я увидела на его похоронах. Невольно, своим присутствием, не физически, а как-то мистически, каким был сам, он организовал это действо, последнее, своё прощание. И это было удивительно, не фальшиво ни в чем, все единодушно – я сидела и слушала – сходились в одном... Может, никто не произносил этого слова, но всё так говорилось, что было понятно: от нас ушел гений. И вот уход гения, все это прощальное действо преобразилось в высокий спектакль, где каждому была отведена своя роль. Но не играть, а быть, быть по формуле «Весь мир – театр», Театр в театре жизни... Это действие меня потрясло; и я сказала своим коллегам: у меня было полное чувство, что он реагировал на то, что происходило вокруг, тонко-тонко, я прямо жмурилась и пыталась сбросить с себя это наваждение, думая, что мне это кажется... Наверное, казалось, но, все-таки, что-то и было... Его живое присутствие ощущалось очень сильно.

Когда Илья Васильевич пришел к нам главным режиссером в театр, я не скажу, что это было просто, скажу, наоборот, это было очень сложно, это была сильнейшая творческая инъекция совершенно другому художественному организму, каким был на тот момент русский театр имени Чехова. Тодоров был явлением новым. И многое в нем не принималось тогда, в том числе и мною. Меня потрясали его всплески эмоций, в первую очередь бешеные реакции на актеров. Сколько раз я говорила с Женей Тодорашко: «Ну как после этого «бурного», неприемлемого... как играть и слышать его?», а она отвечала: «Я все тут же прощаю, прощаю и слышу его»... Конечно, они люди одной школы и она принимала в нем то, что не принимали мы. Но вот сегодня я хочу озвучив то, что к счастью успела при жизни сказать Илье Васильевичу, сказать, что, наверное, всю жизнь любила в Тодорове, сама до конца того не сознавая, Учителя. Он сыграл в моей жизни большую роль. Он часто занимал меня в своих спектаклях, и это была великая честь для

актера. Но случалось и так, что я уходила из его спектакля, так и не сыграв. Как сейчас я понимаю феномен личности Тодорова? После моего последнего ухода – из «Женитьбы» – когда наше непонимание довело меня до мысли, что мне меня мало, что я чего-то не понимаю на этом свете, я в свой отпуск уезжаю в Москву и поступаю в ГИТИС имени Луначарского. Потом при случае всегда благодарила его: «Как хорошо, что Вы довели меня до этого, Илья Васильевич! Спасибо Вам великое!». В ответ он всегда смеялся.

Конечно, хотела попасть на режиссуру, но в тот год («Случай, донна Анна ...») набора на режиссерское отделение не было, актерское образование у меня было и не только – я была уже заслуженной артисткой Молдавии, пришлось поступать на театроведческий. Руководителем курсов был известный театральный критик, профессор Н.И. Эльяш. Помню, он спросил меня на собеседовании: «Зачем Вам это нужно? Ведь Вы – играющая актриса?!». (В моем репертуаре тогда были и «Барабанщица», и Лаура в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Потом репетировала в «Кошке на раскаленной крыше»).

И вот сегодня, уже как театровед-профессионал, я позволю себе сказать о своем ощущении этого уникального художника. Ильи Тодорова.

Что было феноменальным в Илье Васильевиче, кроме дара божьего? В его личности присутствовало безусловное осознание себя как учителя. Он приходил в творческий коллектив как поводырь. Учитель в самом высоком смысле слова... Он, живя в совершенно другом мире, зазывал нас в этот свой мир. И его гневные реакции были, как я теперь понимаю, результатом оскорбленного чувства знания: актер не понимает, а режиссер, видит нечто, зовет туда, и все мимо и тогда он взрывался от боли. Это была – Боль! Оскорбленное чувство прекрасного! Его не понимали. И главное, что я для себя уяснила: он был призван в этот мир быть Учителем. Он больше, чем режиссер. Больше, чем актер. Больше, чем педагог для студентов...

И теперь совершенно ясно, почему в нашем театре вокруг Тодорова постепенно организовалась «свита» в основном из мужчин, женщины просто не смели на пушечный выстрел подойти к этому человеку. И он как учитель вел их, и они все шли за ним, все! И Бурхардт, и Измайлов. Последнего он вообще сотворил «из того, что было», Измайлова до него в театре как актера как бы и не было. И вот они встретились в «Маленьких трагедиях», Тодоров слепил его от и до. Измайлов научился на сцене мыслить и чувствовать. Тодоров его сотворил настолько, что позже актёр органично смог влиться в труппу Вахтанговского театра, смог работать в одном из лучших театров наравне с великими ульяновыми. Это ли не творческий подвиг режиссера? Это ли не результат его учительства? Как жалко, что Виктору так мало было отпущено жизненного времени.

Тодоров, наверное, был глубоко одиноким человеком. Потому что его мир уникален, а в нашем мире он был одинок по-настоящему. И, конечно, это счастье, думаю, что он встретил Георгину. Помню, как они появились у нас в театре. Он тогда ставил пьесу «Цепи» Сумбатова-Южина (я репетировала главную женскую роль). И вот опять, понимаете, случай! Не состоялось его совпадения с нашим театром. И, может быть, это было одно-единственное его счастье в жизни, когда рядом появилась Георгина, которая не претендовала на какую-то особую роль в его судьбе, а просто была скромно при нем, и ему этого от любимого человека было достаточно, чтобы работать и более комфортно существовать.

Я счастлива, что сумела что-то из этих чувств сказать ему при жизни, и мы как бы поняли друг друга. Дай бог... Он принадлежит всем. Мне кажется, мы еще

до конца не осмыслили, не поняли его роли в театральном искусстве Молдовы. Когда говорят о гениальности Тодорова, о его мистичности и любви к Гоголю, я думаю, это было какое-то совпадение натур: натуры его и Гоголя. Гоголь пребывал в мирах, которые были так близки Тодорову, и он, зовя нас в эти миры, делал прорыв в нашем сознании. Нам еще предстоит осознать вклад Ильи Васильевича в молдавское театральное искусство. Я перед ним виновата. Вина моя в том, что он мне давал, а я не умела взять. Позже расплата пришла, не могла не прийти... И может быть, это чувство вины мешает мне даже сегодня сказать громко: да, среди нас была величайшая личность, личность будущего мышления, и его вклад в пробуждение, сознания актёров, зрителей, его современников – величайшая из заслуг. И да простит он нас всех, тех, кто перед ним виноват...

И все-таки главным в работе Тодорова было создание на репетициях не просто атмосферы, а своей, только ему присущей, некой виртуальной реальности, попав в которую однажды, актеры продолжали жить в ней постоянно – и во время репетиций, и после, в театре и вне его. Тодоровцы сближались по какому-то неведомому закону броуновского, то есть, тодоровского движения мысли, чувств, интуиции, создавая в своем сознании, в себе и вокруг, новую реальность. Если же потом кто-то и выпадал почему-либо из этого круга, остальные продолжали жить там, как бы и не замечая «потери бойца». И никогда никаких выяснений, объяснений, ни, тем более, уговоров, переубеждений. Там слова были не нужны. Но такие утраты случались редко, ибо, если Тодоров одаривал кого-либо из актеров своим творческим вниманием, тот становился вечным тодоровцем, даже если потом судьба разводила мосты.

Владея некой тайной знания, он умел увидеть и открыть ранее неведомое, потаенное в актерах. Тодоров всегда точно знал, кто актер, а кто – нет, кому дано, кому – нет. Звания, награды, положение в театре и обществе, как и отсутствие таковых, для него значения не имели. Знал он и то, что есть искусство, а что – нет. И никогда этого своего знания не объяснял. Тодоровцы одними своими прозрениями были счастливее и богаче других актеров.

Помню, как на репетициях «Маленьких трагедий» А. Пушкина он добивался от Измайлова – дон Гуана правильного произношения имени Лауры. «Это не обращение к ней, нет! – пробивался он к актеру. – Это не имя ее, нет! Это выраженная в звуках «Ла-у-ра!» страсть!».

И он показывал, выговаривая звуки, и звучала страсть, та самая потрясающая страсть, которая есть Любовь! Или финал этого же спектакля... Последняя фраза дон Гуана: «Я гибну, конечно! О, донна Анна...» И это тоже было не имя, а Любовь, только другая. «О, донна Анна...» произносил Измайлов и падал замертво, не от пожатия руки командора, а от Любви. Актер достигал почти невозможного, это был момент истины. Это и был Тодоров!

Играя Лауру, я всегда в эти минуты стояла за кулисами, готовясь к поклону, смотрела эту сцену и каждый раз – мурашки по коже... Это «О, донна Анна...» звучит во мне до сих пор...

И это опять Тодоров!

Когда на сцене нашего театра начали репетировать «Женитьбу» Н. Гоголя, еще не были в ходу такие понятия, как мистицизм, мистика... Не помню, чтоб и Илья Васильевич употреблял на репетициях подобные слова. Не уверена, что даже он сам тогда до конца сознавал свой собственный мистический дар, ставший впоследствии доминантой его творческого почерка. Но чувствовал он Гоголя всем своим существом, чутко улавливая только ему ведомые нюансы. Любил по-

копаться с актерами в тонкостях человеческой психики, шаг за шагом выстраивая необычные образы. Его герои не только чувствовали, мыслили, звучали, но двигались по-особому. Тодоровцы упивались этой работой над собой...

Снова и снова открывал актеров. Впервые тогда поразил всех Юрий Чуприн в «Женитьбе» Н.Гоголя в роли Жевакина. Это была, говоря современным языком, штучная работа. Это был Актер. И это всё – Тодоров! Он с актерами зачастую внедрялся в такие глубины подсознания, так увлекался, увлекая за собой всех, что выбраться порой оттуда и свести концы с концами в спектакле в целом, было очень трудно и не всегда поначалу удавалось. Думаю, что поэтому он постоянно обращался к Гоголю, открывая для себя все новые и новые пласты этого непостижимого Автора.

Илья Васильевич никогда не подчеркивал свою избранность, но, видимо, все-таки сознавал это и как бы презирал непонимание некоторыми актерами ему абсолютно открытых истин. Мог и страшно негодовать, если актер не шел навстречу пониманию. И вот тогда он, что называется, буквально выходил из себя. И сотрясались не только стены театра, но, казалось, и сами небесные своды! И эти моменты тоже – Тодоров! И они тоже не стираются в памяти тех, кто работал с ним.

*Пускай башка безмозглая, любая
В великие себя при жизни прочит,
Пусть о себе трезвонит, сколько хочет,
У глупой черни лавры вымогая.
Мне все равно. Иду своей дорогой...
Дружу я с Музой, чуждой суесловья...*

Эти стихи Эминеску про него. Он шел своей дорогой, дружа только с одной Музой, правда, совсем не чуждой суесловья. Имя этой Музы – Театр...

Его можно было часто видеть в веселой шумной компании тодоровцев – Бурхарта, Васильева, Измайлова, Умрихина, Стоянова, Чуприна – на улицах Кишинева по маршруту «Лучафэрул» – театр им. Пушкина (ныне им.Эминеску) – театр имени Чехова... Мне они напоминали тогда озорную шекспировскую ватагу из «Ромео и Джульетты» во главе с Тибальдом, весь их вид вместе и каждого в отдельности как бы бросал вызов всем:

*Что вы там не говорите,
Как вы в трубы не трубите,
Ни оваций и ни свиста
От меня отнюдь не ждите!*

Наверняка, лидер этой театральной компании мог бы воскликнуть словами того же Эминеску:

*Правда – вот мое призванье,
Сердце – вот мое укрытье!*

Конечно, Тодоров был романтиком. Он всегда был немного над жизнью.

Казалось, он был вне быта и бытовых проблем, но позднее, когда жизнь для всех внезапно сломалась, и за бытом не стало видно Бытия, реальность тоже, что называется, *достала* и его, и ему пришлось окунуться в поиски решений материальных проблем. Помню, как в период репетиций пьесы «Цепи» Сумбатова-Южина, последней его работы на сцене театра им. А. Чехова, к сожалению, так и не увидевшей свет рампы, он рассказал о своем «бизнесе», в котором прогорел. Денег не было ни у кого, не было катастрофически, а любая стеклянная тара стоила в то время довольно дорого и, если постоять в очереди и сдать эти бутыл-

ки, можно было что-то заработать. И вот Илья Васильевич постепенно накопил на черный день целый мешок бутылок. Он был его сберкнижкой, был его богатством. И вдруг в один прекрасный день произошла очередная «девальвация»: бутылки перестали принимать даже за бесценок. И на этот раз, опять, деньги сгорели! «Теперь не знаю, куда их и девать эти бутылки и как от них избавиться?!» – невесело заключил Илья Васильевич, повествуя нам о своем эксперименте.

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые...

Он был блажен. А раз *посетил*, значит потом ушел.

Что оставляют после себя творческие люди? Художник – холсты, композитор – музыку, записанную нотными знаками, которую можно воспроизвести и через сто лет, писатель – книги... А что же остается после праведных трудов людей странной профессии – театральный режиссер? Ничего материального. Только духовное – память души и сердца о работе с ним у актеров, впечатления об увиденных спектаклях у зрителей. Но это так хрупко: ведь актеры и зрители – люди, и они тоже уходят. Уходят и уносят с собой эту память...

По жизни Тодоров никогда не был всеобщим любимчиком и баловнем судьбы, как это может показаться сегодня, потому что в последние годы жизни он успел познать всеобщее признание и любовь. Теперь он любим всеми, даже этим беспардонным временем, не способным, кажется, вообще ни на какую любовь.

И еще... Уйдя из жизни, он остался. Не только в памяти, нет. Это само собой! Он остался в самой жизни и продолжает очень ярко жить, как-то отважно и смело! Живет в актерах, спектаклях, во всем, что знало его! Это можно было очень остро почувствовать 26 февраля в театре им. М. Эминеску, где проходил первый после ухода День его рождения. Мастеру исполнилось (бы – ни к чему) 70 лет.

Атмосфера юбилейного зала была особой – торжественно-затаенной. Погас свет. И на какое-то время стало абсолютно темно. Абсолютно темно и тихо. Так тихо и так темно, что сжалось сердце, волной к горлу неожиданно подкатил судорожный ком... И тут внезапно возник сам Тодоров. Он появился в этой тишине и темноте с первыми звуками своего последнего спектакля, с дерзкого собачьего лая – пустобреха, превратившегося скоро в хор злобной лающей своры. Первый *рык* из всех своих собачьих сил старался стать и последним. Он буквально заходился, и последнее «*гав*» осталось – за ним! Смех пробежал по залу, нарушая темную тишину, – узнали почерк Мастера! Еще ни один актер не вышел на сцену, не было произнесено ни единого слова, но как много уже сказано – Тодоров! И с этого момента он уже не покидал сцену до конца спектакля. В каждом актере, в каждой его находке, в костюме и мизансцене было зримое присутствие Мастера. Он жил, он был на сцене, вопреки утвердившемуся сценическому правилу: режиссер должен умереть в актере!

А его узнавали и приветствовали то смехом, то аплодисментами. И от этого узнавания-общения с ним, вопреки всем реалиям, на душе становилось радостно и счастливо до слез. Он опять увел нас за собой в свой особый мир, сотканный из прозрений. Он опять был с нами! Веселый и скорбный, любящий и любимый! А когда актеры вышли на поклон, зал долго-долго аплодировал, казалось, ждал, что вот сейчас по традиции режиссер выйдет на сцену, и мы увидим его! Потом зал упрямо встал, молча аплодируя ему...

КРИТИКА

Зёрна и плевелы

СЕРГЕЙ КАЗНАЧЕЕВ

«НО, МОЖЕТ БЫТЬ, БЕССМЕРТЬЕ...»

В апреле 2002 года в составе небольшой делегации сотрудников Литературного института имени А.М. Горького мне впервые довелось побывать в Кишинёве. Мы проводили там мастер-классы, выступали перед публикой, знакомились с историей, культурой и природой Молдовы. Разумеется, были и запоминающиеся встречи с местными литераторами. Пожалуй, самое яркое впечатление оставило знакомство с кишинёвской поэтессой Олесей РУДЯГИНОЙ. Она встречала нас в аэропорту, сопровождала до гостиницы «Националь», тогда ещё не впавшей в нынешнюю мерзость запустения, а потом опекала московских гостей с поистине сестринской заботливостью. Так получилось, что сестричкой я называю её и поныне.

В самом облике О. Рудягиной в глаза бросалась неуёмная эмоциональная порывистость, гармонично сочетающаяся с глубокой внутренней сдержанностью. Широкая русская натура, помноженная на взрывной южный темперамент, которые, однако, постоянно находятся под контролем скромности и самодисциплины. Казалось, Олеся готова заключить в дружеские объятия любого талантливого и милого человека, расплескать океан симпатии. Но это впечатление рассеивалось, когда она начинала читать стихи, полные эмоциональной экспрессии; её голос становился тише, глубже, проникновеннее. Поэтесса не форсировала интонации, не акцентировала звуковую палитру стиха, но от этого само содержание и настроение текста становилось внятнее и многомернее:

*Всё чаще стихи приходят во сне,
всё слаще, верность храня снегам,
надменным, медленным холодам, —
мечтать тихонько о весне...*

*И, зябко прислушиваясь к себе,
вдруг растерявшей гонор судьбе
милостиво предложить: «Ничья!»
(«Одиночество»)*

Спорам о том, существует ли специфическая женская поэзия или нет, не одна сотня лет. Причём пищу и направление этим дискуссиям давали сами дамы, склонные к стихотворству, требуя именовать себя не иначе как «поэт». Словно нежная и женственная словоформа «поэтесса» существенным образом унижает

и оскорбляет их самосознание. Возникает вопрос, кто же льёт воду на мельницу гендерного неравноправия? Мировые круги самого оголтелого феминизма, борющегося за стирание граней между мужским и женским естеством, должны бы аплодировать такой точке зрения.

По моему мнению, Олеся Рудягина именно поэтесса, что ни в коем случае не отменяет той непреложной истины, что она – поэт. Но в дополнение к этому качеству в её стихах неизбежно присутствует знаменитое гётевское «*ewige weibliche*». Это обстоятельство не умаляет значения её творений, но придаёт неповторимое субстанциальное значение. Именно женщина способна взглянуть на мир особым, уникальным взглядом:

*... Но однажды я всё же солгу,
и на твой невозможный вопрос:
«Мама, правда ведь, мы не умрём?» –
улыбнусь и спокойно кивну.
(«Но однажды...»)*

В представлении нашего читателя женская поэзия обычно связывается с именами Ахматовой и Цветаевой. И каждое новое имя соотносится с той или иной авторской манерой. У Олеси Рудягиной нет ни ахматовского мелодраматичного рукоделия, ни цветаевского истеричного надрыва. Тем более она далека от ахматулинской манерности. Её голосу присущи свои неповторимые модуляции. Немигающим взором глядя на трагедии и перекосы нашего смутного времени, она снайперски точно находит единственно верные слова:

*Запах попкорна,
дух маеты,
чад перехода:
год Красной крысы,
сленг проституток
и блаоты,
дилеры, киллеры, нищие крысы...
(«Дуэт в подземном переходе»)*

Безжалостно вскрывая язвы последних двадцати лет, Олеся Рудягина не отворачивается от неприглядных картин, но внимательно всматривается в происходящее, словно стремится запомнить имена вдохновителей и организаторов всех наших бед. Конечно, мы все были свидетелями произошедшего, когда великая страна в одночасье распалась на фрагменты. Но в эти «минуты роковые» у неё было то фатальное «преимущество», что поэтесса оказалась на самом маленьком осколке большой льдины, в стране, которую совсем недавно звали «солнечная Молдавия». И благодаря этому её интонации становятся ещё более пронзительными, напоенными неизбывной болью:

*Недели две не ходят поезда,
Диагноз старый: осень. Амнезия.
И кем-то узаконена беда –
Не жизнь. Не смерть. Не воля. Не Россия.*

*Я не хочу в пресыщенный острог
За океан, за грань любви и боли:
Какая разница, где отбываешь срок
Своей случайной арестантской доли?*

*Какая разница, кому ты не нужная –
Наложница продажного столетья?
Не воля. Не Россия. Не жена.
Не жизнь. Не смерть. Но, может быть, бессмертье?
(«Будни»)*

Стоит ли спорить о том, что для употребления слова «наложница» здесь потребовалось чисто женское мужество!

Во время упомянутого визита в Молдавию у нас был однодневный выезд в приднестровский Тирасполь. Я отчётливо помню ошеломлённую и мечтательную реплику Олеси, невольно вырвавшуюся из глубины её души: «Господи! Тут все вывески на русском!». Немного позже я узнал, как во время ток-шоу (она работала тогда на телевидении) в студии в прямом эфире её схватил за волосы какой-то ретивый сторонник тотальной румынизации республики, когда она начала высказываться в защиту прав русскоязычного населения. В те годы ей пришлось немало испытать. Впрочем, увы, эти испытания продолжаются...

Но взгляд поэтессы на острейшие проблемы жизни опять-таки отличается женской исторической проницательностью. Там, где мужчины мыслят глобально, но в то же время и близоруко, Олеся Рудягина, как говорится, зрит в корень. Она, будучи матерью, задумывается не только над своей личной судьбой, но и видит историческую «перспективу». Может быть, прорабы и инженеры убийственных реформ целят не столько во взрослых, сколько в юные нестойкие души, стремятся увести их в сторону пропасти:

*Рабы немые – свалка,
Торжище – что почём...
Вот только деток жалко,
Они-то ни при чём.*

*Под яростную дудку
Попрания основ
К религии желудка
Ведёт их Крысолов.*

*Нет аккуратней мести
За промахи отцов,
Чем: «Выбираем пепси!» –
Беспечный хор птенцов.*

*Охочи до игрушек,
Глухие к зову книг –
Жевательные души,
Космический тупик...*

«Космический тупик», – каким леденящим холодом веет от этого впечатляющего образа! Как человек, регулярно общающийся со студентами (равно как и

О. Рудягина), могу подтвердить: во многом стратегические цели коварных кры-соловов уже достигнуты: с каждым годом в юных глазах всё меньше блеска и душевности, всё больше холода и жадного желания сделать карьеру во что бы то ни стало. Нынешние юноши и девушки в большинстве своём знать не желают, что было в стране до них. Когда рассказываешь им о событиях 1991 и 1993 годов (а ведь сейчас 20-летний «юбилей» расстрела Белого дома!), то, в основном, встречаешься с равнодушием и скукой. Олесья, правда, оставляет некую надежду на то, что в будущем всё наладится, встанет на свои места, детки наши опомнятся и обнимутся с нами (на то она и женщина, мать!):

*Они ещё вернутся,
взорвав свой Интернет –
пророки содрогнутся
от дьявольских примет.*

Впрочем, даже сквозь эту зыбкую надежду проглядывает тень конца света, Армагеддона...

Что же помогает лирической героине Олеси Рудягиной выстоять в нашу жестокую, безжалостную эпоху? Конечно, любовь, та самая, что, по словам Данте, «движет солнца и светила». Любовь, без которой женское счастье невозможно, а жизнь бессмысленна:

*Что плакать стихами?
Морока... Морока...
Оставим дождю это мокрое дело.
Придумаем праздник:
Я не одинока
и любят моё осторожное тело...
Начнём с пробужденья.
Под тремоло ливня
прошествует в кухню, где чайник вскипает,
в окно, бросив взгляд, вдруг поймём: воскресенье.
Разлуки не будет.
Разлук не бывает!
(«Что плакать стихами?»)*

Хочется ещё раз напомнить о сдержанности автора: при всём темпераменте её лирической героини она говорит, что любят только её тело, а душу лишь приручают. Впрочем, этот образ можно трактовать и так, что даже в самые нежные и страстные моменты бытия свобода личности не знает границ. И даже приручённая душа способна взбрыкнуть, топнуть ногой, показать свою тайную строптивость. Может быть, поэтому в лирический поток иногда вливаются бесшабашные, сумасшедшие струи:

*Любовь – любовница – любвишка – разлука.
И только так, и никогда – наоборот.
Вот только раз сойти, попробовать бы с круга,
Нарушить мировой спермоворот.
(«Крамола»)*

Впрочем, эти хулиганские поползновения следует отнести, конечно же, к лирической героине, но не к самой поэтессе. Много лет она счастливо живёт со своим мужем, талантливым художником Сергеем Сулиным, который участвовал в ликвидации последствий Чернобыльской аварии, и двумя дочками (не говоря уж о подобранных собачках, котах и даже покалеченной вороне). Прошлое мужа также становится предметом поэтического вдохновения:

*тихо светясь в темноте,
смотрит цветные сны муж
ликвидатор
(«Тихо светясь...»)*

Иногда давно случившуюся трагедию поэтесса видит буквально глазами самого ликвидатора. Тогда картины изуродованной природы приобретают выпуклость и кристально чёткую ясность:

*Там небывалой красоты цветы,
И травы в рост деревьев,
А грибы – срывайте в дождь –
И зонтиков не надо!
Над Припятью журавлики: курлы,
И город-призрак, слопав мародёров,
Глазами кукол брошенных глядит
Закат, не вспоминая никого.
(«Там небывалой красоты цветы...»)*

Сергей, кстати, является иллюстратором всех книг Олеси. Хотя назвать его иллюстратором было бы несправедливо: он бесспорный соавтор этих изданий, его экспрессивные графические работы представляют собой самостоятельное явление, удивительным образом сливающееся с поэзией жены. Поэтесса и художник поистине представляют собой сложенный «дуэт в подземном переходе». Подземный переход упомянут здесь отнюдь не случайно: все эти годы творческая семья живёт в крайне стеснённых условиях. Их гостеприимный и ласковый дом пребывает в плачевном состоянии. Вот ещё одно проявление «дьявольских примет» нынешних дней: разве двадцать лет назад правительство Молдавской ССР оставило бы тандем Рудягина–Сулин в таком унижительном положении? Особенно накануне её юбилея... Однако поэтесса не унывает:

*Проживаем – долго живём в избушке
на курьих ножках:
когда ливень снаружи, –
ниагара льёт с потолка,
избушка квохчет.
Кот-баюнбегемот под зонтом
вяжет шапочки и пинетки, –
в мягких лапах мелькают спицы...
(«Осеннее»)*

Если бросить даже беглый взгляд на художественное оформление книг Олеси Рудягиной, то в глаза бросится обилие полуобнажённой натуры.

Совершенно ясно: слова про любовь к осторожному телу находят искренний отклик. Но ведь и тело заслуживает такого внимания, и «обнажёнка» выполнена мужем трепетно и деликатно. Полагаю, пуританская чопорность в данном случае была бы искусственной и неуместной. Хотя лирические стихи жены, пожалуй, можно назвать образцом литературной целомудренности:

*Теперь осталось долго-долго жить
и умереть однажды в одночасье,
как будто нежно ухо приложить
к часам, впервые тронувшим запястье.
Заслушаться с улыбкой, не дыша,
отслеживая стрелочки скольженья
в безвременье, которому душа
принадлежит, как Вечности – мгновенье...
(«Мужу»)*

Было бы верхом несправедливости полагать, что однажды найденные стиль и художественные формы успокоили поэтессу и позволили ей, так сказать, поживать на лаврах. Наоборот – последние по времени сочинения её наглядно демонстрируют стремление расширить палитру своих средств и возможностей: она смело обращается к стилистике верлибра, пользуется приёмами постмодернизма, погружается в океан фольклорной художественной традиции.

Словом, встречая свой юбилей, Олеся Рудягина убедительно доказывает, что творческие возможности её дарования далеко не исчерпаны, а потому пожелаем ей новых эстетических озарений и реализации всех жизненных планов.

Москва,
октябрь 2013

Сергей КАЗНАЧЕЕВ – родился в 1958 году в селе Ундоры Ульяновской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. С 1992 года – член Союза писателей России. Прозаик, критик, эссеист, литературовед. Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и литературной критики Литинститута. Автор книг «Незавершенные уроки» (1989), «Апология литературоцентризма» (2000), «Записки миллионера» (2002), «Планида» (2003), «Современные русские поэты» (2006), «Судьба русского реализма: происхождение, развитие, возрождение» (2012), «Сон камня» (2013) и др. Постоянный автор журнала «Русское поле».

Забвению не подлежит

24 августа 2014 года исполняется 70 лет со дня освобождения Молдавии от фашистских оккупантов. Публикуем фрагмент из книги Петра ШОРНИКОВА «Молдавия во Второй мировой войне», посвященный героической борьбе патриотического подполья. На русском языке текст публикуется впервые.

ПОДПОЛЬЕ В ДЕЙСТВИИ

С первого дня Великой Отечественной войны территория Молдавии оказалась в зоне боевых действий. Авиация врага нещадно бомбила города и транспортные узлы, на реках Прут и Дунай шли бои. В этих условиях все же была проведена мобилизация военнообязанных, соединения Красной Армии пополнили около 150 тысяч призывников из Молдавии. Массовая эвакуация населения была допущена только 5 июля, но на восток уже успели выехать более 400 тысяч мирных жителей, в том числе большинство горожан. Службы НКВД и военной разведки, партийные органы спешно формировали сеть патриотического подполья, вооруженные партизанские группы. Работу эту завершить не удалось. 16 июля 1941 года немецкие и румынские войска вступили в Кишинев. На восточном берегу Днестра бои продолжались еще около месяца, оборона Одессы – до 16 октября. А затем Молдавия оказалась в глубоком тылу врага.

Оккупация началась с грабежей, массовых убийств евреев и расстрелов без суда политически активных граждан, способных организовать сопротивление. В села возвратились жандармы, лично знающие едва ли не каждого взрослого жителя. Население было запугано и морально подавлено. Однако рабочие, большая часть молодежи и крестьян своим государством продолжали считать Россию. Заблаговременно созданные подпольные группы приступили к выполнению полученных заданий.

Деятельность подпольных групп, созданных накануне отхода Красной Армии

Одним из первых вступил в бой партизанский отряд под командованием А.Н. Романенко, кишиневского инженера, прошедшего короткую подготовку в диверсионной школе. Отряд заложил склад оружия и материалов в лесу у села Воиново Оргеевского района. В самом селе в доме двоюродного брата командира располагался штаб. Здесь, кроме А.Н. Романенко, находились партизаны Василий Савка, Яков Мендельсон и Григорий Вазанов. В состав отряда входил адвокат Барух Авербух; он оставался в Кишиневе. Судя по воспоминаниям хозяина дома, «отряд действовал у железнодорожной линии. Один из членов отряда убил 4-х нем-

цев из появившихся разъездов. По Бравичевской дороге задержали на несколько часов наступающую колонну немцев и взорвали танк»¹. Это произошло 14 июля 1941 года. Группа, в которую входили Максим Ханган, Иордан Бэлэуца, Борис Гельберт и Михаил Лайзерович, была направлена в сторону села Питушка Каларашского района с заданием взрывать мосты и поджигать хлеба. Вероятно, именно этой группой был взорван железнодорожный мост у станции Быковец².

Данных о заблаговременном формировании подпольных групп в Бельцах нет, однако уже в ночь с 11 на 12 июля в городе был обстрелян немецкий военный автомобиль. «В ответ, – доложил в Берлин командир Оперативной группы D штандартенфюрер СС О. О. Олендорф, – румынская полиция казнила 10 заложников и публично объявила об этом. Вечером 15 июля вновь обстрел немецкой военной автомашины, в ответ - обращение по законам военного времени еще с 20 заложниками. В ночь с 15 на 16 июля убийство 4 немецких саперов, которым перерезали горло»³. На станции Реуцел близ Бельц 14 июля появились листовки, призывающие население «к неповиновению румынским властям и союзу с Советами». Расстрелы заложников оккупанты сопровождали пропагандистской акцией. Над селами уезда с немецких самолетов были разбросаны листовки на румынском и русском языках, в которых население предупреждали, что «кровь румынских и немецких солдат, застреленных из-за угла, будет отомщена беспощадно»⁴. Тем не менее, в ночь на 31 июля в Бельцах было совершено нападение на охрану передвижной механической мастерской румынской армии, а 13 августа во дворе сахарного завода сожжен военный грузовик.

Колонну румынских войск, продвигающуюся к Кагулу, 19 июля 1941 года бывшие ополченцы Я. Максименко и М. Блошенко обстреляли из пулемета. В самом городе Василий Кожокару, Иван Романенко и Николай Кавчук отобрали оружие у двоих немецких солдат. Их трофеями стали две винтовки⁵. «22 июля в 20 часов, – известил население шеф полиции, – в районе Липованки бандиты набросились на патруль армии Великой Германии, обезоружили его и избили. Полиция ведет расследование, виновные будут расстреляны. С сегодняшнего дня движение в городе позже 20 часов прекращается. Те, кто нарушит этот приказ, будут казнены»⁶.

В Кишиневе одну из первых диверсий подполья провел Валериан Триколич. Во время налета советских самолетов он бросил гранату в расположение зенитной батареи противника в Пушкинском парке. Участники групп Никифор Грицко и Николай Кэрунту взорвали у станции Ревака под Кишиневом железнодорожный мост, подожгли бак с горючим, распространяли патриотические листовки. На станции Вистерничены подпольщики из группы Н. Грицко и Ф. Кэрунту разобрали железнодорожное полотно, в результате чего сошел с рельсов румынский поезд. Они повредили и телефонную связь у комендатуры на улице Дойны меж-

¹ Там же. Л.24.

² Корнев А. На земле молдавской. // Герои подполья. – Москва. 1968. С.409.

³ Круглов А. Без жалости и сомнения. Документы о преступлениях оперативных групп и команд полиции безопасности и СД на временно оккупированной территории СССР в 1941-1944 гг. Часть III. Мю Днепропетровск. «Ткума». 2010. С.11.

⁴ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4232. Л.29,30.

⁵ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне..., Т.2. С. 267.

⁶ Аftenюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Карта Молдовеняскэ. 1970. С. 213.

ду штабом румынского армейского корпуса и его частями. Подпольщик Анатолий Кайдаш вел у себя во дворе патриотическую пропаганду. Участники группы установили наблюдение за работой немецкого военного аэродрома на кишиневской окраине Скиносы⁷. Подпольщик Шойл Рабинович призывал к борьбе крестьян села Будешты⁸.

8 августа на опушке леса у села Каракушены был уничтожен патруль Бричанской жандармской секции. В конце месяца партизаны, – вероятно, это были Николай Калашников и Михаил Чернолуцкий, жители села Дундук, – обстреляли из пулемета колонну румынских войск на дороге Кишинев-Бендеры⁹. 3 сентября Совинформбюро сообщило о налете партизан на автоколонну противника в междуречье Днестра и Прута, в результате которого было подожжено много автомашин, истреблено до 80 вражеских солдат и офицеров. В ночь на 20 сентября был обстрелян воинский поезд при въезде на станцию Александрены. В Кишиневе, в пригороде Боюканы, «неизвестные лица» дважды, 18 и 26 сентября, обстреляли охрану казармы румынских войск. «Нападению, – отмечено в полицейском донесении, – предшествовала подача сигналов со стороны улицы Валя Дическу». 30 сентября на пригородной станции Пэмынтены близ Бельц патриоты сожгли 200 приготовленных к отправке телеграфных столбов. Пожар перекинулся на соседний склад с вооружением, взорвались 2 ящика с патронами. В начале октября группа из 6-7 вооруженных лиц атаковала группу румынских солдат, ранив одного из них¹⁰. Успешно начала вооруженную борьбу в районе Тирасполя партизанская группа из 5 человек во главе с партизаном гражданской войны С.И. Мындрю, созданная райкомом партии из жителей села Дубово. Партизаны совершили ряд диверсий в районе Тирасполя и в Красноокнянском районе Одесской области, призывали население к саботажу¹¹.

Положение в тылу обеспокоило командование румынской армии. Уже 26 июля 1941 года гарнизонам было предписано вывешивать в населенных пунктах объявления о мерах наказания, принятых в отношении лиц, которые «прятали у себя или содействовали укрытию парашютистов». 28 июля командующий 4-й армией генерал Чуперкэ подписал приказ, в котором под угрозой смертной казни потребовал от лиц, оставленных для подпольной работы, в 24 часа явиться с повинной¹². 4 августа 1941 года начальник штаба 4-й румынской армии генерал Паланжану направил войскам циркуляр, в котором отметил: «В тылу находится большое количество коммунистических агентов, совершающих нападения на транспортные колонны и на отдельных военных, а также на небольшие группы военных. Просим Вас содействовать принять срочные меры по задержанию на участке, занимаемом Вашими войсками, всех вышеупомянутых, а также лиц, у которых они скрываются». Через три дня Паланжану распорядился «принять строгие меры по обследованию местных сел и лесов с целью ареста всех внушающих подозрение, а также казни лиц, виновных в нападении на военных и на во-

⁷ Архив социально-политических организаций (АСПО). Ф.3280, Оп.1. Д.1005. ЛЛ. 9, 17, 98.

⁸ Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970. С. 226.

⁹ См. подробнее: Шорников П.М. Промышленность и рабочий класс Молдавской ССР в годы Великой Отечественной войны. С.67.

¹⁰ Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Указ. соч., С.213, 214.

¹¹ АСПО. Ф.3280, Оп.1. Д.159. Л.1.

¹² Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.327.

енные колонны. При прочесывании, которое будет произведено, следует выявлять и укрывателей»¹³.

Однако партизаны действовали не только под Одессой. «Почти во всех оккупированных пунктах, – констатировал заместитель начальника штаба румынской армии генерал Мазарини, – отряды местного населения, сочувствующие советам, ведут борьбу против румынской армии, устраивают беспорядки и акты саботажа. Отряды нападают на тылы войск, обстреливают войсковые колонны, вылавливают разведчиков, истребляют мелкие группы солдат. Все это увеличивает и без того значительные потери наших войск»¹⁴. Для борьбы с партизанами были созданы специальные команды из полицейских и жандармов. В лесных районах и у важных военно-транспортных объектов, – в Калараше и у мостов через Днестр в Бендерах, Резине, Шолданештах и Криулянах, – были размещены «вспомогательные территориальные охранные части». За выдачу каждого партизана были обещаны денежные премии в сумме от 10 до 25 тысяч леев, земельные наделы и т. п.¹⁵.

По оккупированной территории прошла волна задержаний и убийств «подозрительных» лиц. 26 июля 1941 г. в селе Степановка Олонештского района были арестованы 11 бывших бойцов истребительного батальона. 1 августа они были без суда расстреляны у села Раскайцы¹⁶. В августе 1941 г. немецким карательным отрядом были арестованы и расстреляны секретарь подпольной партийной организации Григориополя Н.Г. Дудник и подпольщик И.И. Таран, оставленные для организации подполья коммунисты В.В. Железко и Р.Г. Токаренко. П.М. Топор получил задание руководить подпольем в Тирасполе, был арестован румынской жандармерией и заключен в лагерь военнопленных. Освободившись, он переехал в Кировоградскую область, где его не знали. В ноябре были казнены оставленные для подпольной работы в Тирасполе В.Ф. Безносюк и П.Е. Байрак. А.К. Перекрестов, до войны – начальник пожарной охраны винзавода и член Тираспольского городского комитета ВКП(б), – был арестован в первые же дни оккупации. Погиб и член подпольного райкома В.А. Карамануца. Пропали без вести руководитель партийного подполья в Рыбницком районе А.И. Ильчук, в Дубоссарском районе – один из секретарей РК КП(б) Молдавии Призман, другие участники подпольных групп. Политический террор во многом дезорганизовал подполье.

Стремясь сломить народное сопротивление, оккупанты возлагали на население коллективную ответственность за действия партизан. 1 июля 1941 г. румынским карательным органам был разослан циркуляр о взятии заложников из числа «евреев и коммунистов» и об их «немедленном расстреле, как только произойдет акт мятежа или терроризма»¹⁷. 30 августа после нападения партизан на колонну румынских войск были расстреляны 85 заложников, взятых в 17 молдавских селах вдоль дороги Кишинев-Бендеры: Броаска, Сынжера, станция Мереины, Кетрос-Бык, Кетрос-Нямц, Тодирешты, Кирка, Цынцарены, Соколены, Сопрания, Албеница, Новые Анены, Старые Анены, Бульбоки, Рышканы, Гаври-

¹³ Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Указ. соч., С.214-217.

¹⁴ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.330, 331.

¹⁵ Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Указ. соч., С. 217.

¹⁶ АСПО. Ф.3280, Оп.1. Д.190. Л.5.

¹⁷ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.157.

лешты и Калфа, «подозреваемых в принадлежности к советским партизанам»¹⁸. В Бельцах оккупанты, как отмечено, якобы в отместку за нападения партизан на свои части провели ряд расстрелов евреев¹⁹.

Публичный характер расправ, чинимых над евреями, свидетельствовал о намерении оккупантов запугать также молдаван, русских, украинцев, других жителей Бессарабии²⁰. Сигуранца выяснила, что сведения о продвижении румынских войск, позволившие советскому подразделению разгромить в июле 1941 г. два полка румынской армии, командиру одного из полков 95-й Молдавской дивизии майору А.И. Вруцкому передали крестьяне села Долна И.А. Дорошкевич, Е.А. Дорошкевич и К.И. Переу. И. Антонеску приказал расстрелять их публично в родном селе. «Трупы, – уточнил «правитель», – выставить, чтобы наказание этих негодяев послужило примером».

15 апреля 1942 г. к месту казни были согнаны жители Долны и соседних сел Миклеушены и Гузун. Обреченные вели себя с достоинством, как люди, выполнившие свой патриотический долг. Иван Дорошкевич произнес краткую речь о том, что он с товарищами сделал то, что требовалось сделать, и сожалений по этому поводу не высказал²¹. Результат – устрашение населения – достигнут не был. Позднее местные крестьяне помогали партизанам.

Но в 1941 году обстановка была иной. Остающиеся на свободе коммунисты, не без оснований утверждал в отчете за август 1941 г. шеф полиции Бессарабии Павел Епуре, «дезориентированы и парализованы»²². В обзоре сигуранцы «Что затрудняет подрывную работу в Бессарабии?», составленном в сентябре, была отмечена деморализация населения, вызванная не столько репрессиями румынских властей, сколько известиями о поражениях советских войск на фронте. Лица, оставленные для «подрывной деятельности», отмечено в обзоре, лишены связей между собой и средств передачи информации. Их также коснулась деморализация. «Некоторые из оставленных советских агентов, – продолжали авторы, – признались в полученном задании, другие заняли позицию осторожной пассивности»²³.

Имели место случаи предательства. Пособники оккупантов задержали и передали в полицию одного из участников партизанской группы А.Н. Романенко. 21 июля были схвачены другие партизаны. О боевой работе отряда и его связях в Кишиневе они показаний не дали. Но при обыске каратели обнаружили оружие и взрывчатку; 12 августа партизаны были расстреляны²⁴. Через две недели после оккупации города немецко-румынскими войсками как активисты, известные на обувной фабрике, где они работали при советской власти, были арестованы В.В. Триколич, А.Г. Кайдаш и некоторые другие участники подпольной группы. Несмотря на избиения, в своем участии в подпольной работе они не признались. Но в Кишинев возвратился бывший член группы Марков, попавший на Днепре в окружение. Узнав, что товарищи арестованы, он сдался полиции и назвал всех,

¹⁸ Молдавская ССР в Великой Отечественной... Т.2. С.243.

¹⁹ Там же. С.237, 577; Шорников П.М. Цена войны. С.136.

²⁰ Холокост на территории СССР. Энциклопедия. С.239, 284, 285.

²¹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.108,109.

²² НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4237. Л. 96.

²³ Там же. Д. 4481. Л. 853

²⁴ АСПО. Д. 1011. ЛЛ.11,14,15.

кого знал²⁵. Молодежные группы выдал бывший буфетчик здания НКВД МССР Литвинюк, назначенный связным подполья; как оказалось, до 1940 г. он проходил службу в румынской жандармерии. Были схвачены 27 патриотов, в руки сигуранцы попали 25 кг взрывчатки, 5 винтовок, гранаты, патроны²⁶. 17 человек, у которых при обысках нашли оружие, были приговорены к расстрелу. Но 10 арестованных, несмотря на пытки, в связях с подпольем не признались и остались в живых²⁷.

2 октября 1941 года начались аресты рабочих обувной фабрики им. 28 июня – участников подпольной организации, руководимой Никифором Грицко. Арестованные выдержали допросы «третьей степени». Хотя все они были снабжены стрелковым оружием, в руки румынской полиции попали только 50 гранат, место хранения которых указал провокатор. Но арестованные были известны сигуранце как противники оккупационного режима с 30-х годов, и трибунал приговорил их к смертной казни. Судя по рассказам очевидцев, обреченные «шли на расстрел спокойно, часть из них пела революционные песни». Кузьма Мельников перед залпом крикнул палачам: «Да здравствует Советская власть! Я погибну, но придут другие, и вы будете уничтожены!»²⁸. Были арестованы также 11 работников, входивших в начале войны в истребительную группу Кишиневского радиоцентра, 11 подпольщиков-рабочих трамвайного депо²⁹. В селе Будешты был схвачен другой ветеран Бессарабского подполья 30-х годов Шойль Рабинович. О его поведении на допросе полиция доложила: «Отказывается дать показания в письменном виде, устно же заявляет, что, независимо от тех или иных изменений в ходе войны, победа будет за Советским Союзом... Он отказывается сообщить о полученном от Советов задании»³⁰.

Невыполнение требований конспирации привело к провалу подпольную группу братьев Георгия и Сергея Бесединых. Намереваясь привлечь к подпольной борьбе одного из своих знакомых, участник группы Василе Ротарь еще до отхода советских войск рассказал ему о создании группы, ее задачах, численности и вооружении. Однако знакомый оказался родственником комиссара сигуранцы Анжелеску. В августе, по прибытии комиссара в Кишинев, Ротарь был арестован. Зная, что другие члены группы уже покинули город, он назвал их фамилии и адреса. Однако Беседины и Сизов, перейдя линию фронта, попали в парашютно-десантную школу и прошли обучение. 28 августа в составе группы из 10 человек они были с парашютами заброшены в район Одессы и возвратились в Кишинев. Беседины были предупреждены родственниками о том, что их разыскивает полиция, но не придали этому значения, продолжали выполнение задания. 8 октября 1941 г. братья Беседины и другие парашютисты – Михаил Сизов, Ефим Иову, Иван Задорожный, Сергей Остапов, Павел Михайличенко, Николай Булаш, Алексей Потлажоглу, Дмитрий Полищук и радистка Ирина Васиlake – были арестова-

²⁵ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. В тылу врага. С.220. История Молдавской ССР. – Кишинев. Штиинца. 1984. С. 79.

²⁶ НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4481. Л.271.

²⁷ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.

²⁸ Аftenюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970. С.225.

²⁹ НА РМ. Ф. 706. Оп.1. Д.9. Л.7.

³⁰ Там же. С.226.

ны. Несмотря на пытки, парашютисты не дали показаний о полученном задании, не указали мест хранения оружия и рации, не назвали помощников, и следствие затянулось. В июле 1942 г. они все же были расстреляны³¹. Трех из обреченных к месту казни доставили на носилках. Радистку, над которой следователи надругались, расстреляли беременной.

В Бендерах во главе одной из подпольных групп был оставлен уроженец села Татарбунары Аккерманского уезда Анатолий Петрович Прокопец. В годы гражданской войны командовал партизанским отрядом, а затем батальоном в кавалерийской бригаде Г.И. Котовского. Таким образом, Прокопец обладал политическим опытом и навыками организатора. Перед войной он исполнял обязанности председателя Совета поселка железнодорожников – Хомутяновки. И хоть ему уже исполнилось 50 лет, взялся работать в подполье. Его заместителями стали боец истребительного батальона, переброшенный через линию фронта из Одессы штабом Приморской армии коммунист Федор Добрица и беспартийный Иван Стрелец. Получив от органов НКВД МССР оружие, А. Прокопец и И. Стрелец заложили его в тайник в Гербовецком лесу. Однако в октябре 1941 г. И. Стрелец выдал группу полиции. А.П. Прокопец, Ф.М. Добрица и три женщины-хозяйки конспиративных квартир были арестованы. В руки жандармов попали также 40 кг взрывчатки. Но показаний о своей подпольной работе подследственные не дали. 6 винтовок и 2 ручных пулемета, спрятанных в месте, предателю не известном, сигуранце обнаружить не удалось³², некоторым участникам группы посчастливилось избежать ареста. Спасая жизнь арестованных товарищей, А.П. Прокопец взял всю «вину» на себя. 6 мая 1942 г. он был расстрелян. Ф.М. Добрица был приговорен к пожизненной каторге³³.

Бывшие бойцы Бендерского истребительного батальона П.Чумаченко, Н.Стрелец, И. Ткач, А. Атаманчук, А. Коган, Н. Бобров и С. Калашников во главе с Николаем Калашниковым благополучно перешли линию фронта и возвратились в родной город. Но там их уже разыскивала полиция. Участники группы были схвачены, подвергнуты избиениям, но в полученном задании не признались, и весной 1942 года были освобождены. Однако полицейский надзор вынудил их на время воздерживаться от активной деятельности; двое из группы от участия в подпольной работе вообще отказались³⁴. Руководитель третьей подпольной группы, организованной в Бендерах, И.Д. Литвинов, выяснив, что другие участники ненадежны, прекратил с ними связь и ограничился ведением устной пропаганды.

Диверсионную группу, сформированную из жителей болгарского села Кирютня (Кортен), в октябре 1941 г., не выдержав психологического напряжения, выдал один из ее участников. Он донес на товарищей и указал жандармам место,

³¹ Архив СИБ РМ. Д.3531. Л.66; Д.45. Т.1. Л.243.

³² НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 4481. ЛЛ.271-273.

³³ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. С. 254, 255, 580.

Анатолий Петрович Прокопец, 1891 г.р., уроженец с. Татарбунары Аккерманского уезда Бессарабской губернии, в годы гражданской войны командовал партизанским отрядом, а затем батальоном в кавалерийской бригаде Г.И. Котовского. В 1940 г., уже будучи персональным пенсионером, переехал на жительство в Бендеры, исполнял обязанности председателя Совета поселка железнодорожников – Хомутяновки. (Там же. С. 580).

³⁴ Архив социально-политических организаций. Ф.3280, Оп.1. Д.1011. ЛЛ.14, 15, 33, 35.

где спрятано оружие. Участники группы С.В. Малков, И.И. Барбаров, А.Г. Манаф, И.В. Обретенков и

И.З. Гургуров были арестованы. Командир группы С.В. Малков, как и бендерский подпольщик А.И. Прокопец, взял «вину» на себя и спас жизнь товарищей. Сам он был приговорен к расстрелу и казни³⁵. При невыясненных обстоятельствах – вероятно, в одном из боев, – в полном составе погибла действующая в районе Тирасполя партизанская группа С.И. Мындру.

Осенью 1941 года вооруженные нападения на войска оккупантов прекратились, и 1 ноября сигуранца смогла доложить: «О едином и хорошо руководимом коммунистическом движении говорить не приходится»³⁶. Однако патриотическая пропаганда продолжалась. Советская авиация наносила удары по военным и транспортным объектам на территории Бессарабии, и это обстоятельство, отмечала политическая полиция, вызывало у населения недоверие к прочности военного положения немецких и румынских войск. Красная Армия, утверждали сторонники Советов, сильна, а ее отступление – не более чем стратегический маневр³⁷. Плакаты и объявления румынских властей, докладывала полиция, «систематически уничтожаются коммунистическими элементами». «Вообще, – отмечено в заключение донесения, – создается впечатление, что действия по уничтожению этих плакатов носят организованный характер, ибо это имеет место в те ночи, когда плакаты только свеженаклеены». 28 ноября губернаторство Бессарабии указало полиции, что «некоторые продавцы газетных киосков бойкотируют газету «Басарабия», ошибочно информируя читателей о ее выходе, укрывают экземпляры, предназначенные для продажи, а также прячут плакаты, которые регулярно посылаются с пакетами газет, органы полиции должны принять меры к тому, чтобы пресечь это дело, так как вышеуказанный бойкот мешает деятельности Министерства пропаганды»³⁸.

Одним из методов «пропаганды коммунистических идей самым незаметным образом», указано в донесении кишиневской сигуранцы от 3 июня 1942 г., стало распространение советских газет и литературы, которые печатались на молдавском языке до войны, под видом бумаги для упаковки товаров. Таким способом, в частности, была распространена фотография, на которой изображен был хозяин и десятки оборванных рабочих с протянутыми руками, вымаливающих у патрона увеличения жалования. «Замечено, – сказано в заключении документа, – что товары в такой бумаге упаковываются только простому населению и военным, избегается интеллигенция»³⁹.

Народ запугать не удалось, и условия для восстановления патриотического подполья и развертывания массового сопротивления оставались в Молдавии благоприятными.

³⁵ Новаков С.З., Червенков Н.Н. Прошлое и настоящее села Кирютня. – Кишинев. Штиинца. 1980. С.33.

³⁶ НА РМ. Ф. 680. Оп.1. Д.4234. Л.540.

³⁷ Там же. Л.55.

³⁸ Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970. С.223.

³⁹ Там же.

Проблема руководства народной борьбой

Задачей находящихся в эвакуации партийных и военных органов Молдавии оставалось создание Центра для руководства подпольем на территории республики. Разведывательный отдел штаба Приморской армии подготовил группу, состоящую из ветеранов Бессарабского подполья, до начала войны так и не принятых в ВКП(б): бывшего секретаря подпольного Бессарабского областного комитета Коммунистической партии Румынии депутата Верховного Совета МССР Юрия Александровича Короткова⁴⁰, одного из его предшественников на посту руководителя Бессарабского подполья Иосифа Ароновича Бужора и связных Раисы Семеновны Шафран и Марии Ефимовны Онуфриенко, также имевших опыт работы в Бессарабском подполье⁴¹. Группа была переброшена через линию фронта.

Одной из преград на ее пути к Кишиневу был Днестр. В его низовьях в это время действовали партизанские отряды А.Ф. Солдатенкова, старшего лейтенанта Третьякова, Ивана Постолаки и другие. Они могли помочь участникам подпольного Центра в переправе через реку. Однако в это время румынские войска готовили в этом районе карательную операцию. Происходила концентрация войск, активизировались разведывательные службы⁴². 13 сентября у села Маяки каратели атаковали отряд в составе 30 партизан. 7 из них погибли в бою, 20, в том числе три женщины, были схвачены, трое скрылись. 15 сентября группа в составе 18 партизан атаковала румынские обозы на дороге Ясски-Беляевка. Румынским войскам удалось убить пятерых партизан, 13 были схвачены. В обоих случаях пленные были казнены⁴³.

16 сентября на полпути к Тирасполю, в селе Троицком, был схвачен и опознан румынской контрразведкой Ю.А. Коротков. Это означало смертный приговор, однако руководитель Бессарабского подполья сохранял присутствие духа. После допроса он попытался бежать, но неудачно. В тот же день был допрошен в вышестоящем подразделении контрразведки. Цель перехода фронта депутатом – бывшим руководителем подполья, была очевидна. «Коротков уроженец города Сороки, инженер, получивший образование в Германии и Бельгии, пламенный коммунист, при советском режиме депутат от Чучуленского округа Лапушнянского уезда, – указано в донесении контрразведки от 20 сентября, – перешел линию фронта из Одессы с намерением идти в Бессарабию для организации коммунистических кадров. Хитростью попытался бежать из Стража. Доставленный во Вранча, после допроса, по пути следования из информационного центра в полицейскую роту, был убит при попытке к бегству»⁴⁴. Убийство политически важ-

⁴⁰ Личность и политические взгляды Ю.А. Короткова характеризует его письмо жене Наталии, написанное накануне ухода в тыл врага: «...Родная моя. Всего хорошего – я уезжаю. Ты, быть может, догадываешься, куда. Я совершенно спокоен и уверен, что мы с тобой увидимся... Ты ведь знаешь, что до сих пор нам немножко везло. Мы не раз уже прощались, не зная, увидимся ли снова, и все кончалось хорошо. Я уверен, что ты будешь твердой и не падешь духом, а я постараюсь на своей работе вести себя так, как подобает коммунисту. Мы хорошо и честно прожили нашу жизнь, на нашей личной жизни и на партийной нет ни одного пятнышка. Дальше мы тоже будем жить. Я уверен, Наталочка, что, если бы тебя спросили, должен ли я принять эту работу, ты бы сказала: «Да». Ну, вот и я сказал «Да», ни на минуту не задумавшись...». (Документ хранился в фондах кишиневского Музея дружбы народов).

⁴¹ Архив социально-политических организаций. Ф.3280, Оп.1. Д.2. ЛЛ.23,24.

⁴² См.: Гратинич С.А. На левом берегу Днестра. С.66, 67; Гратинич С., Шорников П. «Постараюсь выполнить все...». // Трибуна. 1987. №23.

⁴³ Moraru P. Armata lui Stalin văzută de români.. P. 228.

⁴⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне ... С. 246.

«Страж» и «Вранча» – кодированные наименования контрразведывательных подразделений.

ного пленника при попытке к бегству либо во время допроса представляло собой серьезный промах контрразведчиков. Видимо, поэтому донесение о поимке Ю.А. Короткова было направлено по инстанции только через четыре дня после его гибели. 16-19 сентября в перестрелках с румынскими войсками в этом районе погибли еще четверо партизан, 9 были схвачены и повешены⁴⁵. Вероятно, в числе погибших партизан были и члены подпольного Центра.

Непригодность для работы в подполье в Бессарабии коммунистов из Молдавской АССР, очевидная для военных, не была таковой для партийных чиновников, к конспиративной деятельности непричастных. Второй состав подпольного Центра с дислокацией в Кишиневе был сформирован руководством КП(б) Молдавии в Сталино (ныне Донецк). Поскольку членство деятелей Бессарабского подполья в ВКП(б) до начала войны оформлено не было, руководителем Центра был назначен не один из бессарабских подпольщиков, а секретарь Слободзейского РК КП(б) Молдавии А.М. Терещенко. Его заместителем стал П.Я. Мунтян, секретарь Тираспольского городского комитета комсомола. Как и Терещенко, Мунтян конспиративного опыта не имел. Для подпольной работы в Бессарабии он также подходил мало, потому что первый из них молдавским языком не владел, а второй говорил на левобережном диалекте. Вторым заместителем А.М. Терещенко стал член Политбюро ЦК Коммунистической партии Румынии М.Я. Скворцов, а связными Центра – секретарь Слободзейского райкома комсомола Я.М. Маслов (его задачей была организация комсомольского подполья), бывший член Бессарабского обкома КИР секретарь Сорокского уездного комитета Румынской компартии, а в 1940-1941 гг. – председатель Сорокского городского Совета И.М. Моргенштерн, а также ответственный работник наркомата земледелия МССР Я.Т. Богуславский, заместитель директора ФЗО по политической части С.П. Брухис, бывшие сотрудники редакции газеты «Молдова социалистэ» Е.С. Гринберг и И.И. Гринман⁴⁶. Ветераны Бессарабского подполья владели молдавским языком и 3-4 иностранными языками, и все же направление евреев на подпольную работу в Бессарабию в разгар кампании геноцида свидетельствовало о незнании руководством КП(б) Молдавии обстановки на оккупированной территории.

Правда, была принята и мера, призванная в какой-то степени оградить участников Центра от опасности быть уничтоженным сразу после приземления. 13 сентября в Молдавию был заброшен партизанский отряд в составе 10 бойцов. Однако отряд приземлился в безлесной местности близ города Флорешты. Трое партизан, в том числе командир отряда А.А. Тростянецкий, были схвачены жандармами и расстреляны, остальные после стычки с патрулем перешли на восточный берег Днестра. 25 сентября участники подпольного Центра были сброшены с парашютами не в район села Бравичи⁴⁷, где имелись леса, а у села Микауцы, в 30 км от Бравичей и в 15 км от Кишинева. Выброска была произведена не ночью, а на рассвете, парашютисты были замечены еще в воздухе. К месту приземления были брошены подразделения жандармов. Они устроили облаву, скрываясь за спинами мобилизованных крестьян. Подпольщикам, вооруженным только пистолетами, пришлось принять неравный бой. «На рассвете 25 сентября, – говорится

⁴⁵ Moraru P. Armata lui Stalin văzută de români. P. 228.

⁴⁶ Архив социально-политических организаций. Ф.3280, Оп.1. Д.2. ЛЛ.1,2.

⁴⁷ Там же. Л.26.

в донесении главного прокурора Бессарабии Генеральному прокурору Румынии, – два советских самолета сбросили на территорию этого уезда парашютистов-террористов, и с началом поисков они были обнаружены. Последовал бой между силами жандармов и террористами-парашютистами, следствием которого была гибель троих парашютистов, гибель двоих жителей коммуны Сырец и ранение троих жителей»⁴⁸.

30 жандармов во главе с офицером продолжили поиски парашютистов и обнаружили их. Четверо подпольщиков, не желая сдаваться, приберегли последний патрон для себя, трое, в том числе связная Е.Гринберг, были схвачены. Еще один участник Центра настигнут карателями 29 сентября в 10 км от места боя, близ села Стецканы Оргеевского уезда. Будучи окружен, он застрелился⁴⁹. Арестов по результатам допросов участников подпольного Центра сигуранце провести не удалось; они были расстреляны.

В 1941-1942 гг. предпринят еще ряд попыток связаться с оставленным в Молдавии подпольем. Близ Сорок, Бельц, Кишинева, Унген, Бендер, Сипотен, Фалешт, Кагула сброшены группы парашютистов. Связным давались также задания разведывательного и диверсионного характера⁵⁰. Румынская контрразведка отмечала «фанатизм, с которым они пытаются выполнить свое задание»⁵¹. Однако вследствие неблагоприятной военно-политической обстановки в Молдавии и недостаточной боевой и политической подготовки участников групп ни одной из них выполнить задание не удалось.

Отсутствие руководителей с опытом политической работы в 1918-1940 гг., полагали карательные службы противника, предотвратит развертывание патриотической борьбы в Бессарабии. «Ввиду отсутствия структурно сформированного органа крупного масштаба, – отметила сигуранца Кишинева в декабре 1941 г., – коммунистическое движение в городе не проявлялось до настоящего времени в уличных демонстрациях, волнениях и распространении подрывного материала, не принимало форму открытой борьбы; вся подрывная деятельность этого движения, за небольшим исключением, проявлялась в форме терроризма и саботажа»⁵².

Отсутствие связей с подпольем беспокоило партийное руководство Молдавии. Его ссылки в отчетах, направляемых Центральному комитету ВКП(б), на то обстоятельство, что «партизанские отряды и диверсионные группы были оставлены без средств [радио] связи»⁵³, а «трудности в руководстве подпольными партийными организациями и партизанским движением на территории МССР заключаются в том, что ЦК КП(б) М не имеет в своем распоряжении средств связи»⁵⁴, были справедливы. Но отсутствие связи с подпольем Молдавии означало, что направлять патриотическую борьбу на территории республики ЦК КП(б)М не в состоянии. В начале 1942 г. канал партийного влияния на политическую об-

⁴⁸ НА РМ. Ф. 173. Оп.2. Д.586. Л.2.

⁴⁹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.579; Афтенюк А., Елин Д., Коренев А., Левит И. Указ. Соч., С.218; НА РМ.Ф. 173. Оп.2. Д.586. Л.2.

⁵⁰ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4309. Л.147. См. также: Афтенюк С., Елин Д., Коренев А., Левит И. Указ. соч. С. 227, 228

⁵¹ НА РМ. Ф.706. Оп.1. Д.9. Л.42.

⁵² Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.257.

⁵³ АСПО. Ф.3280, Оп.1. Д.4.Л.28.

⁵⁴ Там же. Л.7.

становку в оккупированной республике был все же изыскан. Передаваемые Московским радио сведения о ходе войны, показывали румынские пленные, распространяются среди населения Бессарабии и «Транснистрии». ЦК КП(б) Молдавии обратился к ЦК ВКП(б) за помощью в организации выпуска двух газет, на молдавском и русском языках, в подготовке радиопередач на молдавском языке и за разрешением собрать находящихся в эвакуации руководящих работников для использования их в целях развертывания борьбы в оккупированной Молдавии по заданиям командования Южного фронта⁵⁵.

28 мая 1942 года, когда противник развернул новое наступление на южном фланге советско-германского фронта, бюро ЦК КП(б) Молдавии приняло постановление «Об усилении партизанской войны в тылу немецких захватчиков»⁵⁶. 30 мая 1942 г. при ставке Верховного Главнокомандования был образован Центральный штаб партизанского движения во главе с секретарем ЦК Коммунистической партии Белоруссии П.К. Пономаренко. При Украинском ШПД в октябре 1942 г. был образован Молдавский отдел.

И.И. Алешин

С декабря 1942 г. отдел возглавил бывший секретарь Каменского районного комитета партии, секретарь ЦК КП(б) Молдавии И.И. Алешин. Начинался новый период патриотической борьбы в оккупированной Молдавии.

Формирование новых подпольных групп в первый период Великой Отечественной войны

Несмотря на отсутствие в Бессарабии подпольного Центра, оккупанты опасались развертывания коммунистического движения. «В последнее время, — отмечено в отчете сигуранцы за декабрь 1941 г., — установлен полный поворот коммунистической деятельности к тактике агитации в массах; это указывает на то, что стадия сосредоточения, в которой, видимо, находилось коммунистическое движение, пройдена, и сейчас руководящие деятели готовятся выйти из глубокого подполья и возобновить коммунистическую деятельность путем обсуждения злободневных социальных проблем...»⁵⁷.

Как попытку коммунистов подготовить развертывание подпольных организаций расценивала полиция усиление патриотической агитации. В Кишиневе, сказано далее, «в среде рабочих, особенно при случайных встречах, возникаю-

⁵⁵ Там же. Д. 63. Л.26.

⁵⁶ Коммунистическое подполье Молдавии. 1941-1944. — Кишинев: Картя Молдовеняскэ. 1984. С.7.

⁵⁷ Там же. С.258.

щих на углах улиц или по пути на работу, или на биржах труда распространяются лозунги Коммунистической партии. Под видом бесед или комментирования событий определенные лица распространяют коммунистические лозунги и стараются создать условия для вступления в ряды коммунистического движения безработных или недовольных, подготавливая таким образом базу для перегруппировки и восстановления кадров для общего выступления»⁵⁸. «Коммунистическая», – в действительности просоветская патриотическая, – пропаганда велась повсеместно: на бирже труда, на улицах, на рынках и даже в коридорах оккупационных учреждений⁵⁹.

Инициативу формирования подполья взяли на себя патриоты, членами ВКП(б) не являвшиеся. В селе Белявинцы Бричанского района организовала подпольную группу молодежи секретарь комсомольской организации Мария Рябая; патриоты выпускали листовки. Группа была раскрыта, ее участники М.П. Рябая, бывший председатель Берлинецкого сельсовета В.И. Еленчук, подпольщики И.А. Оращук, В.П. Лукьян и Д.Ф. Герштега расстреляны в Каракушанском лесу⁶⁰.

Осенью 1941 года начала складываться и подпольная патриотическая группа в районном центре селе Сынжерея. В группу входили Василий Журжиу, Михаил и Иван Макиевы, Михаил Корман, Дмитрий Андриуца. Ее целью было ведение патриотической пропаганды и сбор оружия; с приближением фронта подпольщики намеревались нанести удар по отступающим немецко-румынским войскам. Сентябрьской ночью 1941 г. участники группы, напав на жандармский патруль, раздобыли 2 револьвера и карабин⁶¹. На полях боев они разыскали еще 18 револьверов и 5 винтовок⁶². В гетто Дубоссар подпольную группу попытался создать бывший сотрудник райкома комсомола И.Н. Дешевый. По доносу он был арестован эсэсовцами и подвергнут истязаниям, но ни в чем не признался⁶³.

Организацию с ответвлениями в селах Николаевка, Кугурешты, Васкауцы и Кунича начал формировать слушатель юридических курсов С.И. Гулеватый. Группа собирала оружие и сведения о моральном состоянии населения⁶⁴. Попытки самозащиты предпринимали евреи. 6 июля 1941 г., когда после отхода советских войск в Бричанах толпа принялась избивать прохожих-евреев и громить еврейские магазины, из еврейской молодежи был создан отряд самообороны. Погром прекратился, но 22 июля участников отряда, 47 человек, расстреляли румынские войска⁶⁵. В первые дни оккупации в патриотическую группу организовались жители села Шапте Бань комсомольцы-евреи Ш.М. Койфман, Х.А. Мордарь, М.А. Мордарь, а также молдаване Ф.Ф. Струнгарь, Д.С. Довгарь, И.И. Года и другие. 6 июля Ф.Струнгарь и братья Мордарь из добытой ими винтовки застрелили немецкого солдата. Они были схвачены оккупантами и расстреляны в Петрушанском лесу. Тем не менее, И.И. Года во время дорожных работ раздобыл еще одну винтовку и обстрелял конвоиров; он также был схвачен и расстрелян⁶⁶.

⁵⁸ Там же. С.258.

⁵⁹ Там же. С.258, 262.

⁶⁰ Молдавская ССР в Великой Отечественной..., Т.2. С.247, 248, 579.

⁶¹ Левит И.Э. Указ. соч., С. 357.

⁶² АСПО.Ф.3280. Д. 1033. Л.2.

⁶³ См.: Гратинич С., Шорников П. Время выбрало их.// Молодежь Молдавии. 1987. 24 марта. Шорников П. Зондеркоманда в Дубоссарах. С. 37, 38.

⁶⁴ Молдавская ССР в Великой Отечественной..., Т.2. С.276, 277.

⁶⁵ Назария С. Холокост: страницы истории. С.93.

⁶⁶ Архив социально-политических организаций (Далее-АСПО). Ф.3280, Оп.1. Д.674. Л.14.

В Кагуле разветвленную подпольную организацию создал комитет, в который вошли учитель Михаил Краснов⁶⁷ и комсомольцы Павел Поливод (бывший ополченец), Тимофей Морозов и Анастасия Семиненко⁶⁸. В начале сентября 1941 года на квартире у А.Семиненко состоялось заседание комитета, на котором была обсуждена программа действий и распределены обязанности. Организация, говорилось в программе, должна собирать оружие, готовиться к диверсиям и саботажу, уничтожать склады с боеприпасами, разрушать мосты, пускать под откос поезда. Основу организации составили участники ополчения, в июне-июле 1941 года принявшие участие в боях на границе. На втором заседании комитет утвердил текст листовки, раскрывающей сущность войны и призывающей население к саботажу мероприятий оккупантов. После заседания несколько десятков рукописных листовок были распространены в Кагуле и окрестных селах⁶⁹.

Михаил Краснов

Кагульская подпольщица Мария Стаценко

Кагульский подпольщик Василий Кожокару. Дважды бежал из застенка. Казнен в Кишиневской военной тюрьме 2 октября 1942 года.

Две другие группы молодежи сложились в Кагуле вокруг молодого крестьянина Николая Кавчука и учительницы Евдокии Панчук⁷⁰. В селе Гаваносы группу патриотов сплотили уже упомянутый учащийся-гагауз Валентин Стефоглу и учитель-болгарин Александр Кулаксыз. В конце сентября кагульский комитет

⁶⁷ Отец М.И. Краснова, по национальности болгарин, бывший офицер белой армии А.И. Деникина, в 1940 г. был арестован. Мать – русская. В 1940-1941 гг. М.И. Краснов работал учителем в школе села Зернешты Кагульского уезда. См.: Латыева Л. Орлы остаются в небе. – Кишинев. 1971.

⁶⁸ О социальном составе подпольщиков румынская полиция собрала следующие данные: «Речульский Танасе, 32 года, рыбак; Максименко Аким, 39 лет, рыбак; Поливод Павел, 21 год, сапожник; Кравченко Иван, 34 года, рыбак; Маравела Дмитрий, 20 лет, рабочий; Сатохин Семен, 24 года, бараночник...», «Кавчук Николай, 20 лет, земледельец; Долгов Савин, 17 лет, столяр; Кожокару Василий, 19 лет, сапожник; Сиваков Иван, 17 лет, ученик-механизатор сельского хозяйства; Горбунов Федор, 19 лет, портной; Николаев Стефан, 19 лет, слесарь; Туту Константин, 25 лет, земледельец; Малахов Марк, 27 лет». (Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.581).

⁶⁹ Молдавская ССР в Великой Отечественной..., Т.2. С.266.

⁷⁰ НА РМ. Ф.680. Оп.1. Д.4480. Л.937.

объединил патриотические группы Кагула, а также сел Гаваносы, Копчак, Московской, Мусаид. Из деталей, приобретенных М.Красновым в румынском городе Галац, подпольщик Павел Каймакан собрал радиоприемник. Участники организации начали прослушивать передачи московского радио и распространять среди населения и даже среди румынских солдат сведения о положении на фронте, распространяли патриотические листовки. Подпольщики снабжали одеждой и питанием бежавших советских пленных. Разобрав у станции Гречены железнодорожный путь, пустили под откос паровоз и вагон⁷¹. Намереваясь перейти к вооруженной борьбе, раздобыли пулемет, 14 винтовок, 63 гранаты, 3 пулеметные ленты, 560 патронов⁷².

На поиски подпольщиков сигуранца бросила группу провокаторов. Был также начат розыск более 20 бывших ополченцев. Часть из них – И.Максименко, И.Кравченко, П.Поливод, И.Колодеев, Д.Маравела, Дм. Левицкий – входили в состав подпольной организации. 2 марта 1942 года начались аресты. Всего были схвачены 47 человек. Показания дал только Левицкий, другие арестованные не признавались ни в чем. Эта группа, доложила Бессарабская резиденция ССИ (военная контрразведка), «преданная до самопожертвования коммунистическим идеалам, отказывается давать какие-либо показания относительно своей деятельности и не выдает остальных партизан, оставшихся на свободе. Они предпочитают умереть, чтобы оставшиеся в живых продолжали борьбу»⁷³. Никто не выдал активную участницу организации Евдокию Панчук. Но конспиративного опыта подпольщикам не хватало. С помощью провокаторов сигуранца выяснила, что они ставили себе целью «взорвать общественные здания, уничтожить железные дороги, общественно-полезные сооружения, как то: мосты через местные озера и мост через Прут по шоссе Кагул-Оанча. Для осуществления этих террористических действий и приобретения необходимой взрывчатки и вооружения они собирались совершить нападения на отдельные военные патрули, вызвать крушение военного состава с боеприпасами или же раздобыть на складах необходимый материал»⁷⁴.

Во время следствия, в апреле 1942 г., подпольщики подготовили побег из Кишиневской тюрьмы. Он не удался из-за ареста помогавшего им надзирателя Григория Кострицкого, выданного камерным провокатором. Один из подпольщиков, 16-летний Иван Сиваков, был при побеге убит охраной. Другой надзиратель, румын Ион Маноле, сообщил Михаилу Краснову имена провокаторов, действующих среди заключенных. Это позволило нескольким кагульчанам, а также парашютистам и партизанам подготовить и осуществить новый побег. «В ночь на 5 июля 1942 года, – доложил в Бухарест губернатор К.Войкулеску, – из Кишиневской военной тюрьмы пытались бежать 11 приговоренных к смерти. Будучи обнаружены, скрылись только 5, из которых 2 схвачены»⁷⁵. Среди совершивших этот побег были кагульские ополченцы И.Максименко и И.Кравченко⁷⁶.

⁷¹ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.267.

⁷² Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970. С.224.

⁷³ Левит И.Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. С.370.

⁷⁴ Цит. по: Афтенюк С., Елин Д., Корнев А., Левит И. Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1970. С. 225.

⁷⁵ НА РМ. Ф.706. Оп.1. Д. 483. Л. 406.

⁷⁶ Там же. Ф.680. Оп.1. Д.4481. Л.839.

14 июля 1942 г. военно-полевой суд 3-го румынского корпуса вынес по делу о Кагульской подпольной организации приговор. Михаил Краснов и члены комитета Павел Поливод, Тимофей Морозов, Василий Кожокару и Николай Кавчук были приговорены к расстрелу, одиннадцать участников организации были осуждены на вечную каторгу, а другие 30 приговорены к различным срокам тюремного заключения. Вместе с подпольщиками были осуждены также надзиратели Г.Кострицкий и И.Маноле, стремившиеся облегчить их участь. К смертной казни за участие в боях против румынских войск были приговорены также И.Максименко, И.Колодеев и И.Кравченко, а Д.Маравела – к пожизненной каторге. Стойкость их и их товарищей помогла избежать приговора четверым подпольщикам. В то же время были приговорены к тюремному заключению 7 подследственных, к организации непричастных, поскольку, не выдержав пыток, они оговорили себя.

В ночь на 22 сентября приговоренные к расстрелу кагульчане Михаил Краснов, Василий Кожокару, Павел Поливод, Николай Кавчук, Тимофей Морозов, Иван Колодеев, Иван Кравченко и Иван Максименко, уроженец села Нишканы парашютист Петр Гинкулов, а также Федор Максименко, приговоренный к тюремному заключению, вновь бежали из Кишиневской военной тюрьмы. Но оккупанты успели поднять тревогу и устроили облаву. Скрыться удалось только И.Кравченко и И.Максименко⁷⁷; они скрывались до последнего дня оккупации и остались в живых. Приговоренные к смерти, в том числе руководитель Кагульского подполья Михаил Краснов, были схвачены и расстреляны⁷⁸. В заключении погибла подпольщица Анастасия Симиненко⁷⁹.

Попытки строить подполье по схеме большевиков – партийный комитет и связанные с ним низовые организации, – были предприняты на восточном берегу Днестра. Наиболее успешно формировалась сеть подполья в Каменском районе, где проживали 183 коммуниста, почти пятая часть всех членов КП(б) Молдавии, оставшихся в оккупированной республике⁸⁰. Но и здесь начало подпольной организации положили как коммунисты, так и беспартийные патриоты. Уже в октябре 1941 г. коммунист зоотехник М.Л. Скрицкий и беспартийный учитель В.Н. Ткаченко установили радиоприемник в физическом кабинете каменской украинской школы. Здесь М.Л. Скрицкий, В.Н. Ткаченко, а также работник маслозавода Е.Р. Мазур, учитель из села Севериновка М.Я. Поповский, бывший помощник прокурора А.Р. Самоний стали встречаться для совместного прослушивания передач Московского радио. Сведения о ходе войны они начали распространять среди населения, присматривая людей, пригодных для подпольной работы. Первые листовки были написаны от руки.

Под видом продавца деревянных корыт бывал в базарные дни в Каменке бывший председатель Совета села Хрустовая Я.А. Кучеров, оставленный для работы в подполье. Кучеров участвовал в революции и гражданской войне, с 1924 г. состоял в ВКП(б) и обладал политическим опытом. Он установил контакт с М.Л. Скрицким, В.Н. Ткаченко, М.Я. Поповским, А.Р. Самонием, а также Ф.К. Демецким. Перед ними он поставил вопрос о расширении патриотической

⁷⁷ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2. С.581.

⁷⁸ Там же. С.581.

⁷⁹ Там же. С.268.

⁸⁰ АСПО. Ф.3280, Оп.1. Д.1019. Л.9.

пропаганды. В развалинах здания райисполкома подпольщики нашли пишущую машинку. Клавиатура была повреждена, отсутствовали несколько букв, но М.Л. Скрицкий начал печатать на машинке листовки, дописывая отсутствующие буквы от руки.

Другая подпольная группа сложилась в селах Катериновка и Рашково во главе с М.Ф. Максимовичем. У нее также имелся радиоприемник. В поисках питания к нему подпольщики вышли на товарищей из Каменки и получили батареи. К концу 1941 г. в составе подпольных групп района работали до 20 патриотов. В феврале 1942 г. подпольщики провели организационное собрание, на котором избрали районный партийный комитет. Секретарем партийной организации стал Я.А. Кучеров. По его предложению 4 мая 1942 г. был создан подпольный комитет коммунистической организации Каменского района. Секретарем подпольного райкома был избран Я.А. Кучеров, его заместителем – М.Л. Скрицкий, главой военного отдела – А.Р. Самоний, отдел пропаганды и агитации возглавил М.Я. Поповский, техническим секретарем был утвержден В.Н. Ткаченко. В целях создания новых подпольных групп члены комитета разделили ответственность за подбор подпольщиков в селах. Я.А. Кучеров отвечал за работу в селах Хрустовая и Болган, М.Я. Поповский – в Севериновке, В.Н. Ткаченко – в Алексеевке, Строенцах, Подойме; А.Р. Самоний – в селах Окница, Грушка, Александровка, а также в Каменке; М.Л. Скрицкий – в Рашково, Катериновке, Каменке.

Протокол заседания представлял собой идеологический и программный документ и текст присяги, и члены комитета в отступление от правил конспирации подписали его. «Мы, коммунисты и беспартийные большевики Советской Молдавии, – говорилось в протоколе, – ставим своей целью организовать партизанскую борьбу и вместе с Красной Армией изгнать фашистских захватчиков с территории нашей социалистической Родины. Нет таких сил, которые бы сломили нашу любовь к Великой Социалистической Родине. Подписывая это, мы клянемся перед Родиной, Центральным Комитетом ВКП(б) и лично перед товарищем Сталиным, что мы, коммунисты и беспартийные большевики Молдавии, не пожалеем своих сил, крови, а если нужно и жизни, для полной победы над врагом. Нарушение присяги – это измена, за которую каждый член комитета несет ответственность своей жизнью»⁸¹.

Я.А. Кучеров требовал от членов комитета соблюдения правил конспирации, предварительной проверки будущих подпольщиков поручением им несложных заданий, тем не менее, развертывание подполья шло быстро. 9 июня 1942 г. комитет констатировал, что подпольные ячейки существуют в Каменке и 13 селах района, а общее число подпольщиков составляет 63 человека. Партийный принцип комплектования был отброшен. В подпольной организации состояли 38 коммунистов, 18 комсомольцев и 7 беспартийных. Показательно, что в числе руководителей ячеек наряду с коммунистами В.П. Бондарчуком, С.В. Волянским, Т.Я. Вагалюком были комсомольцы А.Г. Борщ, П.Д. Дрождей, А.А. Михайловский, беспартийные Н.А. Иванов, М.Ф. Максимович и другие.

Главное внимание подпольщики уделяли патриотической пропаганде и организации саботажа мероприятий румынских властей. В развалинах здания районной типографии им удалось отыскать клише с портретами Ленина и Сталина, а

⁸¹ Коммунистическое подполье Молдавии. С.14-16.

также шрифт. С мая 1942 по май 1943 г. комитет ежемесячно выпускал по одной листовке. Листовки включали сведения о положении на фронте и инструктивные призывы к борьбе против захватчиков. «Товарищи! – говорилось в одной из листовок, выпущенных весной 1943 г., – гитлеровская авантюра захватить Сталинград и отрезать Кавказ полностью провалилась. В Сталинграде они потеряли 330 000 солдат и офицеров. Не забывайте свой долг перед Родиной. Помогайте Красной Армии быстрее уничтожить фашистов. Уничтожайте военные, хлебные склады, скот, железные дороги».

В распространении листовок в Каменском и других районах Молдавии и Украины участвовали 52 подпольщика, тем не менее, утечек информации не произошло, и организация, несмотря на аресты, о которых речь далее, действовала до освобождения республики. Подпольному комитету, как показали масштабы невооруженного сопротивления, удалось охватить большинство населения Каменского района. Сам факт появления листовок поднимал дух населения. Летом 1943 г. подпольщикам Каменки удалось изыскать в Одессе источник снабжения подпольной типографии бумагой, и листовки стали выпускать по 3-4 раза в месяц⁸².

С осени 1941 г. начала складываться подпольная патриотическая группа в Рыбнице. Начало ей положил работник киномонтажных мастерских З.А. Клишевский. Он собрал радиоприемник, и приступил к прослушиванию радиопередач из Москвы. Вокруг него сплотились коммунисты А.И. Балан, до войны – директор школы в селе Попенки, и Н.Погребняк⁸³. Таким же образом возникла патриотическая группа в селе Жура, где радиоприемник собрал К.И. Василенко. Вместе с ним прослушивали радиопередачи и распространяли среди населения сведения о событиях на фронте односельчане Зосян и Сытник⁸⁴. «Радиотехник Клишевский, – вспоминал после войны А.И. Балан, – установил у меня на квартире радиоприемник. Мы стали принимать сводки Советского информбюро. Материалы аккуратно записывались, переписывались и всякими путями распространялись среди населения. За сводками и материалами приходили из сел Жура, Колбасна, Андреевка, Выхватинцы, Гидирим и других... Немецкой хвастливой пропаганде мы противопоставляли правдивые советские данные о положении на фронтах». В ходе этой работы формировался актив подполья. К группе присоединились уроженец села Выхватинцы бывший секретарь Страшенского райкома комсомола И.И. Деревич и скрывающийся у родственников в селе Попенки после побега из плена бывший заместитель командира истребительного батальона В.И.Рыбалко⁸⁵.

В Григориопольском районе организацию подполья возглавил бывший работник милиции А.Г. Горохов. В ВКП(б) он вступил когда служил в армии, и в районе о его принадлежности к партии знали немногие. Он установил контакт с В.Ф.Поляницыным, которого знал по совместной работе в райисполкоме, с коммунистами Т.А.Остапенко, Д.М. Сестринным и беспартийным Г.Г. Столбиным, директором кинотеатра. Весной 1942 г. они образовали в Григориополе нелегальную партийную группу. Были установлены связи с двумя другими подпольными

⁸² Там же. С. 19.

⁸³ АСПО. Ф. 58. Оп.1. Д. 563. Л.47.

⁸⁴ Там же. Л.60.

⁸⁵ Коммунистическое подполье Молдавии. С.30-32.

группами, состоявшими в основном из беспартийных. Однако в начале сентября 1942 г. А.Г. Горохов и другой бывший работник милиции, Беспаленко, были схвачены «самоохраной» немецкого села Колосово за то, что в начале 30-х годов участвовали в раскулачивании местных немцев. В течение трех дней их подвергали на допросах избиениям и издевательствам, однако показаний о подполье А.Г. Горохов не дал. 8 сентября он был расстрелян. Арест и гибель А.Г. Горохова насторожили подпольщиков, но они не только продолжили устную агитацию, но и выпускали рукописные листовки. Организацию возглавил В.Ф. Поляницын⁸⁶.

Зимой 1941-1942 гг. И.Н. Дешевый, оправившись после пыток, установил связи с некоторыми другими патриотами, живущими в Дубоссарах. В учредительном заседании, проведенном в феврале 1942 г., приняли участие бежавший из плена кандидат ВКП(б) И.В. Сокольников, И.Н. Дешевый, комсомольцы Д.И. Надводский и А.М. Жулавский. Руководителем группы, названной «За Родину», был избран И.Н. Дешевый. Все участники группы успели в начале войны повоевать на фронте, а один из них был милицейским работником, то есть знал основы оперативной работы. Группа обзавелась своим человеком в полиции. Им стал Дмитрий Мунтян. Через него подпольщики получили возможность узнавать заранее о подготовке оккупантами облав и обысков, выявлять провокаторов. Жулавский устроился работать в примарию села Маловата, где имелся радиоприемник. Используя сообщения советского радио, подпольщики составляли рукописные листовки и распространяли их на рынке. Готовясь к вооруженной борьбе, подпольщики вели разведку складов горючего и боеприпасов, накапливали оружие.

К весне 1943 г. группа раздобыла 15 винтовок, около 300 патронов к ним, три пистолета и гранату⁸⁷. Однако в начале марта в селе Ягорлык жандармы обнаружили у дороги склад оружия и боеприпасов. В результате расследования была раскрыта подпольная группа, руководимая примаром села⁸⁸.

Игнат Дешевый. 1940 г.

Группу патриотичной молодежи сплотил в районном центре Слободзея бывший комсорг колхоза Кирилл Цуркан. В октябре 1941 г. в нее входили комсомольцы П.М. Мунтян, Г.Н. Цуркан, К.П. Цуркан, С.К. Панфилов, В.Ф. Балан. Они призывали односельчан уклоняться от выполнения трудовой повинности, не давать продуктов для румынской армии. К февралю 1942 г. группу пополнили патриоты из сел Суклея, Карагаш, Глинное и Чобручи; общее число подпольщиков составило 24 человека. В ее состав входили и бежавшие из плена военнослужащие Красной Армии. Была установлена связь с подпольщиками

⁸⁶ АСПО. Ф. 58. Оп.1. Д. 563. С.54.

⁸⁷ там же. Д.1013. ЛЛ.15-18.

⁸⁸ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 г. Сборник документов и материалов в двух томах. Т.2. С.302.

Одессы. Готовясь к вооруженной борьбе, участники группы раздобыли 2 автомата, 9 винтовок и охотничье ружье. Слободзейские подпольщики уничтожили троих жандармов и двоих пособников оккупантов. Стремясь воспрепятствовать вывозу хлеба из района, 4 сентября Кирилл Цуркан, Гавриил Цуркан и Петр Мунтян застрелили румынского чиновника. Оккупанты провели массовые обыски у «подозрительных лиц» и обнаружили спрятанное оружие⁸⁹. Начались аресты.

В Тирасполе с августа 1941 года до ноября 1942-го размещалось оккупационное управление «Транснистрии» и штабы карательных служб противника. В пригородном селе Суклея румынское командование разместило крупнейший в области лагерь военнопленных, в котором находились свыше 5000 солдат и офицеров Красной Армии, попавших в плен во время боев на Днестре и при обороне Одессы. В здании детских яслей №16 на Бородинской площади оккупанты устроили Центральную тюрьму. Общее число заключённых достигало 1500 человек. Большинство их составляли партизаны и подпольщики Молдавии и соседних районов Украины, подлежащие расстрелу, а также приговоренные к пожизненной каторге или тюремным срокам в 15-20 лет. Имелись в городе и другие места заключения. Узников пытали, морили голодом, содержали в невыносимых антисанитарных условиях. Это было известно в городе. С осени 1941 г. в Тирасполе начали формироваться группы, стремившиеся помочь пленным и заключенным.

В начале 1942 г. девушки В.Г. Чернова, Т.Н. Костюк, Л.И. Скок, Т.И. Ткаченко⁹⁰ организовали в городе сбор продуктов для военнопленных и приготовление горячей пищи. Вокруг этого комитета сложился актив из девушек и женщин: А.Ткаченко, Т.М. Скок, З.Гарниченко, О.М. Руденко, К.Чернова, М.Каплун, А.Григоращенко, О.Руднева, В.З. Лозинская, З.Калиниченко и многие другие. Получив взятку, румынские охранники пропускали на территорию лагеря повозку с питанием. Вместе с пищей пленным передавали сводки о положении на фронтах. Подобным же образом действовала подпольная группа Г.К. Грунерта, в которую входили его супруга П.Г. Грунерт и ее подруги З.В. Привалович, П.Т. Слободян (Николайчук), Л.М. Шведова (Гришко). С начала 1942 г. они собирали у населения одежду, деньги, обувь, хлеб и передавали военнопленным и заключенным⁹¹. 11 военнопленных выкупили в 1942-1944 гг. из лагерей бухгалтер завода им. Кирова Г.И. Будак и его жена Марта Никифоровна. Григорий Будак в годы гражданской войны воевал в бригаде Г.И. Котовского; во время оккупации пошел работать в пекарню, которой заведовал С.М. Волков. Им удавалось экономить часть муки и масла, используемых при выпечке хлеба, и снабжать продуктами питания, деньгами и подложными документами беглых пленных и заключенных.

Изыскивали средства для оказания помощи военнопленным и заключенным и другие патриоты-администраторы предприятий. Участник Каменской подпольной организации С.В. Волянский, администратор маслосырзавода, организовал изготовление масла по двум технологиям. Часть его, предназначенная для снаб-

⁸⁹ АСПО. Ф. 58. Оп.1. Д.164.Л. 6-8; Д.1014. ЛЛ.16, 17, 30,44,54.

⁹⁰ По окончании войны девушки вышли замуж, и в архивных документах фигурируют под двойными фамилиями: В.Г. Каплиева-Чернова, Т.Н. Колесникова-Костюк, Л.И. Лебедева-Скок, Т.И. Касьянова-Ткаченко, З.И. Манько-Макарова.

⁹¹ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.1007. ЛЛ.1,2.

жения румынских и немецких войск, быстро портилась. Доброкачественную продукцию подпольщики продавали населению, а вырученные средства использовали для приобретения бумаги, оружия, других нужд организации, раздавали семьям солдат Красной Армии⁹². В Тирасполе заведующий мельницей С.П. Тесленко предоставлял в распоряжение подполья деньги и муку, заведующий маслобойным предприятием Ф.И. Турчанинов – деньги и растительное масло, руководитель Дубоссарской подпольной организации М.И. Куликов, администратор маслосырзавода, снабжал продовольствием партизан Фрунзовского района Украины. Патриоты воспользовались тем обстоятельством, что румынские власти освобождали находящихся в лагерях военнопленных молдаван. Дальний родственник Г.И. Будака учитель из села Слободзея П.И. Друца выписывал беглым военнопленным справки о том, что они родились в Слободзее; «документы» бесстрашно заверяли печатью колхоза⁹³.

Организацию с широким кругом задач создала Зинаида Чебан. В июне 1941 года она добровольно вступила в Красную Армию, воевала, но попала в окружение и в плен. В начале 1942 г., бежав из лагеря, возвратилась в Тирасполь. Ее отец-рабочий, партизан гражданской войны Николай Васильевич Чебан, и брат Виктор, а также учительница М.Т. Бондарь, домохозяйка А.П. Савченко, учащаяся Т.С. Бунчуковская, обсуждали положение на фронте, пели советские песни. На квартире у Бунчуковской жили немецкие военные. По имевшемуся у них радиоприемнику Татьяна прослушивала и записывала сводки Советского Информбюро. Используя эти данные, подпольщики начали составлять и распространять в городе рукописные листовки. Виктор Чебан поступил работать в железнодорожные мастерские, где ремонтировали вагоны. Там он подрезал тормозные шланги, засыпал в бункеры вагонов песок, вел учет проходящих составов, а данные передавал сестре. Затем Виктор познакомился с румынским солдатом-коммунистом Николаеску, который помог подпольщикам установить связь с заключенными Центральной тюрьмы. Сама Зинаида устроилась на работу в префектуру уборщицей. Эта работа позволила ей добывать бланки паспортов. Заполняя их, подпольщики снабжали «документами» беглых пленных⁹⁴. По заданию Зинаиды ее подруга Мария Бондарь устроилась работать на действующую в Тирасполе немецкую радиостанцию⁹⁵.

Возникшие в Тирасполе подпольные группы Я.Т. Гончаренко и Э.А. Скасса на основе сводок Совинформбюро более двух лет составляли и распространяли листовки. Действовала в городе и подпольная пионерская организация, в которую входили сестры Надежда и Любовь Колесниченко, Галина Сплавишевская, Феня Соловьева, Александра Бердичевская и Мария Скопенко. В 1942 г., когда группа начала свою патриотическую работу, старшей из девочек было 17, а младшей – 11 лет. Участницы группы составляли, переписывали печатными буквами и расклеивали по городу листовки, в которых призывали население к борь-

⁹² Коммунистическое подполье Молдавии. С. 23, 76, 86.

⁹³ Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1975. С.52-54. АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.752. ЛЛ.2,3,27,30. См. также: Ломанченко Г., Феч Ю. На смерть ради жизни. – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1975. С. 20-30.

⁹⁴ Ломанченко Г., Феч Ю. Указ. соч., С.29.

⁹⁵ Там же. С.30-39.

бе против немецко-румынских захватчиков, к саботажу приказов румынской администрации⁹⁶.

В бессарабских уездах патриотическое подполье формировали лица, в состав коммунистических организаций прежде не входившие. Первыми участниками подпольной группы молодежи в городе Сороки были студенты Сорокского сельскохозяйственного лицея Иван Ганя, Георгий Булат, Алексей Кумпэтэ, Леонид Жоян и Валентин Шлягун. В 1942 г. они начали патриотическую пропаганду, за что И.Ганя был схвачен полицией и подвергнут допросам «с пристрастием». Он ни в чем не признался, был освобожден, но, опасаясь ареста, уехал в село. Возвратившись через несколько месяцев в Сороки, агитировал молодежь против выезда на работу в Германию и вновь попал на заметку полиции. За хранение политической литературы был исключен из лицея. Ганя и студенты Войцехович, Вражман и Булат собирались на квартире у последнего, слушали по радио сводки о положении на фронтах и распространяли их содержание среди учащихся. В целях конспирации участники организации были разделены на группы, руководимые Владимиром Войцеховичем, Валентином Шлягуном и Иваном Вражманом. Осенью 1942 года подпольщики провели общее собрание, на котором выбрали руководителем Георгия Булата и сформулировали свои задачи:

- «...а) проведение антифашистской пропаганды среди населения и учащейся молодежи с тем, чтобы вселять веру в победу Красной Армии;
- б) распространять листовки с сообщениями Совинформбюро;
- в) сколачивать вокруг себя и вовлекать в организацию новых участников из молодежи;
- г) борьба с железногвардейцами, а с приближением частей Красной Армии оказывать ей помощь путем вооруженного выступления против оккупационных войск»⁹⁷.

Как и в Тирасполе, в Кишиневе формирование нового подполья началось с возникновения групп граждан, стремившихся помочь военнопленным бойцам Красной Армии. В январе 1942 г. контрразведка 3-го армейского корпуса обратила внимание полиции Кишинева на то обстоятельство, что Федор Слухов, в 30-е годы активный участник Кишиневского общества МОПР, собирает среди населения деньги для нужд русских военнопленных, и «при этом проводит интенсивную коммунистическую пропаганду, говоря, что Советская Армия реокупировала почти половину утраченной территории и вскоре коммунизм победит»⁹⁸. В мае 1942 г. подпольную патриотическую группу, в которую вошли рабочие В.Г. Горбатков, П.Г. Гушан, Т.Л. Стукалов, создал кишиневский слесарь Николай Бачу. Позднее к ним присоединились Ф.Х. Думби, А.Г. Жигня, П.Я. Омелянченко, И.С. Цуркан. Летом 1942 г. начала складываться молодежная подпольная группа «Красная Звезда» во главе с рабочим-электриком Вениамином Рыбчаком. В нее входили учащиеся и молодые рабочие А. Маржин, Г. Гаснер, В.Маржина, Н.Неверов, Л.Титова, Д.Бедросов, П.Стуловский. Подпольщики раздобыли радиоприемник, установили его в пустующем доме по улице Кирова, 60, организова-

⁹⁶ АСПО. Ф. 58. Оп.1. Д.559. Л.4.

⁹⁷ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне... Т.2, С.259, 581.

⁹⁸ Лисецкий А.М., Сытник М.К. Кишинэул ын аний Марелуй рэзбой пентру апэраря Патрийей. - Кишинэу. Карта Молдовеняскэ. 1985. П.89, 98, 99.

ли прослушивание передач Московского радио и распространение среди населения сведений о положении на фронте⁹⁹.

Активизация подполья с центром в Кишиневе связана с деятельностью Иосифа Бартодзи. Судя по материалам МГБ Молдавской ССР (1948 г.), его настоящее имя – Рауль Вельтман. Родился в 1911 г. в селе Маржина уезда Алба-Юлия, еврей. Чтобы избежать национальных гонений, изменил фамилию и имя на венгерский манер: Вальтенвар Резсо. Окончил политехнический институт в Будапеште. Возвратившись в Румынию, вступил в Коммунистическую партию. Вел подпольную работу в городах Клуж, Сатул Маре, Прахова и в Бухаресте. 23 июня 1940 г., за пять дней до воссоединения Бессарабии с Россией, приехал в Кишинёв под фамилией Вельтынвар. В начале Великой Отечественной войны вступил в истребительный батальон. Был легко ранен, участвовал в окопных работах под Одессой, попал в плен. Владея трансильванским диалектом румынского языка, представил себя «жертвой большевиков». Был освобожден и в конце 1941 г. возвратился в Кишинёв¹⁰⁰.

К этому времени первая волна оккупационного террора миновала. Иосиф Бартодзи выдал себя за беженца из Трансильвании, обзавелся соответствующими документами и стал подрядчиком строительных работ. Это занятие позволяло бывать в городах и селах Бессарабии. В сентябре 1942 г. И.Бартодзи сорвал пропагандистскую акцию оккупантов, попутно осуществив финансовую операцию в духе румынских торгашей, заполонивших Кишинев. «Июшка Бартодзи, – сказано в постановлении губернатора Бессарабии К.Войкулеску №351 от 29 сентября 1942 г., – взял подряд на выполнение некоторых работ, предназначенных для выставки Бессарабии в городском саду, и получил аванс в сумме 85 000 леев. Однако не является для их выполнения и тем самым саботирует работу по завершению подготовки экспозиции». Открытие выставки было сорвано. Саботаж карался расстрелом. Но деньги исчезли, обвиняемый был арделянином, а это, по мнению полиции, снимало с него подозрения в политическом умысле. Губернатор распорядился о заключении И.Бартодзи в лагерь Новые Онешты на 45 дней¹⁰¹.

Поскольку первоначальный состав патриотических групп находился под надзором полиции, особые трудности встретила организация подполья в Бендерах. Но в 1942 г. сформировался новый актив. Его составили Валерий Федоров, Михаил Ратушный и бывший секретарь комсомольской организации села Кайнары Владимир Лунгу. В.Ф. Федоров состоял в подпольном комсомоле Бессарабии еще в 1939-1940 гг. и имел опыт конспиративной работы. До зимы 1941 г. он скрывался в полях и в селах Фырладяны, Джамана, Чебановка. Зимой возвратился в Бендеры и устроился на работу, играл в ресторане. Летом 1942 г. был арестован по подозрению в связях с подпольем, затем освобожден. В ноябре был мобилизован в румынскую армию. Год спустя, в ноябре 1943 г. он бежал из части, возвратился в Бендеры и установил связь с Н.Ф. Калашниковым.

Михаил Ратушный, оставленный в подполье службой государственной безопасности Молдавской ССР, нарушал проводную связь румынских частей, вел па-

⁹⁹ НА РМ. Ф. 3280. Оп.1. Д.1022. ЛЛ.1-5.

¹⁰⁰ Там же. Л23.

¹⁰¹ Остается неясным, где и когда уроженец Трансильвании освоил русский язык, которым владел свободно. Подробнее см.: Шорников П. Миссия Иосифа Бартодзи. // Еврейское местечко. 2009. №29. 31 июля.

триотическую агитацию. В 1942 г. во время случайного обыска жандармы нашли у него дома советские книги. Ратушный был арестован и провел в заключении три месяца. После освобождения перешел на нелегальное положение. Владимир Лунгу, которому к началу войны едва исполнилось 17 лет, проживал с родителями в Кайнарах. Летом 1941 г. вступил в истребительный батальон. В первые дни оккупации, когда начались аресты советских активистов, В.Н. Лунгу перебрался к деду в Бендеры, затем к дяде в пригородное село Борисовку. Бегство оказалось своевременным: через два дня был арестован и его отец, Николай Лунгу. В сентябре 1941 г. Владимир возвратился в Кайнары и был арестован. Но волна слепого террора уже шла на убыль, и он остался в живых. До февраля 1942 г. находился в Центральной кишиневской тюрьме, потом как «агитатор» был приговорен к трем годам заключения¹⁰².

В тюрьме Лунгу познакомился с Николаем Калашниковым. Исходя из пропагандистских соображений, 1 мая румынские власти досрочно освободили группу молодежи. Семья Лунгу переехала из Кайнар в Бендеры, и Владимир стал учеником маляра. Работая на ремонте здания больницы, где лечились раненные румынские солдаты, узнавал от них о стойкости русских войск, о расправах между немцами и румынами, и распространял эти сведения среди знакомых. Возобновило знакомство с Н.Калашниковым.

Участники организации Калашникова, работающие на железной дороге, подсыпали песок в буксы вагонов, портили линии связи, электропередач. Через Лидию Лунгу, сестру Владимира, подпольщики помогали советским пленным. Однако молодежь требовала осуществления диверсий. «В 1942 году, – вспоминал подпольщик И.Д. Ткач, – я поступил работать на мост [через Днестр], чтобы выяснить, как подойти к нему, чтобы его взорвать. Встретился с Калашниковым. Он дал мне задание ознакомиться с местностью, в том числе вести пропаганду среди населения и готовить кадры, сказал, что в ближайшее время начнем действовать... Я начал подготавливать других ребят. Но в ходе работы слышу от них, что у нас нет оружия, говорят, что мы бы и сейчас начали бить немца. Все они патриоты советской власти. Калашникову я говорил, что нам во что бы то ни стало нужно приобрести оружие, тогда люди за нами пойдут, но Калашников ответил, что у нас на первый случай есть немного оружия. Фронт приближался, но все-таки сколько я ни встречался с командиром, он всегда говорил, что нам надо приступать к выполнению задания, но он все успокаивал, говорил, что скоро приступим: «Я как командир знаю, что делаю, вы должны выполнять мои задания»¹⁰³.

В село Балан Рышканского района в конце августа 1941 г. возвратились после неудачной попытки эвакуироваться комсомольцы А.А. Рябой, Ф.А. Крицкий, И.Д. Гуцул, Н.Е. Коропатюк, П.М. Погореловский, Б.И. Голик. Вместе с присоединившимися к ним односельчанами М.И. Гуцулом и И.В. Стратичуком они создали подпольную группу и развернули патриотическую пропаганду. Руководитель группы А.А. Рябой, отнесенный полицией к категории «подозрительных», в ноябре 1941 г. был заключен в концлагерь. В апреле 1942 г. был освобожден, но уже в июне лишен румынского подданства. Это означало, что он в любой момент

¹⁰² Лунгу В. За отчий край. В кн.: Коммунисты вспоминают... – Кишинев. Картя Молдовеняскэ. 1974. С.96.

¹⁰³ АСПО. Ф.3280. Оп.1. Д.157. ЛЛ.41-43.

может быть заключен в концлагерь без выяснения индивидуальной «вины», как «советско-подданный». Тем не менее, группа, используя радиоприемник, имевшийся у примара села, принимала сводки о положении на фронте, выпускала листовки, вела устную агитацию¹⁰⁴.

Под руководством комсомольца В.Н. Гавриша, участника Бессарабского подполья 30-х годов, освобожденного из Ясской тюрьмы, сложилась патриотическая группа из 11 человек в Унгенах. Ее участники вели патриотическую агитацию, помогали бежавшим советским пленным, собирали среди населения средства в помощь политическим заключенным тюрьмы Тыргу-Жиу¹⁰⁵. Патриотическая группа из 10 человек сложилась в липованском (старообрядческом) селе Дундук Ново-Аненского района. Ее руководитель М.М. Чернолуцкий установил связи с руководителем подпольной организации Бендер Н.Ф. Калашниковым, с патриотами, живущими в селах Батык и Чебановка. Подпольщики призывали крестьян саботировать принудительные работы, развинчивали рельсы на железной дороге Кишинев-Бендеры, разобрали два небольших железнодорожных моста и вызвали крушение поезда на участке Каушаны-Киркаешты, прервав на неделю движение. В августе 1942 г. участники группы сожгли заскирдованный урожай, собранный с тысячи гектаров в имении румынского собственника в селе Кетрос-Нямц. Большой отклик вызвало среди населения убийство подпольщиками шефа жандармского поста в селе Ларга¹⁰⁶.

В начале 1942 г. возникла подпольная патриотическая группа в болгарском селе Парканы, расположенном между Тирасполем и Бендерами. В нее вошли учитель-коммунист В.К. Пельтек, его жена одесситка Елизавета Пельтек, комсомольцы Ф.Ангелов, И.И. Степанов, Ф.Я. Вербанов, И.П. Чмиль¹⁰⁷ и другие патриоты. Участники группы распространяли среди крестьян сведения о положении на фронте, призывали саботировать мероприятия оккупантов, организовали сбор продовольствия и одежды и их передачу военнопленным. Несколько раз подпольщики указывали ракетами пролетающим советским самолетам на цель для бомбового удара – железнодорожный мост через Днестр¹⁰⁸.

Разветвленная сеть подпольных организаций сложилась в Южной Бессарабии. В соседнем с Молдавией Болградском **районе** ядро крупнейшей из них составили патриоты-болгары В.Арнаутов, В.Георгиев, И.Гусев, В.Димов, В.Добрев, А.Иванов, В.Каракулаков, Д.Касап, И.Колев и другие. Уже осенью 1941 г. они установили между собой политические связи. Василий Караджов, также входивший в эту группу, создал в Болграде молодежную подпольную организацию, Александр Иванов организовал патриотическую группу из жителей села Червоноармейское, бывший работник Болградского районного комитета комсомола Иван Колев сплотил подпольную группу в селе Владычены. На родине героя борьбы за освобождение Болгарии Христо Ботева, в селе Задунаевка (Арцизский район), действовала связанная с Болградом подпольная группа во главе с И.Тодоровым,

¹⁰⁴ Там же. Д. 674. ЛЛ.14,29,30,31.

¹⁰⁵ Там же. Д.709. ЛЛ.5,6.

¹⁰⁶ Матвеева В. Отряд Михаила Чернолуцкого. В кн.: Во имя Отчизны. Материалы научно-практической конференции «Победа СССР в Великой Отечественной войне и современность». - Тирасполь. 2006. С.62-64.

¹⁰⁷ Архив СПО РМ. Ф.3280. Д.1030. Л.8,9.

¹⁰⁸ Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Т.2. С.286,446.

М.Данчевым и Г.Стойновым. Патриотические группы действовали также в болгарских селах Кубей, Чийшия, Вайсал, Чишмя Варуита.

Общее число участников этих групп превысило 120 человек. Они вели патриотическую пропаганду, организовывали саботаж мероприятий румынских властей. В селе Кубей, где оккупанты содержали в лагере 800 военнопленных, крестьяне, рискуя жизнью, передавали им продукты и одежду, а в начале 1942 г. устроили побег 70 солдат. Пятерых из них долгое время скрывал у себя крестьянин М.Д. Кожухарь. В селе Задунаевка по доносу были арестованы подпольщики Данчев, Тодоров и Стоянов. Несмотря на избиения, они не признались в ведении «антирумынской деятельности» и не выдали никого из товарищей. Подпольщики Ф.Бянов, Д.Вакаренков, М.Лицкан, П.Петров, П.Стойнов, М.Ташев и А.Ротарь продолжили патриотическую работу¹⁰⁹. Многонациональная по составу участников молодежная подпольная организация сложилась в Измаиле. В мае 1942 г., когда организация была раскрыта, самый суровый приговор – пожизненная каторга, – был вынесен болгарину Борису Фельтеву и гагаузке Тамаре Мумжиевой¹¹⁰.

Уничтожение нелегальных групп даже каратели расценивали только как тактические успехи, неспособные сбить волну массового сопротивления. Контрнаступление Красной Армии под Москвой зимой 1941-1942 гг. подняло дух населения. Первоочередными задачами подпольных организаций, заключила ССИ 30 июня 1942 г., являются отбор, проверка и прием членов, пропаганда в пользу Советской власти, приобретение оружия и взрывчатки¹¹¹. Уже в это время оккупанты опасались развертывания в Молдавии партизанской борьбы.

(Окончание в следующем номере)

¹⁰⁹ Бачински А., Дихан М. Истински другари. – Одесса. Маяк. 1969. С.185. История городов и сел Украинской ССР. В 26 томах. Одесская область. Киев. 1978. С.207.

Характеризуя участие болгар Молдавии и Украины в подпольно-патриотической борьбе, отметим, что Николай Иванович Сташков, болгарин из села Мариновка Беляевского района Одесской области, возглавил Днепропетровский областной подпольный комитет Коммунистической партии. В июле 1942 г. он был схвачен гестапо и в январе 1943 г. расстрелян. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. См.: Дихан М. Николай Иванович Сташков (Безсмъртният секретар на обкома)//ВИС. –1969. №2. С.81-89; Политов З. Секретарь подпольного обкома. Москва. 1970; Киссе А. Возрождение болгар Украины. – Одесса. 2006. С.152.

¹¹⁰ Советский Придунайский край, С.200.

¹¹¹ НА РМ. Ф.680. Лп.1. . Д.4477. Л.938.

Пётр ШОРНИКОВ – кандидат исторических наук, эксперт по истории Молдавии периода Великой Отечественной войны. Автор 6 монографий и более 500 статей, посвященных истории и современной проблематике межэтнических и этногосударственных отношений в Молдавии. Участвовал в написании ряда обобщающих трудов.

Доцент Приднестровского университета имени Т.Г.Шевченко. Постоянный автор «Русского поля».

Семейный альбом Победы

МОЙ ПРАДЕД НИКОЛАЙ

Человеческая память устроена так, что мы невольно возвращаемся к важнейшим историческим событиям. О Великой Отечественной войне сказано, написано, снято много и многими. Но снова и снова люди возвращаются к этой святой теме. Мы, словно сверяем свои поступки и мысли с ними, солдатами-героями, совершившими подвиг во имя тех, кто был им дорог. Победа над фашизмом в той страшной войне стала навек великим примером служения Родине. Одной из маленьких частичек победной весны 45-го был мой прадед – Николай Николаевич ВЕРБАНОВ. Человек необыкновенного ума, живой, незаурядный. Память о нём впечатана золотыми буквами в историю моей семьи, нашего рода. Интервью я взял у двух женщин, заставших его в живых, – моей матери Юлии и бабушки Зои Вербановых.

– Мама, расскажи, каким ты запомнила своего дедушку Николая.

Юлия Вербанова: Наверное, он был моим первым и самым преданным другом. На все проказы реагировал со скрытым умилением, даже иногда покрывал, если мне грозило наказание бабушки. Он рассказывал мне много интересного. Очень любил землю, природу, гордился своими успехами в селекции. До сих пор растёт старая груша из двух разных сортов на одном стволе – наследие деда и память о нём. Благодаря дедушке, я ещё до школы читала Сервантеса, Горького, Че-

хова, все хрестоматии по литературе. Жадно читала всё, что попадалось мне под руку в старом шкафу с книгами. А еще он запрещал родителям водить меня летом в детский сад. Как только наступал июнь, моя жизнь превращалась в праздник. Дед брал меня с собой на линейки и пионерские костры. На всю жизнь я, тогда пятилетняя девочка, запомнила улетающие в темное небо искры, красный галстук, который мне кто-то повязал на шею и пионерский гимн, слова которого я тут же выучила. Я любила, когда к нам приходили его ученики в День учителя. Бабушка привязывала собаку в огороде, чтобы та не охрипла от бесконечного лая. Ребята шли целый день. Приносили открытки, свои фотографии, сувениры.

Когда его не стало, мне было семь лет. Он умер в мае 73-го, в возрасте всего 59-ти лет. А осенью я пошла в школу. Он, сельский учитель, выучивший несколько поколений односельчан, мечтал отвести меня 1-го сентября в первый класс. Но не довелось... Конечно, мне было трудно понять и принять уход из жизни такого значимого и любимого человека. Но даже тогда, на похоронах деда, я испытывала гордость за него, почувствовала своим детским сердцем его особенность. Кто-то из пришедших проститься с ним рассказывал о том, что все четыре поколения его семьи учились у моего дедушки: старики в ликбезе, потом уже дети, потом внуки, правнуки. С ранней молодости и почти до последних лет жизни, мой дед учил детей, работал учителем в парканских школах.

– Получилось ли у него объяснить тебе, тогда маленькой Юле, что это за страшное, непонятное слово такое – война?

– О войне мне он рассказывал только смешные сказки. Про фашистов, сдававшихся в плен за ведро каши, про умение стрелять из своей пушки-сорокопятки из-за угла, если искривить ей дуло; про Гитлера, который долго убегал от рядового солдата, прыгнул в Волгу, где его съела акула. Я просила рассказывать еще и еще. И каждый раз к историям добавлялись новые подробности, герои, песенки. Иногда дедушка давал мне потрогать осколки, оставшиеся в его теле на всю жизнь. Это было похоже на игру, как будто это был только наш с ним секрет.

Я очень любила ездить с ним в гости к его друзьям-фронтовикам. По-моему, они были все учителями. За столом у его друга Ивана Тимофеевича собирались только мужчины. Они разговаривали, смеялись, вспоминали. А я сидела с ними слушала, смотрела. Каждый старался принести мне что-то вкусненькое. Эти встречи оставили в моей душе столько тихого счастья!.. Почему-то мне было с ними, бывшими солдатами победы, так здорово и спокойно...

– Бабуль, я хочу больше знать о биографии моего прадеда.

Зоя Вербанова: В его родных Парканах не хватало учителей. Николай Вербанов после окончания семилетки поступил в Одесский педагогический институт. Но уже в августе 1934-го его отозвали. Он прошел педкурсы в родном селе и стал работать в начальной школе №4. Со своей будущей женой – моей свекровью, познакомился на курсах по ликвидации безграмотности. Она рассказывала, что ухаживал за ней он очень красиво. Играл на гитаре, пел веселые песни. Когда началась война, парканские учителя пополнили ряды Красной Армии. Он отправился защищать Родину, хотя в семье рассказывали, что у деда была двойная броня.

– Интересно, каким он вернулся с фронта?

– На груди у него сияли два Ордена Славы, медали «За участие в героическом штурме и освобождении Праги» и «За участие в Великой Отечественной войне». Он вернулся живым! Вошел во двор, поцеловал детей, жену, мать и тут же уехал в Бендеры за минерами. Почти год семья ютилась в летней кухне, потому что в доме на высоте человеческого роста висела застрявшая неразорвавшаяся авиационная бомба. Только после того, как минеры её увезли, он вернулся уже по-настоящему. Всё с той же неизменной улыбкой, хитрым прищуром в глазах, весёлыми шутками-прибаутками, будто и не было этих страшных лет разлуки, тоски и боли, бессонных ночей в окопах и маршбросков по болотной грязи. Нет, война не сломала его, а сделала мудрее, научила любить жизнь ещё сильнее...

*Артём БЕЛЯНСКИЙ,
студент Славянского университета*

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Взлётная полоса

«Взлётная полоса» – так называется не только рубрика, в которой мы публикуем молодых авторов, но и единственный Республиканский литературный конкурс для русскоязычной молодёжи. Конкурс уже трижды проводился Ассоциацией русских писателей Молдовы при поддержке Российского центра науки и культуры. На этот раз награждение победителей конкурса состоялось в рамках празднования 15-летия Ассоциации.

*Представляем произведения трёх лауреатов: уже известного нашим читателям **Леонида Поторака** (номинация «Поэзия»), **Марины Шупак** (номинация «Проза. Миниатюра») и **Игоря Корнилова** (номинация «Проза. Рассказ») и стихи бельчанина **Павла Полищука**, занявшего второе место в номинации «Поэзия».*

«РП» Поздравляем победителей конкурса! Ребята, вы молодцы!

ЛЕОНИД ПОТОРАК

О ЧЕМ ЖЕ ЕЩЁ

В моем окне живет твое окно,
Поэтому нам видится одно.

Там, за стеклом, в предутреннем часу
Сползаются светящиеся тучи,
А здесь горит экран, и я несу
Стозначные двоичные созвучья;
И гром идет, как прибывает поезд...
О, как легко поверится, что голос
Сюда несут отнюдь не провода,
Что расстоянья сходятся в нули –

Не для того ли плыли корабли,
Рождались рифмы, гибли города?

И все веками движется к тому.
Спроси у тех, отчавивших во тьму,
Зачем трудились, для чего боролись, –

Ужель затем, чтоб нам открылся полюс,
Где все вокруг меняет имена,
И нечто безымянное за нами
Следит из-за широкого окна...
И темным ливнем прилипает к раме.

Всю ночь, пока грозу не сменит морось,
Шаги друг друга слышим иногда
Ценой тысячелетнего труда,
И как легко представить, в ливне роясь,
Что плещется под окнами вода
Из той реки, куда не входят порознь.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА ДЛЯ АНИ

В синеву устремлена
Пенный ком несет волна.
Разжигает светлый блик,
Наплывает шумным ливнем
Или женщиною в синем
К полынье несет рушник.

И едва коснется глади,
Следом, друг на друга глядя,
Моют белое белье
Сестры синие ее.

А за ними ходят бури,
А за ними голубую
Парусину без следа
Рвут форштевнями суда.

И, вращенью шара верен,
Вслед за ними ходит берег:
Той же легкою волной
Подступает край земной.

А на нем дорог и крыш
Пестрый ворох, смутный город,
Ряд больших домов, в котором
Есть один, где ты не спишь.

Шар плывет в сияньи окон,
Всякий раз в чернила боком
Опускаясь; и волной
Заливает строй дневной

Птиц, троллейбусов и прочих;
Все что нужно этой ночью –
Спать под шорох дальних волн
Во вращенье мировом.

И повсюду в городах
Дремлют люди, но когда
Им приснится новый берег, –
Запирают крепче двери

До рассвета и впотьмах
Обогнать стремятся воды
На высоких самолетах,
На далеких поездах.

ЭЛЕГИЯ

Все разъедутся, будет сентябрь.
Накануне большого отъезда
Дышит город. Вращается бездна.
В небе Лира, что твой канделябр, –
Погасить бы, и в путь. Но в вещах
Воплощая судьбу, не уложишь
Ни касанья, хранимого кожей,
Ни дыханья, ни шага, ни дрожи...
Ах, отчаливать – так сообща,
Чтоб не быть остающимся и

Покидающим. Сдвинуться с места
 И найти да включить бы оркестр,
 Разминающий звуки свои,
 Помахать, мол, прощай, суета,
 И сорваться летучею рыбой
 За высоким фальшбортом альта,
 За звенящими вантами, ибо
 Только там, в совпадении нот,
 Длится день и не движется год,
 Там еще не взлетел самолет,
 И еще продолжается встреча,
 Все в движеньи, и мир человеческий
 От движенья в окне полустерт,
 Счета нет ни удачам, ни датам...
 Ах, не сетуй; незыблемы лишь
 Форма берега, контуры крыш,
 Стол, примкнувший к оконным квадратам.
 За окном суматоха стрижей.
 Близко к морю. Сентябрь – уже.
 И всего, что напомним рассудок, –
 Не о близости встречи (и не
 о себе), но о том, что покуда
 Живы мы, нет ошибок в судьбе.

СОЛНЦЕ ВЫГЛЯНУЛО

Откуда в этот поздний час
 Такому чуду взяться? –
 Как некто, врозь державший нас,
 Разжал на сердце пальцы,

И, словно воздуха глотнуть
 Мир на дорогу вышел,
 Вдруг солнце, разгоняя муть,
 Расцвечивает крышу.

И точит, точит нас (как мел
 Грызут моря прибоем).
 ...Оно из тех немногих тел,
 Что нам видны обоим.

Мы соплеменны островам,
 И сколько даль ни мерьте,
 Не верьте, что вольны едва ль
 Мы править ходом тверди, –

Но всякий раз в иной черёд,
 В безвестный год господень
 Мой город со своих широт
 Громадой тяжелой сходит.

Мой город рвет меридиан,
 К тебе смещаясь. Вот и
 Плеснули по его корням
 Чужих течений воды.

...И в тайный этот час легки
 Шаги и вдохи наши,
 И в этот час летят стихи
 Поверх тревог, и даже

Порою слышится, что все
 На свете, как известно,
 Верней, чем с гением, в родстве
 С посредственностью места.

НОЧЬ НЕЖНА

Ночь нежна. У побережья вереск.
Vita brevis. Мы, конечно, ars.
Где-то Велес двигает на нерест
Племя звезд, невидимых для нас;

Поздний катер с пристани бормочет;
В лавке крутят “Putting on the Ritz”.
Ночь ценна лишь способом воочью
Наблюдать отсутствие границ,

Из всего, что тянется и длится,
Оставляя части, а от них –
Джаз и лица, только джаз и лица,
С явным преимуществом вторых.

И тогда – из бесконечной саж
Прочего – является тебе
Разум, порождающий пейзажи
С темным дубом, песней и т.д.

Пой мне, голос в записи нечеткой,
Радуги вращающийся срез,
Пой мне о безвременьи и чем-то
Так же начинающимся с «без»,

Чтобы до утра успеть разглядеть
Этот бред, полуночный угар.
Слушай: ночь нежна, как ars amandi.
И прими как данность, а не дар,

Нашу близость, давнюю, наверно,
К той, недостижимой на вид,
Области, где чуть колеблем ветром
Парус, и мгновение стоит.

ИГОРЬ КОРНИЛОВ

ХРУСТАЛЬНАЯ ЧЕРЕПАШКА

НИНА

Нине советовали избавиться от ребёнка. Врачи говорили, что мальчик появится на свет нездоровым. Сколько будущая мать ни пыталась узнать, каким именно может быть заболевание новорожденного, ей отвечали уклончиво. Медики разводили руками, но продолжали советовать сделать аборт.

Девушка оставалась непреклонной. Если она вообще согласилась оставить ребёнка, нужно идти до конца. Что бы ни было. Она постарается быть хорошей матерью. Она должна стать ею. Вопреки всему. Только это и спасёт её. Если ей еще можно спастись.

Стать хорошей матерью. Да, красивый набор слов, но очисти шелуху, и увидишь... Нина не могла разглядеть ничего. Единственным воспоминанием, оставшимся у девушки от её матери, был случай, когда та вернулась однажды утром домой от нового ухажера и слегка навеселе. Нина подбежала к этому большому, тёплому, остро пахнущему животному, чтобы прижаться тельцем и крепко расцеловать. Всё, что она получила – оплеуху. За невымытую посуду и незаправленную постель. Как Нина всё это ненавидела: выносить мусор, стирать потрепанную одежду! И всегда, всегда побои, невыплаканные слезы и затаённое желание умереть. Однажды она даже пробовала: прижала к лицу подушку, плотно-плотно, чтобы не дышать, прекратить этот спазм существования, вечные истерики матери, постоянно недовольной и ненавидящей свою жизнь и саму себя. У девочки почти получилось задуманное, но до конца довести дело она не сумела. Духу не хватило. Нина спохватилась, отбросила от себя подушку начала жадно глотать ртом воздух. Так она выбрала жизнь. Ей было девять лет.

А через год ее матери не стало. Эта женщина привыкла балансировать между реальностью и бездной, и вот, наконец, сделала последний шаг. Из окна. Почему – никто не знал. Не понял. На похоронах Нина не плакала, только смотрела в одну точку и крепко держала за руку дальнюю родственницу.

Начались скитания девочки. По теткам, дядьям, троюродным и ещё каким-то там братьям. Ее передавали из рук в руки, как шкодливого щенка, от которого отказывался хозяин за хозяином. Она не успела опомниться, как время высветило на календаре ее жизни цифру двадцать. Двадцать – это же новая жизнь, такая манящая, опьяняющая своей красотой, лиловыми сумраками и тихими листопадами.

Нина сбежала из дома и, надеясь отыскать лучшую жизнь, перебралась в более-менее крупный город. На деньги, подаренные теткой к совершеннолетию, ей удалось купить небольшую однокомнатную квартиру. Свою собственную. Она прыгала от радости в полупустых комнатах и танцевала в обнимку с любимой куклой Верой под музыку старенького магнитофона. Пробовала поступить в медицинский, но не набрала нужного количества баллов на вступительных экзаменах. Всё, что ей удалось, – поступить на курсы парикмахеров и устроиться в заведение, которое выдавало себя за салон красоты. Если так можно было назвать небольшую парикмахерскую со слегка покосившейся вывеской – «Мэрилин».

Впрочем, Нина не жаловалась. По-своему девушка даже была счастлива. Собственное жилье, работа. Денег на жизнь хватало. Платили мало, но Нина не была слишком требовательной. Она, честно говоря, и не видела смысла в деньгах. Не понимала всеобщей гонки за ними. Не знала, на что их тратить. Только спустя какое-то время решила каждый месяц откладывать часть зарплаты, чтобы накопить на поездку к побережью. Нина с детства мечтала увидеть закат на море. Еще в доме у матери, бывало, сидит и мечтает, как, должно быть, приятно и радостно наблюдать за изменчивостью цвета воды на закате.

Вот и цель появилась. Какая-никакая, но прожить уже можно, жизнь обрела форму.

Для Нины, существа доброго, но непримечательного, она представляла собой разного рода грёзы. Девушка вынесла их из детства и не желала прощаться, как не желала расставаться с куклой Верой. То Нина представляла себя одетой в старинное платье, как идет она рука об руку с королем заморской страны. То мечтала попасть в другой мир, полный сказочных существ, в загадочное Зазеркалье. А иногда вообще выдумывала себе прошлые жизни. Скажем, такой была ее судьба в эпоху Возрождения. Иной – при Арабском халифате. Она сочиняла свои прошлые жизни до малейшей детали, проявляя при этом удивительную изобретательность. А когда надоедало, Нина начинала воображать историю своего рода. Кем были ее предки, чем прославились, как докатились до бедности. Но девушку одолевали и другие мечты, о которых она никому не рассказывала: она желала слиться с красотой мира, стать ветром, птицей, водой в ручье. Она тосковала оттого, что не могла стать единой с Вселенной. Ей не хватало этого единства. Нина полагала, что море поможет утолить эту жажду.

Напарницы называли её большим ребенком. Таким, верно, Нина и была. Не зная счастливого детства, она перенесла его очарование во взрослую жизнь. А может, просто не хотела взрослеть.

Девушку со странностями на работе любили. И коллеги по салону, и клиенты. Казалось, тяжёлое прошлое не оставило на ее личности отпечатков. Она была жизнелюбивой и добродушной. Хохотушка, которая во всём стремилась угодить другим, себе – никогда. Она летела по жизни, как воздушный шар, немного полноватая, уносимая легкостью существования.

Однажды она даже влюбилась. На работе. Надо признать, для любви в мечтах девушки была отведена самая просторная ниша. Нина мечтала о роковой страсти и любви до гроба. Иногда ей хотелось, словно героине позабытого романа, ждать возвращения возлюбленного долгие годы. И обязательно в их отношениях должно было быть что-то невероятное. Она жаждала любви. Только с мужчинами отношения не складывались. Не то, чтобы Нина никому не нравилась. Нравилась, но как друг, не как возлюбленная. Да и вообще, ей было некомфортно в мужском обществе. А из её знакомых никто не подходил на роль рокового любовника. Но это не помешало ей влюбиться. Впервые в жизни.

И, возможно, в последний раз.

Он был её постоянным клиентом. Приходил стричься раз в два месяца. И хотя внешне их отношения не выходили за рамки общения парикмахера и клиента, в своих фантазиях Нина переживала настоящую любовную драму. Она выдумала целую историю. Сегодня Артём (так звали ее возлюбленного) пригласил ее кататься на лимузине по городу, а завтра она узнавала, что благоверный женат и

закатывала ему скандал. Разумеется, всё происходило исключительно в её воображении. Только страдания были реальные. И сколько раз она запиралась в подсобке «Мэрилин» и плакала. Только по тому, что сегодня выдумала слишком печальный поворот их отношений. Но завтра обещала всё исправить. И исправляла. И была счастлива.

В мечтаниях Нина создавала ту жизнь, которой была обделена в реальности. Только у этих фантазий были и последствия: чем больше девушка фантазировала, тем более жгучей и безысходной становилась тоска по живому человеку, клиенту Артёму с симпатичной улыбкой. Нина ревновала его, страдала из-за него. Реальный человек и воображаемый фантом соединялись. Сердце девушки стонало. Особенно летними вечерами. Как будто кто-то вынимал его из груди.

Всё закончилось тем, что Нина «прозрела». Это пришло как озарение. Как прилив стыда. Девушка как бы увидела себя со стороны и задалась вопросом, не сумасшедшая ли она. Вот так фантазировать – это явно нечто ненормальное, другие этого не делают. А если узнают, вообще на смех поднимут. И она стала приучать себя к мысли, что ей нужно начать встречаться с настоящими парнями. Она должна стать нормальной.

Только без фантазий жизнь оказалась очищенным от кожуры завалывшимся мандарином: внутри фрукт заплесневел, а снаружи выглядел таким привлекательным. Когда ее Артём пришел в «Мэрилин» в следующий раз, Нина смирилась – он всего-навсего клиент, чужой человек. Они ничем не связаны. Девушка постригла его, как обычно, взяла деньги и отпустила. Они теперь никто друг другу. Посторонние. Его дома ждет семья, мать, возможно, возлюбленная. Когда-нибудь он женится на своей избраннице, и они проживут тихой счастливой жизнью. Отпускать его так не хотелось, и, глядя Артёму вслед, девушка чувствовала, будто из неё вынули светящийся шар, ранее преобразовавший реальность. Несмотря на то, что за окнами стоял полдень, салон красоты вмиг оказался погруженным в темноту. Хмурые тучи заволокли потолок, и с них начал капать сумрак.

Она долго спрашивала себя впоследствии, почему не позволила Артёму узнать себя ближе, почему не перетащила их отношения в реальность. Но посмотрел бы он на неё? Или, как прочие, прошел бы мимо и не заметил?..

Люда, напарница по работе, выведав тайну о влюбленности Нины в клиента, решила устроить подруге личную жизнь. Она удивлялась, как это Нина с ее жизнелюбием и открытостью миру всё еще оставалась одна. План был придуман таков: объявление в рубрику знакомств в газету. Туда часто пишут люди, не нашедшие спутников жизни. С кем-то Нина должна найти общий язык. Подруги провели вечер вместе, раздумывая, что написать в объявлении. Иногда перешептывались и хохотали. Было весело. Только из идеи устроить личную жизнь Нины ничего толкового не вышло. Она встретила с шестью или семью парнями. Кто-то не нравился, кто-то пришелся по вкусу. Только дальше первого свидания отношения построить не получалось. Почему так происходило, Нина не понимала. Или боялась понять.

С новыми знакомыми она встречалась по вечерам. Вечер Нина любила больше всего. Мозаики солнечных пятен на стеклах многоэтажек, шептание воды сероватого озера. Люди попадались ей разные, но часто закатное солнце высвечивало в их глазах ту же усталость, что и у неё, то же робкое одиночество и разочарование. Так почему, думала она, двум нуждающимся в тепле людям не протянуть друг другу руки? Не стать спасением? Солнце пряталось от ответов на её вопрос

за горизонт, и в который раз в вечернем сумраке умирала и надежда её, что всё когда-нибудь получится, что в жизни наступит просвет.

Прошел год. Нина перестала отвечать на объявления в газетах, перестала писать сама. Все чаще она ловила себя на мысли, что ей хочется вернуться в свой мир – мир выдуманных романов, где жизнь легче, красивее и значительнее. Однако она помнила данное себе обещание стать нормальной и постоянно одергивала себя: никаких фантазий. Нина должна жить в той реальности, где живут все нормальные люди. В который раз она повторяла это слово, но не понимала, что это значит – быть нормальной. Превратиться в существо с потухшими глазами?..

Перспектива устроить личную жизнь рушилась, старый мост обваливался и падал в болото. Иногда приходило отчаяние, и Нина заколачивала себя в гроб работы. Пропадала в салоне без выходных. Стригла, стригла, стригла. Иногда позволяла себе слабость, ненадолго уносилась в края, где облака можно потрогать руками – так низко плыли они над землей. Они вдруг лопались мыльными пузырями, оставляя пустоту: разговоры о карэ или мелировании гасили яркие сны.

Что угнетало Нину больше всего: незначительность, убогость реального мира. Ничего яркого. Кругом – одна нормальность. Работа ее спасала, но и угнетала: не то чтобы Нина была ленива, нет, но вечное прозябание в «Мэрилин» отупляло, низводило до состояния механизма. Стрижешь час за часом, приходишь вечером домой, разогреваешь ужин и ложишься спать, чтобы завтра снова стричь и стричь. И ради этого рождаются люди? Нет, Нине не понять эту жизнь.

Иногда горе-мечтательнице казалось, что она отстригает свою молодость. Та падает на пол чужими волосами, а престарелая уборщица сметает их шваброй. С глаз долой. Только изредка девушка оборачивалась, смотрела в зеркало. Оно отражало ее. Жизнь еще не острижена до конца. Работа еще есть. Возможно, когда-нибудь ей удастся увидеть закат над морем. Нина предвкушала его красоту. Знала, там, у бушующих волн и среди морских ветров, жизнь станет иной: свободной, красивой, значительной. Но пока – нужно стричь.

В двадцать пять Нина всё еще оставалась девственницей. Это накладывало свой отпечаток. Она не была из породы тех девиц, которые краснеют при слове «трахаться». У нее были свои сексуальные желания, стимулируемые, главным образом, отсутствием половой жизни. Иногда она казалась себе извращенкой, пыталась запретить собственные фантазии в потайной ящик души. Не находя выхода, они скапливались там и оседали ядовитыми парами, иногда давая о себе знать. Они являлись нечасто. Раз в три или четыре месяца, примерно с неделю душили девушку. В такие дни Нина запиралась в комнате, сворачивалась калачиком и пыталась уснуть. Главное – не заглядывать в себя.

А годы шли. Нина блекла. Склонность к мечтаньям покинула её, а душа истёрлась. Однажды отринув воображения, Нина не знала, что они отомстят. Она больше не сможет чувствовать мир во всей его утонченности и красоте. Сердце замолчит. Вглядываться в эту темноту будет страшно.

Нина уже совсем потеряла чувство времени. Жизнь вычеркнула из её судьбы знакомых. Людка, с которой она общалась, вышла замуж и уехала в другой город. Нина стала чувствовать себя одинокой. Вечера тянулись бесконечно в тоске. Постель оставалась холодной. Радость можно было найти в любовании природой, давней мечте стать ветром и светом. Но ветра всегда утихали, а свет истончался.

Она отрезала Вере голову и выбросила куклу на помойку, проплакала из-за своего чудачества всю ночь, но решила: к прошлому возврата больше нет.

И однажды она сдалась. Вспоминая произошедшее впоследствии, Нина понимала: тогда навалилось многое. И, в первую очередь, пробежавшая по душе судорога – «Ты никому не нужна!». Хотелось выместить обиду на себе самой же. Такой никчемной и пустой.

Она работала в последнюю смену. Закрывались поздно. Новых клиентов не ждали, и Нина устало щёлкала ножницами. В это время в зал вошел мужчина. Она не всматривалась в его лицо. Незнакомец подождал, пока мастер освободится, сел в кресло. «Покороче, пожалуйста», – и она принялась за работу. Закончив, наклонилась и, ничего не чувствуя, с той же легкостью, с какой остригала волосы, прошептала мужчине на ухо несколько фраз, слегка потупилась и быстро добавила: «Ждите меня на улице».

Одеваясь в подсобке, она несколько минут стояла, прижавшись к стене. Сердце внутри замирало: «А вдруг он уйдет?..». Не ушел. Увидев его, Нина зашагала увереннее. По дороге они перекидывались ничего не значащими фразами. Работница салона казалась веселой, она улыбалась. Незнакомец назвался Николаем. Он усиленно работал скулами – жевал резинку.

Улица сменилась подъездом, а тот – квартирой Нины. Время выстроило декорацию для очередной сцены. Они зажгли свет и, сидя на диване, долго разговаривали. Незнакомец любопытно осматривался. Нина улыбалась. Ни он, ни она не решались на следующий шаг. Что-то мешало, сковывала неестественность происходящего. Часы показывали без пятнадцати девять, календарь на стене – треть декабря.

Николай попросил включить музыку, и через несколько минут Нина уже растегивала ремень его джинсов, неумело и смущенно. Руки дрожали и не справлялись.

На часах было без двадцати десять, когда Нина провожала гостя. Она обещала показать, где ходит транспорт. Когда Николая унес первый приехавший автобус, она направилась сквозь толщу ночи домой.

Странно, но там, в комнате, она ничего не чувствовала. Вообще ничего. Ей казалось, она отделилась от тела и смотрит на происходящее со стороны – равнодушно, тускло. Так же тускло светила лампочка на потолке. Хотя бы одно ощущение, удовольствие ли, боль, приглушенное страдание – ничего. Нина и сейчас ничего не чувствовала. Ей бы только дойти до дома и уснуть. Лень навалилась на душу. Уставшая она с тошнотой припомнила, как долго придётся поворачивать ключ в дверном замке. Дома была в пять минут одиннадцатого. Села на кровать. Встала, подошла к окну. Прошлась по комнате, остановилась. И обессилено упала на пол. Позволила себе упасть. Захотела. Обхватила колени и, лежа на узорчатом ковре, закричала. Это было единственное проявление эмоций за весь вечер. Крик не острый, а глухой и притупленный. Крик, поставивший точку в её мечтах.

На следующий день Нина вышла на работу. Больше не улыбалась и думала о своём. Чуть не поранила девушку, которую стригла. Николая она больше не видела. А через некоторое время поняла, что беременна. Поразмышляла и решила, что будет рожать.

И теперь врачи будут убеждать ее, что от ребенка лучше избавиться? Да знают ли они?.. Нина будет рожать. Несмотря ни на что. И пропади всё пропадом.

НИНА И КОСТЯ

Сотрясаясь в родовых муках, Нина не отрывала взгляда от заходящего солнца. Оно врывалось в комнату через тусклое стекло небольшого окна, громадная лососевая икринка, повисшая в воздухе. Моря только под ней не было – сухая земля. Но вот икринку раздавили, и ее содержимое забрызгало небо розовато-оранжевым. Нина родила сына.

Врачи в который раз развели руками. Внешне мальчик выглядел здоровым. Плакал, как все дети, сосал грудь, смотрел на мать большими и, как ей казалось, умными глазами. Прижимая этот сгусток жизни к себе, Нина чувствовала себя неловко. Ей было стыдно перед сыном. Она сама не знала, за что.

Имя мальчику выбрала без долгих раздумий – Костя. Оно пришло в голову первым. Скорее всего, когда-то оно Нине нравилось. Вот и остались они вдвоем: Нина и Костя.

Матери из девушки не получалось. Она любила мальчика, но крики малыша, смена подгузников, соски, ванночки, примочки выводили её из себя. Иногда молодая мать ловила себя на мысли, что боялась ребенка. В нём таилась угроза, необъяснимая, иррациональная, и Нина всякий раз прикасалась к мальчику с содроганием. Ей было неловко в его присутствии.

Прошло время, и первичный страх перед ребенком исчез. Растерянность оставила ее, и Нина внезапно обрела новую жизнь, понятную и вдохновенную смыслом. В ее маленьком, зудящем болью сердце, родилась надежда. Нина наделила Костю великой миссией: тот должен преобразить ее жизнь, спасти от заурядности, привнести в её мир значительность.

Шло время, мальчик подрос, Нина снова вышла на работу. Жить можно было бы безбедно, даже счастливо, но постепенно опасения врачей о здоровье Кости начали подтверждаться.

Мать настораживало только то, что Костю нельзя было ничем заинтересовать. Погруженный в себя, он, словно бы жил в другом мире, более интересном, чем тот, что его окружал. Сначала Нина не беспокоилась, думала – перерастет. Но чем старше становился ее сын, тем сильнее проступала его странность. Костя не проявлял интереса к игрушкам, к ласкам матери относился отстраненно, ему были чужды игры, а сверстники не интересовали.

В то же время мальчик рос самостоятельным. С ранних лет ходил в магазин за продуктами, всегда приносил сдачу, убирал в доме, разогревал еду. Иногда Нине казалось, что его незаинтересованность во внешнем мире – не изъяз, а прихоть. Она сердилась на него, иногда поднимала руку. Ей хотелось исправить мальчишку, сделать его нормальным. Опять это слово, в который раз она наталкивалась на него и разбивалась.

Больше всего Нине хотелось понять, что творится в Костиной голове. Она искала ключи к пониманию сына, а те выпадали из дрожащих рук. Нина наклонялась, шарила по полу в потёмках. Иногда она была уверена, что нужный ключ отыскан. Да, он почти подошел. Замок еще чуть-чуть и открылся бы. Но нет, поиски безуспешны. И она сдалась.

Возложенная на ребенка миссия по преобразению её жизни рухнула. Нина в который раз осталась ни с чем, а мальчик продолжал привязываться к матери. По-своему, конечно. Он выражал любовь, как умел. Редко говорил. Часто подхо-

дил к Нине и обнимал. А иногда садился напротив, смотрел на мать и улыбался. Ему казалось, улыбки или прикосновения достаточно для выражения чувств. Но Нина была бы куда счастливей, если бы он играл купленными ею самолетиками и танками.

Когда мальчишка чувствовал себя в особом расположении духа, шел встречать мать с работы. Иногда они сталкивались на полпути, иногда почти у входа в «Мэрилин». Когда-то там стоял и Костин отец. Нину передергивало от воспоминаний.

Лишь однажды семилетний Костя осмелился зайти в салон. Сел в кресло и смотрел, как мама работает. Ее напарницы не знали, что робкий мальчуган со странным выражением глаз – сын Нины. Та сделала вид, что мальчик ей не знаком. Он не отрывал от матери взгляда, какой-то необъяснимый страх сковывал его, и ребенок боялся встать с кресла и подойти к маме. Если бы она хоть раз посмотрела на него! Но Нина оделась и, не глядя на ребенка, вышла из салона. Ей было стыдно. Прежде всего, за саму себя. Она спряталась неподалеку за большим деревом. Ей хотелось, чтобы Костя вышел в растерянности на улицу. Тогда бы она взяла его за руку, расцеловала и увела домой.

Мальчик продолжал сидеть в кресле и не двигался. Казалось, он заворожено смотрит в одну точку. В никуда. Никто не мог понять, что он сейчас чувствует. На лице ребенка не отражалось ни боли, ни разочарования. Сколько его ни пытались расспросить, откуда он и что здесь делает, Костя не отвечал. Потом вдруг сорвался с места, и – пулей домой. Мать ждала у входной двери, обливаясь слезами, просила простить её.

Но годы шли. Нина продолжала отстригать на работе свою жизнь. Костя ходил в школу. Мать отдала его в самую обычную школу. Никаких специализированных заведений. Ее сын должен учиться с нормальными детьми.

Из курса школьной программы мальчик не понял ничего, хоть и обладал способностью запоминать целые параграфы учебников. Это его и спасало. Он мог слово в слово рассказать главу о работе сердечной мышцы, решить по аналогии простой алгебраический пример, но стоило попросить его что-либо уточнить или изменить условия задачи, Костя терялся, его взгляд бегал в растерянности по лицам одноклассников. Сверстники не причиняли ему вреда. Пробовали, конечно, издеваться, но видя, что странный парень не реагирует, забросили эту затею. Один раз, правда, попытались втянуть его в драку. Костя заплакал и попросил его не трогать. После этого случая к нему приклеилась кличка «дебил», и одноклассники забыли о его существовании. Учителя иногда сами забывали о Косте, он никогда не отвечал, только сидел на последней парте и смотрел прямо в глаза. Студентка-практикантка, которую забыли предупредить об особенном мальчике, не выдержала Костиного взгляда и вышла из кабинета на половине урока.

В классе восьмом мальчишки пытались научить Костю курить. Он спокойно выкурил сигарету, поблагодарил и объяснил, что ему не нравится ее вкус. Шло время, его сверстники влюблялись, заводили короткие интрижки, а он по-прежнему жил в своем мире, куда никого не пускал. Внешне Костю можно было назвать даже красивым. Девушки на улице засматривались на него, и если бы парень не был «дебилем», его могла бы ждать судьба любимца женщин. Впрочем, юноша об этом даже не догадывался.

На выпускном вечере одна из девушек увела его на террасу и засунула руку в штаны. Подобное вторжение в его личное пространство Косте не понравилось, он замотал головой, скривился и ударил одноклассницу по лицу. Та долго материлась, отплевывалась кровью. Потом успокоилась и побежала к подружкам, которые встретили неудачливую соблазнительницу взрывом смеха.

Весь мир забыл о Косте, будто никогда его и не знал. После окончания школы директор предложила скромному парню несложную работу – убирать классы после занятий. Он принялся за дело со свойственным ему усердием. Вот и все, что было о нем известно. Даже сам Костя не мог бы рассказать о себе больше.

А Нина под конец жизни обрела-таки счастье. Неподдельное, как ей казалось. Она решила, что копить всю жизнь на поездку к морю глупо, и купила телевизор. Косте приобретение матери не понравилось: юноша не нашел в этой штуковине ничего интересного, но Нина с ним не согласилась. Наконец, ее жизнь наполнилась смыслом. Она совершила странный путь – от мечтательницы, жившей в мире фантазий, до ярой фанатки Ларисы Гузеевой и ее программы «Давай поженимся». Впрочем, на этом телевизионные предпочтения Нины не заканчивались. Были еще криминальные сериалы. Эски, менты, перестрелки, пытки. Аж дух захватывало! Было несколько любовных сериалов, тасующих колоды потерянных детей и найденных мужей. В конце концов, были ток-шоу, обсуждения скандалов, судебные разбирательства, передачи об НЛО и тайнах снежного человека, состязания экстрасенсов. А в качестве бонуса – программы о путешествиях. И вот он, долгожданный закат над морем. Правда, в четырехгранной коробке, но красивый, манящий. Какой богатый мир теперь окружал Нину!

Всё свободное время она проводила за просмотром телепередач. Заканчивалась одна, начиналась другая. Она спрашивала себя, была ли когда-нибудь счастлива, и отвечала: «Да, теперь, сейчас».

Она не заметила, как реальность экрана стала её реальностью. Полагала, что Александром Дюма на самом деле был эмигрировавший во Францию Пушкин (его смерть была, естественно, подстроена), что существует всемирный заговор геев, а Германия вообще строит четвертый Рейх. После работы она стремилась как можно быстрее попасть домой, чтобы ненароком не стать жертвой криминальных разборок. Нина ужасалась новостям большой политики и убеждала напарниц по работе, что этот мир давно сошел с ума.

С Костей они давно стали чужими людьми. Их отношения зашли в тупик задолго до начала телевизионной эры. Сначала Нина не теряла надежды, что ее сын исправится, но с годами веру потеряла. Костя тогда ходил в седьмой класс. «Ему никогда не стать человеком», – так сформулировала мысль Нина, расчесывая богатую клиентку. Парикмахерская «Мэрилин» к тому времени действительно превратилась в настоящий салон красоты, обзавелась дорогой техникой и богатыми клиентами. Так вот – она расчесывала ухоженную женщину, и думала: «Ему не стать человеком». Но тяжелее ей далось понимание, что слишком непростую ношу она на себя взвалила. Неполноценного сына ей не вынести. И Нина пришла к страшному заключению: Костя разрушил ей жизнь. Без него она, возможно, и выкарабкалась бы, вышла замуж, нарожала детей, которые бы приносили из школы хорошие оценки. А он – только следствие вечера, когда мир ее треснул. И он, этот неполноценный ребенок, – вечное свидетельство ее позора, слабости. Он связал ее, заковал в цепи. Да и что лукавить, взваливая на себя этот крест, она

думала, что справится; полагала, что ее любовь к ребенку все искупит, но нет. Нина заблудилась. Она не знала, что будет дальше. Когда-то она так хотела жить! Когда-то страдала от собственных странностей. Оттого, что жизнь в мечтах – не жизнь, а Нина желала настоящей, реальной жизни. И – она её получила.

«Чего ж тогда плакать?..», – заключала она и приходила к мысли, что Костя её не отпустит. Советовали же врачи избавиться, но поздно сейчас за ум хвататься. А теперь... она не видит своего будущего.

А будущим был телевизор и сытое, успокоившееся счастье. Общение с сыном стало формальностью. Они и не общались никогда. Да и с таким, как Костя, как можно общаться? С этим неполноценным. Сядет и смотрит в упор. Улыбается, как придурок.

Так они и жили – два привидения, обитающие рядом и не пересекающиеся. Им не понять друг друга. Иногда, приходя после уборки классов домой, парень садился рядом с матерью и пытался вглядываться в экран, не понимая, отчего мать не может оторваться от этой коробки. А Нина, не имея никаких интересов, связей или занятий, посвятила жизнь бесконечному путешествию по телеканалам.

Так продолжалось до тех пор, пока она не заболела. Врачи поставили диагноз: злокачественная опухоль матки. Вот как она умрет – от прозаически мерзкой болезни, ещё одного контрудара реальности. Воздержание хорошо только в житиях святых: попробуй-ка пожить в непорочности, и тебя подточит какая-нибудь болезнь. Физиология не ведает высоты идеалов.

Правда заключалась в том, что Костин отец был единственным мужчиной Нины. Впоследствии всю свою привязанность она переместила на ребёнка, перестала думать о личной жизни и научилась укрощать тоску. Сексуальное удовольствие она привыкла получать наедине с собой, всегда следуя заранее знакомой схеме. Этого было достаточно.

Вернувшись домой после обследования, Нина долго плакала и целый вечер не включала телевизор. Костя, безмолвный и угрюмый, подошел к ней и сел рядом. Мать обняла его голову, прижала к себе. И два силуэта долго растворялись в сгущающемся вечере.

Так Нина подошла к финальному этапу своей нелепой жизни. Она уволилась из салона без сожаления. Несмотря на то, что проработала там многие годы. Она заперлась в медленном угасании, отказалась от любой медицинской помощи. С тем же упрямством, с каким когда-то решила оставить Костю, с каким принимала любые решения.

Она села в свое любимое кресло и стала ждать. Ей не хотелось выходить из дома. Костя не понимал, что происходит с матерью, но сердцем чувствовал что-то недоброе. Садился возле нее, клал голову на колени Нины. Верно, парню хотелось сказать: он рядом, всё будет хорошо, не стоит грустить. Но Нина попросту меркла. Хотя среди этих сумерек были и вспышки.

Нина многое передумала за эти бесконечно долгие дни. Распадался на глазах экранный мир и его ложь, распадалась годы омертвления. Она жила теперь разедаемая болезнью, она вновь видела свет, а внутри что-то заколыхалось. Смертельно больная женщина начинала приходить к пониманию, что в чистом виде жизнь похожа на глину. Ждет, пока мы что-нибудь из неё вылепим. Нам дают её в руки с рождения, призывая быть скульпторами. А мы мнем глину, катаем из нее

шарики, делаем лепешки. Поражаемся, какая она бесформенная. Так, куски грязи, пристающие к рукам. А глина ждет. Ждет, чтобы кто-то вдохнул в неё смысл. Ждёт своего Микеланджело. В нас нет таланта, чтобы вылепить скульптуру, а мы извечно клянем материал.

Вот и она не смогла. Большая ли вина – не суметь? У нее ведь никогда ничего не получалось. В этом было начало всех ее бед. Единственное, чему Нина научилась в жизни, – это стричь. Она предпочитала не думать о своей юности, но там скрывались разгадки случившегося. У девушки не получилось жить. Тогда-то Нина и ушла в выдуманную реальность, где могла быть всемогущей. А затем случилось то, что случилось. Она хотела стать нормальной, но только теперь поняла, что нормальности не существует, что у каждого – она своя, а остальное – узкие рамки мышления обывателей.

Но не такой же ценой расплачиваться за свою несостоятельность? А Костя рядом, смотрит безумными глазами. Ей страшно от этого взгляда.

Беда не в том, плох ли тот мир, в котором мы живем или нет, рассуждала она. Беда в нас. Мы не умеем жить, перекладываем проблемы на мир. Ждем дара, какой-то небесной манны, ищем смысл. Но мы не способны ни на один смелый поступок, не способны стать творцами своей же судьбы. Поражаемся, сколько вокруг темноты, но не зажигаем даже спички.

С такими мыслями она покидала жизнь. Были еще другие: насколько глупо она себя растеряла, опошлится и обмелывала с годами. Как допустила, чтобы ее душа, тосковавшая в юности о прекрасном, захлебнулась в ущербности бытия? А впрочем, обычная история. Страшная в своей заурядности и повторяемости. Так опуститься, Господи!.. А ведь она, возможно, была способна на большее.

Чтобы не мучиться от тлеющей внутри болезни, чтобы не затягивать свой проигрышный визит на землю, в половине четвертого одного декабрьского утра Нина выпила горсть таблеток. Она подготовилась, узнала, что именно нужно купить.

Хоть бы в этом ей повезло. Неудачной попытки она не перенесет. Нина в последний раз взглянула на спящего Костю, тот улыбался во сне. Как она когда-то. Обаятельная хохотушка, у которой не получалось жить. Ей вновь стало стыдно перед сыном. За то, что родила его неполноценным (даже тут – неудача); за то, что оставляет в неизвестности. Действительно, что его ждет?

Нина покинула комнату Кости и села в кресло. Включила телевизор. Донья Пепита срывала коварный план племянницы. Третью серию подряд. Таблетки скоро начнут действовать. Вот так всё пошло. Последнее, что увидеть в жизни, – посредственный сериал. На этот раз у Нины всё получилось. Возможно, впервые в жизни.

КОСТЯ

Он так и не понял, куда эти люди унесли мать, почему в квартире стало тихо. Он не понял ничего и в то страшное утро, когда еще одна жизнь на земле угасла. Скорее всего, Костя даже не мог понять, что скрывается за словом «умереть». Думал, мама ушла куда-то. Как давно в детстве, когда мальчик прибежал к ней на работу. Прошла мимо него. Ему бы и сейчас точно так же сидеть, как тогда. Но – что дальше? Он не знал.

Его ожидало одиночество. А еще работа. Мыть полы, вытирать парты, чистить туалеты. Счастья на свете нет, есть работа. Иногда как способ бегства. От

своей же жизни. Иногда как способ самореализации. Но какая самореализация для Кости?..

Квартира его опустела, даже огонек телевизора никто не разжигал. Парень приходил домой и погружался в сумерки. Так и не обретший ни одного интереса, он просиживал на диване часами. Вечер протекал за вечером.

К самостоятельной жизни привыкать было трудно. Часто его видели в супермаркете – симпатичный юноша подолгу стоял у прилавков, задумчиво рассматривал два кочана капусты, какой выбрать ему, какой подойдет для салата лучше?..

Ему повезло лишь в одном, люди любили Костю. Соседи помогали по хозяйству и подсказывали, если у него что-то не получалось. Его судьба могла сложиться и хуже: мир жесток к одиночкам, а Костю берегли неведомые силы. Однажды девушка с пятого этажа, питавшая слабость к бездомным животным, пригласила чудаковатого парня в кино. Из фильма тот мало что понял, но ему было приятно. На прощание она его даже поцеловала. В щеку. Правда, больше никогда не приглашала.

И вот год уже прошел после смерти Нины. Полтора. А Костина жизнь не менялась. Он пытался себя чем-то занять, слонялся по комнатам, рассматривал трещины на потолке, подкармливал мышь. Когда впадал в отчаяние, шел на кухню и принимался готовить (он научился этому, когда была еще жива Нина). Только аппетита не было. И многое портилось на столе. Когда квартиру заполнял неприятный запах, Костя выбрасывал еду и снова готовил. Так продолжалось до тех пор, пока парень не обрел свое предназначение.

Костя не помнил, когда его впервые пленило окно. Оно всегда находилось рядом, жило в катастрофической близости от него, но парень не уделял ему внимания. Один теплый летний вечер всё изменил. Было душно, юноша захотел открыть окно, и не смог больше от него оторваться.

Конечно, он каждый день появлялся на улице, видел двор, часть тополиной аллеи и автостраду, но снаружи всё это не представляло интереса: суетливое нагромождение цветов и запахов, пятен и полосок. Наоборот, всё это давило. Но из окна... Косте казалось, мир преображался. Он был уверен, что никогда не видел ничего прекраснее. Не мог оторвать глаз, словно вглядывался через окошко в мир, полный волшебства. Впрочем, кто знает, что видел там Костя.

У окна он мог стоять часами, внимательно следить за любым изменением картинки. Женщина с коляской. Голуби в траве. Пробегает стая собак. Припаркованная машина трогается с места. Ветер колышет листву на деревьях. Божья коровка на раме окна лениво передвигает лапками. Костя боится ее напугать, еле дышит. Но вот стая мальчишек пронесится по тротуару, кто-то проезжает мимо на велосипеде – Костя улыбается, хлопает в ладоши и подпрыгивает. Впервые в жизни он счастлив.

Как только приходил домой, бежал к окну. Костя начинал любить этот мир, а некоторых людей даже узнавать в лицо. Незнакомцев, проходящих изо дня в день по одному маршруту. На работу и с работы. Костя уже начинал проникаться нежностью к некоторым лицам и фигурам, улыбаться, когда видел знакомые очертания. Но только одно лицо смогло нарушить покой его мира. И парень не мог улыбаться, глядя на него...

Она всегда проходила мимо его дома, красивая женщина лет тридцати. Костя был точно уверен, что она не из этого района. Незнакомка переворачивала его

душу своим присутствием. Сначала он видел ее только по вечерам, но затем выследил и утром. Она проходила два раза в день мимо дома, где жил Костя. Вдоль по тополиной аллее и – прочь с глаз. Солнце всходило под низким потолком квартиры и затмевало тусклую лампочку.

Костя увидел свою незнакомку в начале июля. Через несколько дней ему стало казаться, что на душе становится теплее, когда он ее видит. А спустя две недели был уверен: у окна стоит только ради нее.

Юноша не знал, что с ним творится, как называется разрастающееся в груди облако, он просто отдавался потоку, который захватывал его, он сам становился этим потоком, марионеткой в чьих-то руках. Он ждал ее. Освобожденный от ра-зума, он не рассматривал в микроскоп свои поступки и побуждения с целью изучить их, не задумывался о нормальности, он сам был подтверждением того, что красота – в ненормальности. Костя жаждал одного – наблюдать, как незнакомка мелькает мимо его жизни. Когда дорога поглощала ее, стоявший у окна человек, начинал терять интерес к происходящему. Улица лишалась силуэта женщины, и шаткая конструкция распадалась, мир становился невзрачным. Костя отходил от окна в мрачном расположении духа. Внутри что-то ныло. Будто на спину положили камень, и тот давит.

Юноша начинал злиться. Сначала ему казалось, что изъязн кроется в незнакомке. Появляясь на улице, она будто вбирала в себя ее красоту, даже солнечный свет уносила с собой – мир оставался обкраденным ею. Косте начало казаться, что во всем виновата эта женщина. Даже пытался не искать ее силуэта в толпе прохожих. Так прошло три дня. На четвертый он сдался, долго ждал, боялся, что женщина не появится, обидится, а когда завидел издали знакомые очертания, заулыбался.

Она вызревала в его душе медленно. Прорастала в нем, распускала лепестки. Она сумела вдохнуть в мир парня невиданную до того легкость. Легкость была следующей стадией после злости, а за ней пришел свет. Женщина излучала его, придавала самым простым предметам значение тайны.

Костя не понимал, что с ним происходит. Чуть позже он открыл, что ему страстно хочется подойти к женщине, взять за руку и – привести в квартиру. А потом положить голову на ее плечо и молчать. Чтобы она все понимала и смотрела ему в глаза. А еще Косте хотелось коснуться ее руки, почувствовать, что она живой человек, не видение. Он желал с ней заговорить, но... что он ей скажет? Что он вообще может сказать? Люди никогда не принимали его слов всерьез и никогда не слышали. Он был пришельцем, который так и не смог освоить человеческий язык. А она, скорее всего, человек, думал Костя, такой же далекий и холодный, как сотни других. Нет, подождите, она – и холодная? Быть не может. Она не должна быть человеком. Не имеет на это право.

Но как с ней поговорить? Да и придти к нему она не согласится. Он понимал, быть может, впервые в жизни понимал, что надежды нет, и от бессилия Косте хотелось плакать.

Он стоял у окна месяцы и все смотрел, как она проходит мимо, влюбленный и тоскующий. В воображении выстроил целую жизнь – вдвоем с ней.

Его желания складывались из простейших деталей – идти по улице рядом, положить голову на её плечо, гладить волосы. Эта радость была единственным светом, который наполнил Костину жизнь за долгие годы тьмы.

Однажды утром, опаздывая на работу, Костя стоял у окна и ждал её появления. Как всегда, он пытался найти силы подойти к незнакомке и заговорить. И,

как всегда, пятился назад – понимал, что никогда не позволит себе этой роскоши. А если б он и осмелился подойти, то не смог бы выдавить из себя ни слова – все они застревали бы колючками в горле, царапали бы до крови. И в то время, когда Костя представлял себе, как слова царапают его гортань, случилось невиданное до сих пор – женщина остановилась. Парень замер. Она что-то искала в сумочке. Не могла найти. Нашла. Мобильный телефон. Тот усиленно и нагло трещал. Но вот треск был закончен – она начала говорить, пошла дальше. Однако Костя не смотрел ей вслед. Он видел: когда женщина доставала из сумочки телефон, блестящая капля скатилась вниз. Она не заметила, пошла дальше, а капля осталась на асфальте. Удивительно, что не услышала, была занята разговором. А Костя заметил и сразу же выбежал на улицу. Подобрал твердую каплю, почувствовал холод ключей в ладони. И еще что-то округлое. Весь день на работе Костя сжимал найденную вещь в кармане. Ему казалось, стоит только отвлечься, и его сокровище исчезнет, никогда больше не отыщется. Он боялся рассматривать его на улице или в школе, опасался, что другие заметят, и тайна его станет известна всем.

Только вернувшись вечером домой, заперев двери, Костя вытащил находку из кармана и начал жадно разглядывать. Его тайна состояла из двух желтых ключей и брелка, вырезанной из прозрачного материала черепашки. Больше всего ему понравилась черепашка. Костя решил, что сделана она из хрусталя. Он услышал это слово давно, еще в детстве, и оно стало ассоциироваться с чем-то красивым, дорогим и недостижимым. Совсем как эта черепашка. Хрустальная.

Костя не мог налюбоваться. Как черепашка переливалась, как блестела, меняла форму в зависимости от освещения. При менее ярком свете очертания черепашки становились как бы расплывчатыми. Она завороживала парня. А главное – эта вещь принадлежала ей, незнакомке. Черепашка казалась частью далёкой женщины. Холодная и прозрачная она помнила прикосновения её кожи. Костя дошел до того, что начал воображать, будто душа обожаемой им женщины заперта в граненом стекле. Ему нравилось держать ее душу в своих ладонях. Бережно.

Немного помучившись с хитрым устройством, Костя отделил черепашку от ключей, будто старался отделить их прозаичность от хрупкости брелка.

Ночью за окнами хлестал ливень, Костя спал спокойно и не слышал грозы. В руке он сжимал черепашку. А на утро снова увидел возлюбленную – в который раз она проходила мимо его жизни. Ныне немного удрученная, с потемневшим лицом. Костю поразила хмурость ее лица. Какая беда стряслась с ней? Вдруг его осенило и он замер. Как будто бы он украл эту черепашку, отобрал её силой. Лишенная стеклянной побрякушки женщина потускнела сама. Будто из нее вынули душу. И Костя заплакал.

Он не знал, как поступить. Он ненавидел себя. Целый день скитался по площадям своих мыслей, а вечером понял, что заблудился.

Как расстаться ему с черепашкой? Возможно, у женщины неприятности из-за потерянных ключей. Значит, надо подойти и протянуть ей. Но без брелка? Украсть, затаить, солгать? Он мучился еще день, и, наконец, решился на самопожертвование. Вновь соединил брелок и ключи. Они встретились, но не дополняли друг друга, грубое и прекрасное. Граненая черепашка блестела на солнце, преломляла лучи света и в радужных всполохах рождала новые миры, где раз за разом возникала жизнь и расцветала цивилизация. Ключи лишали

ее чудотворства, грубо скроенные, они намекали на бессилие брелка, на его потребительское значение. Вселенные внутри нее лопались, и цивилизации гибли – черепашка вновь превращалась в дешевую безделушку, купленную на барахолке.

Но Косте было тяжело с ней расставаться. Сколько раз он разглядывал ее, гладил, улыбался ей. Шептал свои признания в любви. Тихо-тихо, чтобы никто не услышал. Парню казалось, что стеклянная черепашка признается в любви в ответ. В её блеске Косте мерещилось лицо незнакомки.

Наконец, он решил: завтра же спустится, будет ждать женщину на улице и протянет ей ключи. Он не испугается, нет. И пусть она не узнает о нем ничего. Пусть только поблагодарит, и уйдет вновь – в свою жизнь, где для Кости никогда не будет места. А может, в благодарность она согласится провести с ним часок-другой? Костя приведет ее к себе и покажет квартиру, расскажет о каждой трещине на потолке, покажет мышку, что прогрызла дыру в стене. Но это не важно. Он отдаст ей ключи. Да, это главное. Но только бы ему не испугаться. Найти в себе силы посмотреть ей в глаза. Протянуть. Это просто.

Но на деле всё оказалось сложнее. И на следующее утро Костя спуститься не смог. Он открыл дверь, оделся. Сделал два шага, понял, что больше не сможет. Страх сковал его. Как прежде, в детстве. Еще шаг вниз – и он упадет в яму, в темноту.

Костя убежал от ямы, закрыл дверь и, обессиливший, сел на кровать. В руке он сжимал черепашку с ключами. Страх проходил, но оставлял презрение к себе.

Он пробовал на следующий день, и еще несколько дней подряд. Всегда одно и то же. Переступая порог, он оказывался во власти страха. Длинные иглы с четырех сторон подступали к нему.

В тот четверг он дал себе слово, что победит страх. Как только силуэт женщины показался вдали, Костя схватил со стола ключи с брелком и побежал вниз. Открыл дверь. Иглы усеяли стены подъезда. Сделал шаг, они удлинились. Он знал, с каждым шагом те будут становиться длиннее, пока, наконец, не настигнут его. Но нужно действовать.

Костя зажмурился и сделал шаг. Ему казалось, он шагает в пустоту. Но твердь под ногами вдохнула в него силы. Он боялся, что не успеет, что женщина уйдет, что не сможет догнать ее. Зажмурил глаза – и побежал вниз по ступенькам. Быстрее. Быстрее. Он сможет. Он спасется и спасет ее.

Костя не смог. Запнулся на пролете третьего этажа и разбил себе голову. Спешившая в школу девочка нашла соседа по подъезду без сознания. Один из его кулаков был плотно зажат.

Так в мир Кости вторглась больница. Впоследствии он не мог понять, как подъезд вдруг обратился в боль и возню незнакомых людей, в голоса, бинты, головокружения. Он знал лишь, что окружающая его действительность хочет только одного – отнять у него черепашку. Костя храбро сражался с ними со всеми. Врачи долго пытались разжать кулак парня, но безуспешно.

Костино сотрясение было не таким опасным, и скоро его должны были выписать. Но снимки головного мозга оказались неутешительными. Странно, что Нина никогда не ходила с сыном по больницам. В первые годы его жизни она слушала врачей, но никогда не обследовала его всерьез.

Костин мозг съедала опухоль. В этом было предопределение – он шел по пути матери. Сейчас уже было сложно определить, как давно образовалась опухоль. Ясно было то, что она сжимала важные мыслительные центры. Быть может, именно она стала причиной неполноценности мальчика, хотя точно сказать было невозможно. Опухоль разрослась до таких размеров, что давление на черепную коробку стало критическим. Доктора удивлялись, каким чудом Костя вообще дожил до его возраста, как был способен мыслить. Они настаивали на продолжении обследований мозга, когда парню станет лучше. Костя слёзно умолял врачей отпустить его. Не мог объяснить, зачем, но просил поверить, что это важно. В предельный пик обнажения души – разжал левую ладонь. Связка ключей и брелок в виде черепахи ничего не сказали врачам, но Костя почти сразу спрятал своё сокровище.

Ему пытались объяснить, насколько серьезно его положение. Костя должен находиться под постоянным наблюдением. Никто не знает, что его ожидает. Он еще поживет, но как долго, неизвестно. Надо следить за активностью опухоли. Любой месяц может стать роковым. Внутричерепная травма, полученная во время падения, только усугубит положение. Внутри него часовой механизм, который отсчитывает день за днем.

Костя не слушал. Равнодушно смотрел на картинки с изображениями мозга. Они напоминали ему телевизор матери. Парень отказывался есть и принимать лекарства. Мучился от того, что так и не смог вернуть ключи своей незнакомке. Он рвался к ней. Знал, там, за окнами, где-то по-прежнему проходит она. А он гниет здесь, среди грубых лиц и скучных понятий.

Главврач, поняв, что ничего от Кости не добьется, сжалился над ним и написал.

И Костя вернулся домой. В пустую квартиру, где его никто ждал. Он ощущал себя беспомощным. Слово «болезнь» носилось в воздухе, но он проходил мимо него. Смутно Костя начинал догадываться о том, что пытались сказать ему в больнице. Но не это его волновало. Его угнетала та запущенность, что царила в квартире. А ведь он так любил чистоту и тепло, старался, чтобы в комнате всегда горел свет. За период его отсутствия кто-то выкрутил лампочку из плафона. В холодильнике ничего не осталось. Мир казался покосившимся. До больницы всё было понятным. Работа, дом, окно, она. Сейчас он не знал, как победить образовавшийся хаос. Как восстановить прерванную череду событий. Костя почувствовал, что находится в мире, перевернутом вверх дном. Но черепашка осталась с ним. Она не отпустила его, не пожелала покидать. И его загадочная женщина скоро вновь будет рядом. Он знал это.

Юноша простоял весь следующий день у окна, но она не появлялась. Вот этого Костя вынести уже не мог. В происходящее закралась ошибка. Женщина возникала ранее изо дня в день. Как солнце, вставала над тусклой жизнью Кости. А теперь?.. Он не поверил в то, что она не появилась. Подумал, что пропустил ее. Соседи приходили к нему целый день, приносили еду и спрашивали о здоровье. Но Костя молчал, ему ни с кем не хотелось общаться.

Она не появилась и на следующий день. На протяжении всей последующей недели. Костя только и делал, что стоял у окна. Но больше не улыбался происходящему на улице. Парню казалось, что во всём виноват он один. Что его паде-

ние в темноту убило незнакомку. Затем он успокаивался, переубеждал себя. Но женщины не было. Он простаивал у окна недели. Истощал и осунулся, но так и не смог дожидаться появления любимой.

Потом Костя перестал ждать. Принял это, как еще один удар судьбы. В сущности, самый жестокий. Он вновь начал ходить на работу и зажил, как прежде. Не обращал внимания на головные боли, которые появились после сотрясения мозга и не покидали его.

Однажды вечером, оставшись в комнате наедине с окном, которое скрывало мир, лишенный ее, Костя не выдержал. Бросил изо всех сил тапок, и стекло посыпалось вниз. В комнате стало свежо. На улице шел дождь. Парень подошел к раме и выглянул: блестящие ромбы, треугольники стекла да синий тапок на асфальте...

Но история любви Кости на этом не закончилась. У него осталась хрустальная черепашка. Смутное напоминание о еще не остывшем чувстве. Сокровище, которое мир у него не отнимет. И все равно, сколько отпущено ему времени; все равно, что головные боли превращают существование в камеру пыток, что, возможно, он тает на глазах — блестящая вещь остается у него. Который раз, придя с работы, Костя откроет ящик стола, достанет оттуда брелок с ключами, положит их на ладонь. Несколько минут он будет всматриваться в мерцающее стекло. Отблески стекла расскажут, что жизнь его не окончена. Ему вновь покажется, что черепашка означает что-то необъятное и непостижимое. Словно стеклянная вещь хранила тайну, ту, что искали многие и не постигали. Ту, что потеряла Нина. Она тоже знала ее, черепашку, держала в руках, любовалась мягким светом. Но та выскользнула из рук, и Нина больше не смогла ее отыскать. А в его руках лукавый и эфемерный огонек зажигается вновь и вновь. Костя боится уронить его.

А еще он знает, что когда-нибудь незнакомка вернется. Он дождется ее, и тогда протянет сохраненные для нее ключи и брелок. Она обрадуется. Костя поборет страхи и болезни. А в раму вставят новое стекло. Он будет ждать. Он отыщет безымянную женщину. Глупо ждать только у окна, она может появиться из-за любого угла города. Он встретит её на одном из перекрестков. В самый неожиданный момент.

2013, 16 февраля – 17 марта

МАРИНА ШУПАК

КОГДА Я СТАНУ ВЗРОСЛОЙ

Решено! Когда стану взрослой, открою свою кондитерскую, ну или пекарню какую. Главное ведь не форма, а запах – свежий, раскаленный, смелый. Достаточно смелый для того, чтобы прорываться сквозь льняные розовые занавески и пугать скучных прохожих своей настоящестью.

Наверное, к тому времени я поправлюсь килограммов на десять. Буду заплетать волосы в тугую косу и носить длинные платья в оборках с передником из грубой и плотной ткани. Вы будете приходить ко мне, неловко топчась у порога, тербя в руках протертый пакет с утончившимися ручками, делая вид, что не можете решиться.

И я тоже делать вид буду: подкидывать дрова в печь, перелистывать пожелтевшие страницы бабушкиных рецептов, раскатывать тесто, якобы не замечая, как вы прильнули заостренным взглядом к жаровне, пытаясь оттаять и вновь научиться быть теплым и благодарным.

В моей пекарне не будет ценников. Оценивать хлеб, если не глупо, то нерационально. Его можно будет либо взять, либо не дотянуться, а посему выбирать придется тщательней. Но робеть не стоит: впитывайте в себя уют его мякиша, вслушивайтесь в треск его корки, вдыхайте девственность его аромата...

...Из-за деревянного прилавка выйду я, с закоптившимся подносом и раскрасневшимися от гордости за вас щеками. Вот уже больше месяца, аккуратно к семи часам вечера вы приходите и спрашиваете, остались ли булочки с корицей на домашнем сливочном масле. Уже через минуту в вашу вязаную шерстяными нитями авоську отправляются целых *два* свертка уже не моего тепла.

А еще, кроме вас, *она*, наверное, любит изюм. Каждое утро субботы вы приходите за рулетом с изюмом и недовольно морщитесь, когда узнаете, что человек в клетчатом пальто уже унес последний для своей дочери.

Жаль, что пока все, на что я способна – это испечь бисквитный торт на свой день рождения. Простенький такой, бесхитростный, как ценовая политика моей будущей кондитерской или пекарни. Главное, свечи не забыть. Все-таки тридцать три – хороший возраст, чтобы начать думать о том, как скрасить время, когда я все-таки стану взрослой.

В ГОРЫ

К черту условности! Я отведу тебя туда, где чувства на вкус горше меда и долше месяца. Взойти туда нелегко, высоко – как до моего доверия, но страховка прочная – у гор тоже есть чувство жалости.

Оденься приличнее: накинь шарф из натуральной шерсти, тот, что тон в тон моим бусам из дикого шиповника. Готов? погоди, я повяжу твои глаза платком с узором из батика. Каждый твой взгляд не на меня – будто нож в спину. Это как стрелы перспелого горного заката осенью – никогда не знаешь, с какой стороны равнодушной глыбы они пронзят тебя в этот вечер.

Возьми меня за руку. В путь! Если ладони мои начнут холодеть – не обольщайся, от близости с небом, а не с тобой, по телу бежит расковывающий холодок.

Я гадаю «любит-не любит», отрывая от плоского солнца полупрозрачные лучи лаваша, пока у скалистой обочины губы твои, опаленные нетерпением, омывает ледяная струя родника. Еще тридцать три тысячи вздохов в унисон – и мы на первой вершине. С обрыва молодой горы свисают ноги мои, обвитые виноградной лозой и руки твои, пытающиеся поймать уходящие в бездну зерна эйфории. Тщетно.

Но не печалься – вместо старого обязательно появится новое, с этой мыслью нас изгоняли ветра из ущелья. И вот, в мгновение взмаха ресниц седого пастуха, из бездны в нас вырастают многоточия, налитые, как поздний виноград поздними сомнениями. Неубедительно, но все же...

Предлагаешь раскидать многоточия на доске не пройденного пути? Согласна. Кидай первым. Пять из десяти? Отлично, у меня – два, и в сумме – пресловутая семерка, преследующая нас все семь дней знакомства. Значит ли это, что нужно двигаться дальше? Порыв ветра накрывает быстрее, чем мой не произнесенный вопрос, и мы на скорости наших взглядов врезаемся в облака.

Шея разодрана в кровь бусами из шиповника, шарф твой унесло дальше, чем мы с тобой успели зайти. Впереди десятки вершин теряются в разнообразии полутонов, а нас с тобой уже ни один оттенок не связывает. Увидим ли мы друг друга в тумане новых облаков? Увидим? Ответа не слышу. За оскаленным горизонтом чья-то фигура отмахивается от стрел переспелого заката.

Я ЗАВИДУЮ

Я завидую. Я завидую городам, в чьих беспорядочных потоках многоголовья различим заразительный смех моих друзей; в чьем бесконечном автомобильном гуле, аккуратно в то мгновение, когда светофор бесстрастно сменяет красный на зеленый, можно распознать их беззвучный плач. Я завидую дорогам, по которым, то размашисто шагают, то нетерпеливо припрыгивают, то измотано плетутся ноги моих друзей. Я завидую местам, мечтам, к которым эти дороги ведут.

Но еще больше я завидую городу, который был нашим и уже никогда нам не будет принадлежать, после того как мы красным вином на белой щебенке, вместо черных чернил на белом листке, поставили точку в наших с ним отношениях. Я завидую городу, где сквозь разломы на крышах деревянных остановок любуются рассветом не наши ослепленные голограммами виз глаза. Где романтика не наших песен пробивает безысходность провинциальной тишины.

Я завидую. Я завидую стране, которая могла бы быть наша, если бы нашла в себе сил не потерять моих друзей. Я завидую странам, которые нашли в себе мудрость принять их. Я завидую людям, которым не нужен специальный тариф для общения с моими друзьями, и я заранее не люблю тех, кто не понимает, какую цену заплатили бы другие, чтобы стать такими же, как они, близкими, безлимитными.

Я завидую моменту, когда мы встретимся вновь, чтобы на время вернуть себе город, в котором мы были счастливы или просто детьми. Чтобы после, расставшись на несколько мэришоров, подбадривать друг друга, мол, «всё хорошо», и беззвучно плакать, пока светофор бесстрастно меняет цвет – красный на зеленый.

Удивительно, сколько зависти может породить одна обреченная любовь.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Наверное, чем старше, тем совершеннее мы становимся в искусстве соблазнения. В эти дни он празднует свое 2795-летие, а пленить меня сумел лишь за сутки. Улыбаясь белозубой улыбкой, он смотрит на меня, черноокий, поверх расписных цветочных ларьков, расставленных (будто бы случайно, но я-то знаю, в чем подвох) аккуратно вдоль моей дороги к университету.

Мы встретились с ним (о – Провидение!) на мосту под названием «Встреча», где он взял мою бледную ладонь в свои уверенные, цвета абрикоса руки и уже не отпускал. Мы бежали под полукруглыми каменными сводами и принимали разговоры прохожих за музыку.

Мы останавливались, чтобы передохнуть, и тогда «пулпулаки» служили нам спасением. Мы взбирались на вершину Каскада, чтобы, укрывшись полотнищем легенд засыпать, мечтая об утре, когда раньше автобуса я встречу Арарат, окутанный пеленой тумана и веры, и затем опять отправлюсь на свидание с ним.

Интересно, сколько у него таких, как я, набралось за 2795 гранатовых лет?

Ереван, октябрь, 2013

ВЕРЕТЕНО ДЛИНОЮ В СЧАСТЬЕ

Все, что дорого, в той или иной мере осязаемо, вот и домой меня тянут невидимые, а вполне себе реальные нити. Куда бы я ни уезжала, они тянутся за мной вслед, хоть за тысячи километров. А чувствовать за собой громадный клубок воспоминаний и продолжений – есть настоящее богатство (которое мне – зачем? – желали некоторые в день рождения).

Клубок этот запутанный, цветастый, хаотичный – вот и белая нить, обвивающая клубок «по экватору», чуть заметно выбивается. Ею, пока я разливаю молоко в глубокие тарелки, папа «разрезает» мамалыгу. А вот эта, розовая и пушистая – этой нитью бабулей связаны зимние носки. Где-то, наверное, в самой середине клубка (чтоб мама не разглядела) свернулись нити, бывшие – свитером маминым, так и не ставшие – салфеткой для урока труда.

На воскресный обед с мамалыгой поспеваю я реже, в розовые носки уже не влезаю, а салфеток не вяжу, но клубок, будто снежный ком, нарастает, обрастая новыми нитями. Почему? Потому что я всегда возвращаюсь.

Куда бы я ни уезжала, нити тянутся за мной вслед – хоть за тысячи километров. А видеть, как клубок этот становится больше, объемнее – настоящая радость.

Значит, этой осенью холодов бояться не стоит.

Значит, мне есть, чем согреться.

Позади меня, впереди меня, у меня в руках – веретено длиною в счастье.

РЕЦЕПТ ДНЯ

...Добавьте в суп специи и помешивайте, доводя до кипения. И сами тоже... помешайтесь: на чем-то, на ком-то, пока не остыли окончательно и не перестали различать сладкое от соленого, превращаясь в пресную смуту. Блюдо украсьте петрушкой и мечтами. Подавать – как можно скорее. Приятного аппетита!

О САЛАТЕ И КИШИНЕВЕ

Сколько ни любовалась букетами астр и хризантем, а все равно в центре Кишинева – то ли после, то ли перед дождем – пахнет салатом из свежих огурчиков.

Чувствую себя в этом салате маслиной, перекатывающейся с каблука на каблук по мокрым улицам, сдобренным небесной подливой. И впереди, и вокруг меня – такие же маслины: зеленые совсем, с истекающим сроком годности, ”подкормленные” химикатами для придания свежести.

Жаль только, что нельзя, как в магазине, сразу узнать, “а эти с косточкой, или без?”. Тут уж как повезет: то ли угадаешь с выбором, то ли рецепт выкидывать придется, то ли терпеть. Это я о салате. А вы?

СЕМЬ «НЕ»

Ты спрячешь свои глаза, чтобы я **не** видела в них отражение **не** себя.

Чтобы **не** перестала чувствовать и доверять в порыве сравнений ее греческого профиля со своими, уже расплывающимися в невечности твоих воспоминаний чертами.

Чтобы **не** мое отражение **не** напомнило мне обо всех наших желанных и неслучившихся «**не**».

Недоцелованные губы мои обливаются красным, и в зеркальце с обоймой в горошек отражается тот, кому отправится уже **не** твоя улыбка.

ВОРОНА

Мне кажется, однажды я стану вороной. Буду ворчливо перебирать черствыми лапками по мокрому асфальту и недовольно смотреть на весьма довольных голубей в парке. Так и представляю, как ты нарочито изысканно стряхиваешь из кармана своего поношенного пиджака самые аппетитные крохи наспех поглощенного обеда. Причем – прямо в эпицентр голубиного логова. Голуби – голубушки! Делают вид, что умилены, а между тем, каждая так и норовит обойти свою пернатую подругу, чтобы занять место поближе к твоим красным ботинкам.

Мое протестное «кар» разрушит слюняво-крошечную идиллию. Я взмахиваю жесткими, пропахшими весенней лужей крыльями, а они – к тебе, еще ближе, почти вплотную подбираются. Ты смеешься, тебе это нравится. Да и кому не нравятся голуби? Кто из нас втайне не торжествовал, когда среди десятков людей в сквере они окружали именно нас своими понимающими взглядами?

Так и ты сейчас – улыбаешься, а украдкой глядишь, чтоб никто не пробежал и не спугнул внезапного детского счастья. Громогласное «кар» готово слететь с моих вороньих уст в отместку тебе, равнодушному. Но рядом проходит мамаша с коляской. Розовошее чудо умиротворенно спит, и нет ему дела до птичьих разборок.

Я сижу на скамейке почти что напротив и думаю. А знаешь, я не стану вороной. Почему? Я сделала вывод, что черный мне не идет. Так же, как красные ботинки – тебе.

В следующий раз просто обойду этот парк стороной.

ПАВЕЛ ПОЛИЩУК

* * *

Джо ходил по комнате кругами
и молчал.
Элис собирала оригами
бледными руками.
В телевизоре странный канал:
на японском,
Чтоб не отвлекал,
Оставался размеренным фоном.

Он сказал.
Наконец-то сказал,
Что уволен с работы,
Утомили заботы и штили –
И он сам попросил, чтоб его отпустили.
И что летом они –
Не в Париж, а на дачу,
И что это удача, теперь вся отдача
Только их. На двоих!
Что теперь лишь стихи да картины.
Они выбрались из паутины.
Он не должен сидеть над отчетом,
Врать в подсчетах.

Она слушала молча.
Слушала и молчала,
Будто он кричал ей с причала
Недостаточно громко
И как-то мало...
– Может, хочешь, чтобы сыграл на рояле?
Пока мы его не продали.
Элис хмурила брови,
кусала губу
И бросала под стол корабли.
Потом крикнула
Громко:
– Да, гори ты в аду!
Как ты мог не спросить и уйти?

Джо нашел философский камень,
Но пустил скакать по воде.
Ну, как в детстве,
По глади
Следами-кругами,
Где-то сажени две –
И на дне.

Элис забирает колье,
Платья, кофточки.
Думайте сами...
Она уезжает к маме.
И теперь он – сам по себе,
Он сидит один в темноте.

Как и был один в темноте...

* * *

Я чувствую – скоро рассвет,
Хотя и не стало светлее.
И, может быть, это мой бред,
Я верю своей ахинее.

Я верю, что скоро восход
Погонит светило из тени
И медленно, как пароход,
Толкнет в облака приключений.

Я чувствую – скоро проснусь.
И дремы смирительной сладость
Оставит мне выбор и грусть,
Оставит мне боль и усталость.

Я чувствую – скоро конец.
Ночь в ужасе, в панике, в страхе.
Луны бестолковый венец
Кривится улыбкой во мраке.

Рассвет! Пусть не нового дня.
Конец! Пусть не ночи, не тени.
Я ч у в с т в у ю близость Огня
И Ярких Крутых Изменений.

* * *

Ты спросишь меня, что такое свобода,
А я тебе не отвечу,
Потому что свобода – молчать в ответ на вопросы,
Кричать в тишине,
Светить среди ночи
И свет поглощать среди дня,
Потому что свобода – не быть таким, как прочие.
И эта Свобода... свобода не про тебя.

ПОЧТИ ИСПОВЕДЬ

Вы знаете, что случилось с Посейдоном?

Нет, вы не знаете.

Он утонул.

Не верите? Спросите у Зевса. Хотя... вы не сможете.

Его же торкнуло током! Тоже мне, умник... Мокрыми руками взял фен: бородо сушить.

Всё! Разрыв перца... Сердца у него не было, нет. А теперь и не будет.

Ареса в окопе свои же с криком: «Мочи ПИ...» – прикладом по затылку приложили.

А что он? Голышом... В одной каске...

Ну, да не в этом дело! От аллергии он того... не вынесла душа эстета.

Хорошо, что он еще, как обычно, никого надуть не пытался и собак своих, дармоедок, дома оставил.

Четыре лошади у него было: Пламя, Шум, Ужас и Блеск.

На них теперь дед Василий поле пашет.

Хорошие лошади... Да и он веселый был.

Жаль бога войны. Если бы выжил, понял бы, что тут не только его хитрож... умные планы и стычки, но и грязь...

Фу...

Лежит вместе со всеми. На куче. Только в простыню завернули, а то вообще срам.

Гермес шел по улице, стащив из булочной пакет кексов. Тут подъезжает фургон.

Забрали. Говорят – на органы!

Даже крылья не смутили...

Ах, да. По поводу крыльев.

Афродита влюбилась в этого... Купидона.

Ходит по дому туда-сюда. Огонь зажжет, а чайник, набранный так и оставит рядом.

Горе страшное.

Нельзя им быть вместе! Возраст не тот.

Не выдержала... Теперь в клинике. А он застрелился. Как, как? Из лука! Правда – от лука плачут.

Гефест, бог огня, курил ночью в кровати. И...

В 3 часа Аид с Дионисием прибежали, Посейдон ведь утонул.

А если пожарных вызовешь – милиция приедет. Объясняй им потом: кто такие и почему без прописки.

Ну вот. Решили сами.

Да куда там!

Аид угарного газа надышался, а Дионисию, бухому на нет, хоть бы что. Вышел из горящего дома, говорит: «Жарко там».

И поплелся.

Его, вроде как, машиной сбили студенты какие-то. Тоже «веселые».

По крайней мере, мне так сказали.

Вот и остались Аполлон с Артемидой.

К Аиду в больницу апельсины не носят. Из-за Персефоны. Так и не помирились. Это длинная история.

Можете почитать в античной, пожелтевшей от времени или просто желтой прессе.

С Гераклом они тоже не в кентах. Он, видите ли, в рекламе снимается. Каши какой-то.

То ли для бОДИБИЛдеров, то ли для лошадей.

Вы знаете, что случилось с Посейдоном?

Ах, да... Я же уже говорила.

Печально все это.

Помню, как папа, Кронос, собирает нас вместе и говорит:

-Заканчивайте с этими вашими штуками.

Посейдон, вылазь скорее. Сколько можно в душе ляпаться?

Гефест, а ну оставь спички.

Арес, Гerk, прекратите! Вы же братья. Чего вы опять деретесь?

Дита, тебе еще рано краситься.

Денис, я хотел с тобой серьезно поговорить. Это правда, что, когда вы рассвет встречали, ты напился? И анекдоты пошлые про титанов рассказывал?.. Больше без разрешения с Олимпа ни ногой!

Гермес, ты почему маме говоришь, что тебе ничего не задают? И что это за махинации опять: выменял карандаши на сладкий снег? Мы же договаривались.

А мы такие:

– Да ладно. Мы же боги!

*

Месяц не выхожу из дому.

Сплю по 14 часов в сутки.

Осталась совсем одна.

Гестия.

г. Бельцы

НИКОЛАЙ КОСТЫРКИН

МОЛОДЁЖЬ МОЛДОВЫ: РАЗОБЩЕНИЕ, КАК СЛЕДСТВИЕ НЕУМЕНИЯ МЕЧТАТЬ

Условно говоря, молодежь – это те, кому от 16 до 35. Эти возрастные рамки стали плодом выводов многочисленных социологов, решивших, что человек начинает взрослеть именно в 16 и завершает свое становление в жизни, наработку общественного авторитета, круга общения, витальных кредо и убеждений именно к 35 годам. Нас всех запихали в это среднее арифметическое и долго рассуждать о том, насколько оправдано это «место под солнцем», нет никакого желания. Ведь любая подобная условность в современном мире – это результат жизнедеятельности не одного миллиона человек. Кто-то строит свою жизнь, а кто-то всегда наблюдает, суммирует, обобщает. И, живи мы иначе, умозаключения ученых, несомненно, были бы абсолютно другими. Неумолимая статистика пестрит множеством фактов, выходящих за рамки цифр, тем более, когда каждая цифра – чья-то жизнь.

Молодежь Республики Молдова – это типичные представители вышеозначенного возрастного промежутка, живущие в постсоветской стране. Странно, прошло уже больше двадцати лет с момента распада Советского Союза, но слово «постсоветский» не сходит с языка политиков, экономистов, людей науки и культуры многих стран мира. С чего бы? Может быть, потому, что ни одна из бывших союзных республик за эти два с небольшим десятилетия так и не сумела создать ничего более значимого ни с политической, ни с экономической, ни с духовно-культурной точки зрения, нежели те императивы и ценности, которые, пусть в большинстве своем и «сверху», но были привиты и прижились в СССР? А порой отсутствие правильных ценностей сродни «сну разума», как раз и породившего то, что мы имеем на сегодняшний день. В частности, и в нашей стране.

Ведь, если говорить о том, какое качество наилучшим образом характеризует современную молодежь, живущую в Молдове, то это – увы! – разобщенность. И разобщенность не только между людьми, то есть внешняя, но и внутри каждого... Простите за столь усердную скрупулезность и невеселое начало этого очерка, но, если не приукрашивать ничего, то именно с такой, как любит повторять одна местная радиоведущая, «ноты» и нужно начинать. И это не категоричность ради категоричности, не стремление представить всё и вся в неудобном свете, а всего лишь попытка прямо и честно поставить вопрос ребром.

Находясь сегодня где-то в середине временного промежутка от 16 до 35, у меня есть возможность взглянуть на проблему изнутри. Главное, чтобы хватило разума и внутренней смелости рассказать обо всем верно и объективно.

И, несмотря на разобщенность и даже некую разнополярность, все-таки, думаю, стоит говорить здесь от первого лица и во множественном числе.

Итак – мы. Мы, подавляющее большинство из которых родились в веке двадцатом и наравне с поколением родителей вкушаем все прелести века двадцать первого. Век двадцатый для многих из нас родной, свой какой-то – и дело не только в том, что там, за «чертой-2000» осталось наше зачастую далеко не безоблачное детство. Просто тогда всё было проще, чище и понятнее. Была страна, которую развалили и продолжают разваливать до сих пор: слишком много тогда было сделано, чтобы уничтожить всё лишь за два десятка лет. В той стране были пионеры и комсомольцы, и кое-кто из нас успел побывать в их рядах. В нас органично сочетается любовь к утраченному советскому прошлому, в нём мало кто, если задуматься, смог бы ужиться; и критика многих событий и явлений этого же самого советского прошлого. Причем и то, и другое – плод самозабвенной честности и едва ли не поголовной исторической безграмотности. Ведь в школах, университетах нас никто не учил анализировать прошлое, сопоставлять события, выискивать факты и не путать теплое с мягким.

В Молдове, как показывает практика, больше некому учить таким необходимым навыкам дальнейшей, если угодно, взрослой жизни – старое поколение учителей до сих пор учится учить по-новому, по программам, одобренным властями, заведомо обрекающим школьников и студентов только на банальную зубрежку многих непонятных вещей. Причем практически по всем предметам. В министерстве просвещения сидят люди, абсолютно не понимающие, что именно нужно в современном образовании и уж тем более не понимающие, каким должен выйти в свет человек после последнего курса университета, что он должен знать, в чем разбираться, на какие ценности опираться. Видимо, так происходит потому, что апологеты современного молдавского образования – сами плоть от плоти нашего смутного времени, такие же заложники внутренней разобщенности, как и мы.

Поэтому мы и учимся «для галочки», для бумажки, переноса систему пунктиков и «плюшечек» на все последующие годы своей жизни. Работа – для зарплаты, женитьба, замужество – потому что «время пришло и пора детей рожать»; общение – ради статуса, а дальше – семейные торжества как повинность; дружба с начальством как способ пролезть наверх; выгуливание супруга или супруги – как перманентный обязательный ритуал.

Раньше в такую «кабалу жизненных страстей» попадали лет после 45 и то далеко не все, а почему и как – это уже совсем другая история. Теперь же эти процессы идут в гору лет с 25. Не это ли истинное старение человечества?

С другой стороны, подобное «времяпрепровождение» – не что иное, как вынужденная мера, диктуемая нам нормами и обстоятельствами жизни в обществе, где каждый изначально – сам за себя. Где подростки начинают работать не потому, что не хватает на компьютер, велосипед, книги, а потому что их заработок – возможно, половина семейного бюджета. Многие из нас стали ценить деньги едва ли не с начальных классов, их часто не хватало дома. У кого-то это отноше-

ние к «мамоне» вылилось в понимание необходимости постоянного труда, совершенствования знаний и навыков, чтобы всегда, при любых обстоятельствах оставаться на плаву. А у кого-то императивом по жизни стало желание получить много и сразу, потому что «в нашей стране заработать нормальным путем невозможно».

Среди нас крайне мало патриотов – понятие патриотизма обесценено. Сначала это произошло по вине внесших свою лепту в развал Союза националистов, затем – война в Приднестровье: как можно чтить страну, развязавшую братоубийственную войну?! Довершил дело переход к рыночной экономике.

Флаг, герб и гимн выглядят смешно в наших глазах при властях, не заботящихся о своем народе. Искромсанная и поделенная Молдова не в состоянии сегодня быть центром притяжения ни для одного ее жителя. Поэтому нам так легко принимать решение о переезде на «пэ-эм-жэ» за рубеж. В отличие, например, от России, у нынешней Молдовы просто не хватает духовных, наработанных поколениями ресурсов, чтобы ее модно было без оглядки ценить, пусть и ругая власть. Даже те из нас, кто по тем или иным причинам не собирается покидать Родину в ближайшее время, все равно не делает ставку на нее, задумываясь о собственном будущем. Чтобы ставить на страну, нужно видеть ее будущее, хотеть рассуждать о нем, думать о том, какой она будет через десять, двадцать, тридцать лет. А думать об этом страшно.

Нас разобщила не политика, – некоторые мои ровесники попросту пытаются заработать, таская на демонстрациях флаги той или иной партии – нас разобщила... история. Противоречия между националистами и теми, кто хотел нормальной, здоровой жизни, как в наследство передались нам от поколения родителей. К этому примешивается и языковой вопрос. «Хвала» системе образования, государственный язык в школах преподают из рук вон плохо – русскоязычным молодым людям приходится наверстывать знания на курсах и в живом общении.

Мы не любим поднимать острые вопросы межнациональных противоречий, достижений и ошибок прошлого, обсуждать, кто оккупант, а кто имеет право жить в Молдове. Когда встречаются представители молодежи двух берегов Днестра, мало кто из них говорит о конфликте 20-летней давности, после которого выросло не одно поколение «пожирателей мифов». Сказать по правде, мы все – заложники мифов, советских, прорумынских, приднестровских. Мы все успели вкушать этой баланды не только за школьной партой, но и в разговорах с родными, позиция которых, к сожалению, далеко не всегда бывает полной и однозначной. В своем стремлении занять место под солнцем в пределах родной страны мы даже временами готовы проглотить еще миф-другой, чтобы «сойти за своего». Только время идет и в итоге те из нас, кто задумывается о чем-то менее сиюминутном, отбрасывают эту ненужную мишуру и начинают работать над жизненными убеждениями самостоятельно. Если для таких явлений ещё находится место «в мире чистогана».

Цена разобщенности внешней и разобщенности внутренней никогда не бывает малой – слишком высок тариф самоизоляции и неумения договориться с самим собой. И, если страна, история, уровень жизни и всеобщей морали не в состоянии стать достойной базой для жизни молодых людей, то остается одно редкое в наши

дни и потому столь завидное качество личности – умение и желание мечтать. Возможно, не видя достойной для себя перспективы, и, именно поэтому перестав мечтать, мы еще больше замыкаемся в быту, в околополитических и межнациональных дразгах. Но, кто знает, может быть, именно достойная и светлая мечта даст нам возможность найти самих себя и единомышленников, а, значит, разорвать этот порочный круг, сковавший наши потенциал и волю. Кто знает...

Николай КОСТЫРКИН – родился в 1985 году в Кишиневе, житель Молдовы во втором поколении. Закончил Молдавский государственный университет по специальности «журналистика». Работает корреспондентом в информационном агентстве «Новости-Молдова». Пишет с 18 лет. Публиковался в местных литературных изданиях, в частности, в журнале «Русское поле». Член Ассоциации русских писателей Республики Молдова.

ЮМОР, САТИРА, НЕБЫВАЛЬЩИНА

Поле чу...

ОЛЬГА СИЗЫХ

БЕЛЫЙ КОТ

Очень не хотелось вставать... С трудом отодрав себя от постели, я поползла в мастерскую, нужно было срочно закончить заказ. Умываться не пошла, чай решила сделать уже в мастерской, как обычно. — После чая умоюсь, — вяло пробормотала сама себе и начала, спотыкаясь, подниматься по ступенькам. Черт, забыла ключ! С надеждой оглянулась, вдруг кто из ребятишек бежит, чтобы сгонять за ключом. Да откуда? Пять утра. — Мррррр... мрррр... мррррр... — на крыльце приветливо улыбался огромный пушистый белый кот. — Слушай, сходи за ключом! — обрадовалась я. — Ладно, — сразу согласился кот и убежал. Ожидание затянулось... Сидя на ступеньках крыльца, я несколько раз едва с него не упала, сон был сильнее меня. Устав ждать пушистого друга, пошла его искать. Дома была абсолютная пустота... Ни мебели, ни оконных рам, ни вещей, ничего. — О Боже, что это? В полной растерянности я ходила из комнаты в комнату и ужасно переживала за котика: где он, что с ним? — Мя-а-а, — донеслось из угла. — Котя, котенька! Наконец-то! Но картинка не обрадовала меня. Еще недавно пушистый красавец был завернут в какое-то тряпье, как в пеленки, лежал на полу, жалобно постанывая. Худой-худой! Жалкий-жалкий! — Что с тобой? — спрашиваю я его. — Меня взяли в плен, — ответил он. — Тебя там совсем не кормили? — Да откуда? Ни грамма. — А где все? — Они их увезли с собой, а меня выкинули, потому что металлоискатель запищал. — Отчего? — Так ключ же. — Ах, ключ! Ну да, ключ, я и забыла. Размотав пеленки, вытащила ключ и пошла на работу... Силы меня оставляли, очень хотелось спать. — Спи, спи, я донесу тебя, — мой пушистый друг взял меня на руки и запел: «Мррр... мррр... мрррр...». — Интересно он поет песню Кая Метова, — думала я сквозь сон. — Как чудесно!... Будильник прозвучал ужасающей какофонией на фоне Кая Метова, мурчащего в виде огромного белого кота. Я с трудом отодрала себя от постели и, не умываясь, побрела в мастерскую.

СЧАСТЬЕ

Меня зовут Эфеш. Мне скоро исполнится пять лет, и я очень люблю динозавров, у меня их много-много-много! Каждый день одного динозавра я отдаю маме, чтобы она приготовила его на ужин, а потом мы все вместе его едим с гречкой или с рисом, или с макаронами, или с картошкой... Очень вкусные жареные динозавры! Когда я был ребёнком, я их боялся, а теперь я — мужик и охочусь на них, я могу, смотрите, какой я сильный! Это Серёга научил меня ходить на охоту и ловить динозавров, стеклозавров, тиранозавров, синезавров и ещё разных-разных динозавро-ри-ных национальностей... Раньше мы жили с мамой и бабушкой, потому что папа мой живёт за тридевять земель и только шлёт посылки и звонит по телефону, ругается с мамой, а потом она плачет... Мама говорит, что мы никогда к нему не вернёмся, а я

не знаю, люблю его или нет, забыл. Мне, конечно, хочется, чтобы папа приходил за мной в садик, как у Давида и Виктора и у других детей, потому что они мне все говорят, что я вру, что у меня есть папа, и не верят, что мой крутой костюм купил он. А мне обидно. А послезавтра Серёга сказал мне, что теперь он мой папа-Серёга, а ещё он приходит забирать меня из садика, он самый крутой и сильный! Теперь у меня два папы. Как я счастлив!

ОДИН ИЗ ДВЕНАДЦАТИ

...На спасательной станции народ был в основном весёлым, но речь пойдёт не столько о людях, сколько о котах. А котов было двенадцать, все они приходились друг другу родственниками, а потому не очень любили друг друга, да и началось все со старшей в роду кошки Гади, чей скверный характер передавался по наследству даже дальней родне. Сама она уж давно состарилась и жила на спасалке на правах пенсионерки; почти слепая и глухая и полностью потерявшая нюх, она реагировала только на два слова: «Гадя» и «Поц», причем слышала их в любой громкости и в любом тембре. «Гадя» – это прекрасная музыка и позывной к еде и теплу, а «Поц» – всегда опасность и мерзость. Поц приходился ей кем-то вроде внучатого племянника, вечно озабоченный, он постоянно посягал на ее целомудренность.

Вообще-то, Поц изначально был Боцманом, потом его сократили на Боца, а далее, в какой-то недобрый час, Боц стал уже и не Боц... Изначальное же морское имя своё он получил исключительно за достижения в мореплавании, вернее – в озероплавании, ибо спасательная станция находилась на озере, шут его знает, как называвшемся, – Озере и всё. Однажды пьяный спасатель Цуков, обидевшись на кошака, ворующего у него из-под носа мойву, возмущенно швырнул его со всего своего богатырского размаха чуть ли не на середину водоёма с воплем: «Одним Гадиным вырождением меньше будет!». Но не тут-то было. Полосатый (как и весь выводок) кот и не думал тонуть. Через несколько минут он запрыгнул на стол и стал ожесточенно стряхивать с себя воду прямо в лицо вытаращившего глаза, онемевшего Цукова... Придя в себя, спасатель повторно «спас» кота, на что котятра упрямо ответил быстрым возвращением на стол с последующим опрыскиванием обидчика.

Речь, собственно, о котах, потому что именно они хозяева на спасательной станции, а люди – только гости лета, которое каждый год неумолимо сменяется осенью... Но пока еще команда спасателей, включая и толстенную медсестру Славу, с упоением издевается над кошаками. Звезда первой величины Поц, научившись плавать, совсем перестал бояться воды. Он часами лежал на пирсе, глядя на свое отражение в озерной ряби. О чем он думал? Услыхав приближающиеся голоса спасателей, Поц оживлялся и уже без тени многочасовой лени переминал лапами пирс, как-то искристо-весело встречая взглядом своих мучителей. Как только кто-то из ребят брался за весла, Поц, в стремлении снова стать Боцманом, длиннющим прыжком покорял борт шхуны, а если не успевал (парни старались молниеносно отчалить от навязчивого кота), то догонял их вплавь, вскарабкивался на борт и, гордо занимая место вперёдсмотрящего на самом кончике носа лодки, улыбался, как умеют улыбаться только коты, изредка, поглядывая на парней. Он знал, что сейчас будет, он знал, что эти хмыри, называвшие себя баболазами вместо «водолазов», захотят на середине озера от него избавиться, и он знал, что ни фига у них из этого не выйдет... Там, прямо по центру озера, стояла над водой пластиковая бутылка, немым свидетелем маразма. Когда-то, в советские времена, это была верхушка фонтана в стиле навороченного барокко, весь фонтан ныне обрелся под водой, украшенный водо-

рослями и ракушками, к которым присоединились предметы неряшливости людей. Озеро-то находится почти в центре города, в одной из низин между холмами, на которых бурно кипит цивилизация со всеми атрибутами мегаполиса. Когда-то и здесь был просто лесопарк, зона отдыха горожан, украшенная малыми архитектурными формами, а потом какой-то новый буржуй наполнил парк водой, оформил пляж и запустил в новоявленное озерцо карасей, коими и питались все обитатели спасалки.

Поц не знал всей предыстории, он знал лишь, что его сейчас высадят на бутылку и с индейскими воплями, бешено махая веслами, погребут к сетям с рыбой... От волнения у него невольно вырвалось утробное мяуканье и тело само покинуло корму. В состоянии какого-то иступленного транса кошка начал совершать круги по кормке борта лодки, бесконечные и бессчетные...

«Чё-то замышляет», – мрачно процедил свозь зубы Цуков. Он не любил кота, вернее, любил как-то не по-человечески, по-кошачьи, что ли, ревниво отстаивая свою территорию. Он был по образованию ихтиолог, поэтому в пьяном состоянии подолгу рассказывал Поцу о неблагородном происхождении карасей и устриц, об их нечистоплотности и о том, что он, Поц, только этих тварей и должен жрать, и не трогать его мойву... Поц слушал внимательно и не перебивал, единственный со всей спасалки...

...Лодка тем временем подплыла вплотную к торчащей над водой вверх тормашками бутылке... Началось... Нет, ребята не были варварами и любили своих мурчащих питомцев. Доставалось только Поцу, в силу его уникальности: парни хотели зрелищ и сами их устраивали, глядя, как уложенный ими животом на бутылку шестикилограммовый кот мгновенно какой-то бесовской силой подбрасывался вверх, и вот уже все 4 лапы снова на выпуклом донышке бутылки, в глазах азарт и... через секунду он снова в лодке! Трюк повторялся многократно, до полного изнеможения счастливого вниманием животного и боли в животах от смеха членов экипажа... Когда наш герой от усталости плюхался в воду, не допрыгнув до лодки, его бережно вынимали из пучины и, завернув в фуфайку, везли к вождельным неводам...

Так проходило лето... Сейчас, в приближении осени, все коты и кошки спасательной станции, исхудавшие от приключений и любви, с клоками облезавшей в линьке шерсти, выглядят жалкими, но, вернувшись сюда зимой, мы увидим лоснящихся, с искрящейся шерсткой разжиревших от мирной и мерной жизни, а также от карасей красавцев, а рядом с ними старика, ветерана не только спасалки, но и бывшего парка, для которого эта станция и эти 12 котов – все, что у него есть, вся его жизнь... Быть может, тогда он еще что-нибудь нам поведаст...

СТАРИК

Старик стоял молча... Весь его облик был воплощением покорности и смиренности, только протянутая вперед рука немножко диссонировала с его безучастностью к миру, она вопрошала, она просила, она была его Словом...

Я наткнулся на него случайно, рыская по незнакомому городу с другого конца света в поисках денег и пищи. Мне уже удалось насобирать немного бутылок, буквально рискуя жизнью, уводя их из-под носа местных бомжей, поделивших весь город на зоны владения, и я, гордый этими мелкими, но жизненно важными победами, сдал их в первый попавшийся приемный пункт, предвкушая обед в дешевой вокзальной кафешке. Добрую половину собранного богатства выбраковали приемщики, но я был рад и половине.

Преодолев полстраны на пути домой короткими перебежками электричек и со-

биранием бутылок или цветных металлов на станциях и полустанках, к этому времени я практически перестал интересоваться названиями городов и селений, меня больше занимали карты железных дорог, расписание электричек, колонки и безопасность вокзалов.

...До Москвы осталось 3500 км. Где это было? Казань? Тула? Омск? И не вспомню ни за что, не вспомню так же, как не забуду его...

Он не позвал меня, не окликнул, не попросил, но я, проходя мимо, как будто наткнулся на какую-то преграду, ударился о невидимое и, только резко остановившись, увидел его. Небесно-голубые глаза, глубоко посаженные под лохматыми «брежневскими» бровями, смотрели немигающим влажным взглядом прямо в душу. Неизбывная боль и печаль этих стариковских глаз проняла меня до печёнок, и я выгреб все с таким трудом собранные деньги и положил в его ладонь.

Теперь, спустя 12 лет, я спрашиваю себя – он тебе был нужен?! Он, преследующий теперь тебя во сне и наяву, он, глядящий из каждого встречного старика. Иногда он приходит наяву, садится в уголке и сидит молча целый день, а потом засыпает и растворяется, а я молюсь, чтобы он уснул.

А тогда я положил ему в его сморщенную ладонь свои скудные трофеи и, не узнавая своего голоса, спросил: «Дедушка, у вас никого нет?». Я сам не понимал, почему мне было так жаль его, почему он отозвался во мне болью? А он молчал, ничего не отвечал, только продолжал смотреть на меня своими слезящимися глазами...

– Молодой человек! – вдруг окликнул меня женский голос. Я обернулся и увидел двух улыбающихся девушек.

– Извините, пожалуйста, это шутка, он не живой, возьмите свои деньги. Мы его сделали на конкурс восковых фигур и установили здесь, чтобы посмотреть, как люди будут реагировать. Вам он понравился?

Я не ответил, потрясенный, я уходил от них, унося за собой в будущее образ воскового старика, ставшего для меня живым...

ИСПОВЕДЬ УЧИТЕЛКИ

...Пришлось с утра остограммиться и зажевать мускатным орехом для нейтрализации запаха. Первый урок, чёрт его дери.

Серёжка с Юркой Баранцевым ещё спят, а мне на работу.

Вчера было весело, как и во все Юркины приезды. Настоящий кладёз анекдотов! И где он только находит новые байки?

Что он там вчера рассказывал? Ааа... голова...

Сто грамм «Пшеничной» сделали своё дело, и память начала возвращаться, как и хорошее настроение. Наспех похватав со стола, накрытого для спящих мужа и его друга, я побежала в школу, вспоминая по дороге новые анекдоты и смеясь, шокируя встречных прохожих.

Уже забегая в класс, не ко времени вспомнила анекдот про сову, меня распирало кому-то его рассказать. Шестой "Б" орал, гремел столами и стульями, хохотал, визжал и бесновался. Для них я всегда готовила шокотход в класс, единственное действующее средство для прекращения их агонии.

В этот раз всё произошло стихийно.

– Тихо! Анекдот!

Они заткнулись, тяжело дыша и ещё сохраняя идиотское выражение физиономий.

– Летит сова по лесу. "Угу! Угу! Угу!"

Бац! – головой об дерево! – "Ого! Ого! Ого!"

...На секунду лица стали человеческими и... дружный хохот объединил нас в один организм.

– Ольга Ивановна, ещё! Пожалуйста!

– Меня уволят.

– Нет, мы никому не расскажем!

– Ну хорошо.

Я рассказала им ещё несколько вчерашних анекдотов, веселясь вместе с ними. В конце урока задала домашнее задание, пригрозив, что проверять буду без поблажек, на том и разошлись на перемену.

Но это было только начало...

Они бегали по школьным коридорам, бегали как сумасшедшие и кричали:

– Угу! Угу! Угу!

Нарочно столкнувшись с кем-то из учителей, делали безумный взгляд:

– Ого! Ого! Ого!

Они заразили этим всех, кого смогли. Учителя и отличники – ботаны, тоже ставшие жертвами «теракта», испуганно прижимались к стенам, но совы были самонаводящиеся и настигали их всюду.

До кабинета директора или до физрука никто добежать не смог, они были на первом этаже, никто не решался прорваться через налёт мессершмиттов...

На уроках все снова были паиньками, а на переменах возобновляли атаки.

Я дрожала и втихомолку смеялась, меня не трогали.

Но дрожала я напрасно. Директор прессовал их по полной, отыскивая носителя анекдота и зачинщика оргии, но тщетно. Никто не выдал ни меня, ни моего достойного преемника. Любили, наверное.

СЛУЧАЙНЫЙ КОД

Батюшка был пьян... Да я и сама была в состоянии непонятного для меня транса, то ли от таблеток, то ли от прогрессирующей анемии... Сумочку свою я оставила в кабинете врача, а рецепты почему-то не выпускала из рук. В эту маленькую церквушку, отгороженную от мегаполиса лесочком и мегамаркетом, меня занесло случайно. Шло миропомазание. Я не могла отвести глаз от совершенно хмельного попа, мысленно повторяя: «Уйди из церкви, уйди...». Он уже едва ли не двадцатый раз подходил ко мне, пачкая мой лоб миром, когда вдруг во мне возникла мысль: – Лучше бы денег дал на лекарства. – Сколько? – спросил он. Ответ был раньше осознания случившегося. – Шестьсот, – стрельнула в него моя мысль. Посланец Божий откинул подол рясы, вынул из кармана брюк скрученную пачку баксов и, отсчитав 12 пятидесятидолларовых купюр, сунул их мне в руку. – Батюшка, что вы делаете? – староста была в ужасе. Священник, молча, отодвинул её рукой в сторону, стянул с себя рясу и вышел из Храма... Он меня никогда не узнает. Я его никогда не забуду.

Ольга СИЗЫХ – родилась в 1959 году в украинском городе Нововолынск в семье врачей. Детство и юность прошли в Алтайском крае, куда отец был направлен на работу. В 1981 году окончила Новосибирский инженерно-строительный институт им. Куйбышева по специальности архитектура. В Молдову приехала в 1983 году. Работала в районной архитектуре, затем – преподавателем по изобразительному искусству и черчению в школе, позже стала свободным художником, выполняла работы по иконописи в православных храмах, писала картины на заказ. В прозе и поэзии пробовала себя ещё в школе, но тягу к писательству стала испытывать в конце 90-х, теперь это – любовь и потребность.